

ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2020, № 3

Санкт-Петербург
2020

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2020, № 3

Saint-Petersburg
2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Бахавиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Бор В.М., декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варьгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Керимов А.Д., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Багаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Даниила Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2020

© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2020

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Head of the Department of Management of Crime Investigation Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Kerimov A.D., Chief Scientist at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter B, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2020

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities
«University», 2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., сенатор, член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., senator, member of the Committee of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on constitutional law and state building; Member of the Bureau of the Presidium of the Russian Bar Association; Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

<i>Гутман М.Ю., Сальников В.П.</i>	Не счесть наград на их груди. О наградах руководителей полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской Империи – (1718 – 1917 гг.)	11
<i>Егоришин В.М.</i>	О взаимосвязи науки и образования: некоторые размышления умудренного жизнью ученого и практика	32
<i>Ботанцов И.В.</i>	Судебная реформа 1864 года как детерминант развития системы права России	44
<i>Литвинов Н.Д., Петров П.А., Сальников М.В., Щербатых И.М.</i>	Покушение А. Соловьева на Александра II как спецоперация гибридной войны Запада против России	50
<i>Машиеро Я.П., Потапов Ю.А.</i>	Служить во имя закона: Вклад Д.Н. Набокова в осуществление судебно-правовых реформ 1864 г.	74

**Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс.
Административное право и административная деятельность**

<i>Булатов Р.Б., Боер В.М., Андрейцо С.Ю.</i>	Муниципальная власть в России: становление	79
	и развитие (историко-правовой подход)	

**Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право.
Гражданский и арбитражный процесс**

<i>Имомова Н.М.</i>	Органы ЗАГС и защита семейных прав ребенка	87
---------------------	--	----

**Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное
право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное
и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность
и правоприменительный процесс**

<i>Аксенов Д.В., Сокольский Г.Ю.</i>	Состояние преступности в сфере незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте	97
<i>Владимиров В.Ю., Заславский Г.И., Ковалев А.В., Сальников В.П., Чёрный Я.А., Романенко Г.Х.</i>	Фальсификации в судебно-медицинской экспертной деятельности: пути их выявления и предотвращения	102

**Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс.
Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность**

<i>Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Штевнин И.С.</i>	Проблемы, связанные с реализацией отдельных принципов уголовного процесса	117
--	---	-----

<i>Захарцев С.И., Гаранин А.О.</i>	Правовое регулирование предоставления результатов ОРМ «Отождествления личности» органу дознания, следователю, прокурору или в суд	129
<i>Раджабова Н.Х.</i>	Уголовная ответственность в сфере обеспечения транспортной безопасности	136

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная
и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат**

<i>Безрядин В.И., Ергина А.С., Морозов А.И.</i>	Процессуальные сроки как механизм обеспечения прав и свобод граждан	140
<i>Дудников А.С., Максимов А.А.</i>	Вклад Федора Никифоровича Плевако в риторическую науку	147
<i>Пономарев К.В., Войтович Л.В.</i>	Александр Иванович Урусов – создатель свободного литературного языка защитительной речи	154

**Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право.
Иностранное право**

<i>Кондрат И.Н., Старовойтова О.Э.</i>	Право и медицина должны быть вместе. Рецензия на учебник И.Х. Бабаджанова (И.Х. Бободжонзода), С.Г. Стеценко «Медицинское право Республики Таджикистан. Учебник для медицинских и юридических вузов. Душанбе: Дониш, 2019»	160
--	---	-----

**Философия права. Правовая культура
и правосознание. Социология права и юридическая психология**

<i>Захарцев С.И., Сальников В.П.</i>	Может ли государство присваивать себе право убивать людей: некоторые размышления	166
<i>Насков Д.С.</i>	Правосознание: теоретико-правовая интерпретация	175
Информация для авторов		192

CONTENTS
Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Gutman M.Yu., Sal'nikov V.P.</i>	There are countless awards on their chests. On the awards of the leaders of the police of St. Petersburg – the capital of the Russian Empire – (1718 – 1917).....	12
<i>Egorshin V.M.</i>	On the relationship between science and education: some reflections of a life-wise scientist and practice	32
<i>Botantsov I.V.</i>	Judicial reform of 1864 as a determinant of the development of the legal system in Russia	44
<i>Litvinov N.D., Petrov P.A., Sal'nikov M.V., Shcherbatykh I.M.</i>	A. Solovyov's assassination attempt on Alexander II as a special operation of the hybrid war of the West against Russia	50
<i>Mashero Ya.P., Potapov Yu.A.</i>	Serving in the Name of the Law: The Contribution of D.N. Nabokov in the implementation of judicial and legal reforms in 1864	74

**Constitutional and municipal law. Constitutional litigation.
Administrative law and administrative activities**

<i>Bulatov R.B., Boer V.M., Andreytso S.Yu.</i>	Municipal power in Russia: formation and development (historical and legal approach)	80
---	--	----

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Imomova N.M.</i>	Registry office and protection of family rights of the child	87
---------------------	--	----

**Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law.
Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law.
Legislation and enforcement process**

<i>Aksenov D.V., Sokolsky G.Yu.</i>	The state of crime in the sphere of illegal circulation of potent substances used in sports	97
<i>Vladimirov V.Yu., Zaslavsky G.I., Kovalev A.V., Sal'nikov V.P., Cherny Ya.A., Romanenko G.Kh.</i>	Falsifications in forensic medical expert activity: ways of detecting and preventing them	102

**Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure.
Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities**

<i>Bezryadin V.I., Kondrat I.N., Shtevnin I.S.</i>	Problems related to the implementation of certain principles of criminal procedure	117
--	--	-----

<i>Zakhartsev S.I., Garanin A.O.</i>	Legal regulation of the provision of the results of ORM «Identity identification» to the body of inquiry, investigator, prosecutor or court.....	129
<i>Radjabova N.Kh.</i>	Criminal liability in the field of transport security.....	136

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

<i>Bezryadin V.I., Ergina A.S., Morozov A.I.</i>	Procedural terms as an arrangement for ensuring the rights and freedoms of citizens.....	140
<i>Dudnikov A.S., Maksimov A.A.</i>	Contribution of Fedor Nikiforovich Plevako to rhetorical science	147
<i>Ponomarev K.V., Voitovich L.V.</i>	Alexander Ivanovich Urusov – the creator of the free literary language of defense speech.....	154

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

<i>Kondrat I.N., Starovoitova O.E.</i>	Law and medicine must be together. Review by I.H. Babadzhanov (I. H. Bobojonzoda), S. G. Stetsenko. Medical law of the Republic of Tajikistan. Textbook for medical and law schools. Dushanbe: Publishing House MN «Donish», 2019.	161
--	--	-----

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

<i>Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P.</i>	Can the state arrogate to itself the right to kill people: some reflections.....	166
<i>Naskov D.S.</i>	Legal Consciousness: Theoretical and Legal Interpretation.....	175

Information for the authors.....	192
----------------------------------	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ГУТМАН Матвей Юрьевич,

профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mygutman@gmail.com

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,

главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-лейтенант милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НЕ СЧЕСТЬ НАГРАД НА ИХ ГРУДИ.

О наградах руководителей полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской Империи – (1718 – 1917 гг.)

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы о наградах руководителей полиции столицы Российской империи – Санкт-Петербурга (июнь 1718 – февраль 1917 гг.).*

Это первая из трех публикаций, содержащая краткий, и, безусловно, не полный анализ тех многочисленных видов поощрений, которыми удостоивались руководители полиции-милиции за более чем 300-летний период её существования. Авторы сосредоточили основное внимание на российских государственных наградах, как одном из видов морального поощрения, а также на орденах иностранных государств. Учтено и то, что руководители нередко награждались и негосударственными наградами, которых со временем становилось всё больше и больше. Это правительственные, ведомственные, общественные, конфессиональные и другие награды, которые им вручались за успехи в выполнении своих обязанностей, за выслугу лет, по случаю юбилеев, нередко за личную преданность, заслуженно и незаслуженно. Имели место и случаи лишения наград.

Обращаясь к данной теме, авторы поставили перед собой задачу показать как награда, являясь одним из видов поощрения, имеет моральное и материальное значение, побуждает награждённых к лучшей работе и службе, выделяет их из общей массы, является примером для подражания, и самое главное – служит для блага Отечества.

Ключевые слова: награда; наградная система; наградная политика; знак ордена; звезда и статут ордена; медаль; нагрудный знак.

GUTMAN M. Yu.
SAL'NIKOV V.P.

THERE ARE COUNTLESS AWARDS ON THEIR CHESTS. On the awards of the leaders of the police of St. Petersburg – the capital of the Russian Empire – (1718 – 1917)

The summary. The questions about the awards of the heads of the police of the capital of the Russian Empire – St. Petersburg (June 1718 – February 1917) are considered.

This is the first of three publications that contains a short, and certainly not a complete analysis of the many types of rewards that the leaders of the police-militia have received over more than 300 years of its existence. The authors focused mainly on Russian state awards, as one of the types of moral encouragement, as well as on orders of foreign states. It was also taken into account that the leaders were often awarded with non-state awards, which over time became more and more. These are government, departmental, public, confessional and other awards that were awarded to them for success in performing their duties, for length of service, on the occasion of anniversaries, often for personal loyalty, deservedly and undeservedly. There were also cases of deprivation of awards. Addressing this topic, the authors set themselves the task of showing as a reward, being one of the types of encouragement, has moral and material significance, encourages the awarded to better work and service, distinguishes them from the general mass, is an example to follow, and most importantly, it serves for the good of the Fatherland.

Key words: award; reward system; premium policy; badge of the order; star and statute of the order; medal; Chest sign.

Основанный Петром I в 1703 году в устье Невы Город Санкт-Петербург, уже в первом же десятилетии XVIII века стал столицей Российской империи, в которой были созданы практически все службы, необходимые для его функционирования, кроме полиции, призванной охранять общественный порядок и вести борьбу с преступностью. И такая служба была создана Указом Петра I от 25 мая 1718 г. Её возглавлял генерал-полицимейстер, как руководитель полиции Санкт-Петербургской губернии, одновременно осуществлявший и общероссийское руководство полицейскими отделениями крупных городов через Главную полицмейстерскую канцелярию. Обязанности генерал-полицимейстера содержались в лично написанных императором «Пунктах, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицимейстеру», которые были чрезвычайно широкими. В обязанности полиции были включены не только административные и сыскные функции, но и судебные, финансовые и

хозяйственные, то есть практически она отвечала буквально за все сферы жизни столицы. Однако постепенно её функции сужались, всё более и более сосредотачиваясь на охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Вполне естественно, что деятельность такого должностного лица подвергалась не только контролю со стороны высших государственных органов, но и самого монарха, который их назначал, отстранял от должности, наказывал и награждал [1; 2; 3].

Ко времени основания Санкт-Петербурга в России уже существовала определённая система поощрения лиц, в том числе и наградная, которые верой и правдой служили Отечеству, защищали его, и, конечно, были преданы монарху.

В соответствии с современным содержанием понятия награда – это что-либо, выдаваемое (даваемое, присваиваемое) в качестве поощрения за заслуги, отличия, в знак благодарности кем-либо за что-либо. Одним из назначений

награды является предоставление особого социального статуса лицу, получающему награду.

Система государственных наград России была ориентирована на привилегированные сословия – прежде всего на дворянство, духовенство, чиновничество и отчасти на купечество. В законоположении о наградах Российской империи – «Учреждение орденов и других знаков отличий» – специально отмечалось, что «мещанам и лицам сельского состояния ордена не испрашиваются». На рубеже XVIII-XIX вв. в российскую наградную систему были включены и награды для «нижних чинов» – солдат и унтер-офицеров [13].

Эта система уже в те времена включала в себя достаточно многочисленные виды материальных и моральных поощрений: от объявления благодарности до пожалования тысячами десятин земли с тысячами крепостных, возведение в княжеское и графское достоинство, присвоение высоких званий и назначение на вышестоящие должности. Особое место среди наград занимала система почётных знаков, к которым относятся ордена, кресты, медали, знаки отличия, являвшимися зримыми свидетельствами достижений и личных качеств человека. И количество наименования этих знаков и их степеней (классов) постоянно увеличивалось. Формирование российской наградной системы было практически завершено в первой трети XIX в.

Безусловно, среди почётных наград высшее место занимали ордена Российской империи, пожалованные российским монархом.

Орденская система в Российской империи включала в основном восемь орденов, имевших более 20 степеней, и насчитывала большое количество орденских знаков, звёзд, цепей и лент.

Ордена Российской империи

1. Орден Святого апостола Андрея Первозванного учреждён в 1698 г. Девиз ордена: «За веру и верность».
2. Орден Святой великомученицы Екатерины учреждён в 1714 г. Девиз ордена: «За любовь и Отечество».
3. Орден Святого Александра Невского учреждён в 1725 г. Девиз ордена: «За труды и Отечество».
4. Орден Святой Анны учреждён в 1735 г. в Голштинии. Девиз ордена: «Любящим правду, благочестие, верность». Присуж-

дался в России с 1742 года. Узаконен как российская награда в 1797 году.

5. Орден Святого Георгия учреждён в 1769 г. Девиз ордена: «За службу и храбрость».
6. Орден Святого равноапостольного князя Владимира учреждён в 1782 г. Девиз: «Польза, честь, слава».
7. Орден Белого орла учреждён в Польше, по преданию, в 1325 г. Причислен к российским наградам в 1815 г. Девиз ордена: «За Веру, Царя и Закон».
8. Орден Святого Станислава учреждён в Польше в XVIII веке. Причислен к российским наградам в 1815 г. Девиз: «Награждая, поощряет».
9. Орден Святого Иоанна Иерусалимского учреждён в 1113 г. Введён в систему императорских наград Павлом I в 1797 г. С 1801 г. награждения не производились. В 1817 г. орден в России был отменён.

При Екатерине II была учреждена еще одна боевая награда – золотое оружие – шпаги, сабли и палаши (для моряков), на вызолоченном эфесе которых имелась надпись «За храбрость». Генералы и адмиралы награждались золотым оружием, украшенным бриллиантами.

С 1855 г. знаки орденов, вручаемых за военные подвиги, стали дополняться перекрещенными мечами.

С 1869 г. (год столетия со дня учреждения ордена Св. Георгия) – награждённые золотым оружием причислялись к кавалерам ордена Св. Георгия, а его старшинство было установлено после ордена Св. Георгия 4-й степени.

В 1870 г. было установлено, что полученные за боевые заслуги ордена с мечами не снимаются даже при получении более высоких степеней этого ордена.

Одной из особенностей наградной системы Российской империи было то, что все награждённые были обязаны вносить в Капитул Российских Императорских и Царских орденов определенные денежные пожертвования. Чем выше была степень ордена – тем больше был денежный взнос.

В течение XVIII-XIX веков размеры взносов кавалерами разных орденов постоянно менялись. При Павле I, например, к орденам Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святой Анны 1-го класса (степени), были установлены выплаты соответственно в 400,

давало такие преимущества, как освобождение от личных податей, рекрутской повинности, получение права на льготные заемные кредиты и ссуды в банке и т. д. Многим кавалерам выплачивалось из казны и ежегодное денежное вознаграждение, т.н. кавалерские пенсии, а также единовременные пособия.

Следует отметить и четкую иерархию российских орденов, (от высших к низшим орденам):

- орден Святого Андрея Первозванного (с бриллиантами и без них);
- орден Святого Владимира 1-й степени;
- орден Святого Александра Невского (с бриллиантами и без них);
- орден Белого Орла;
- орден Святого Владимира 2-й степени;
- орден Святой Анны 1-й степени;
- орден Святого Станислава 1-й степени;
- орден Святого Владимира 3-й степени;
- орден Святого Владимира 4-й степени;
- орден Святой Анны 2-й степени;
- орден Св. Станислава 2-й степени;
- орден Святой Анны 3-й степени;
- орден Святого Станислава 3-й степени;
- орден Святой Анны 4-й степени (только военная награда).

Орденская система Российской империи законодательно закрепляла принцип постепенности (очередности) награждения орденами: от низшего к высшему ордену с соблюдением соответствующей выслуги лет и чина.

1. Святого Станислава III степени;
2. Святой Анны III степени;
3. Святого Станислава II степени;
4. Святой Анны II степени;
5. Святого Владимира IV степени;
6. Святого Владимира III степени;
7. Святого Станислава I степени;
8. Святой Анны I степени;
9. Святого Владимира II степени;
10. Белого Орла;
11. Святого Александра Невского;
12. Святого Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

Ордена Святой Анны 4-й степени и Георгия всех степеней как военные награды не участвовали в общей постепенности награждения. Высшие ордена Андрея Первозванного, Святой Екатерины, Святого Владимира 1-й степени также исключались из списка постепенности, так как ими награждал лично император по своему усмотрению.

Знаки и звёзды орденов Российской империи

Знаки и звёзды ордена Святого апостола Андрея Первозванного

Знаки и звёзды ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. Он был единственным орденом Российской империи, имевшим цепь. С 1855 года к знакам ордена, полученного за военные подвиги, присоединялись два скрещённых золотых меча, помещаемых сверху креста, а на звезде – по центру.

Первый российский орден Святого Апостола Андрея Первозванного. Орден не имел степеней и классов. «За особые заслуги» мог вручаться с бриллиантами.

Статут ордена (1892 г.) «Никакие точные заслуги не определяются законом для достижения сего ордена, и удостоверение оным зависит единственно от Монаршего внимания к службе и отличиям высших чиновников государственных... Имеет лишь одну степень. Кавалеры ордена считаются все в 3-м классе государственных чинов, то есть наравне с генерал-лейтенантами, хотя бы по службе находились и ниже... Двенадцать кавалеров ордена Св. Андрея, в том числе три духовные особы, получают ежегодные пенсии по 1000 руб. (трое самых старших) или 800 руб. (остальные). Величина пенсии совпадает с установленной для Георгиевских кавалеров 1-кл... Жалуемый орденом Св. Апостола Андрея Первозванного, хотя бы прежде не имел других Российских орденов, сим единым

пожалованием должен быть почитаем равномерно кавалером четырёх младших Российских орденов: Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны первой степени и Св. Станислава первой степени, коих знаки и препровождаются к нему вместе с знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозванного».

Павел I первым начал жаловать орденами Святого апостола Андрея Первозванного лиц духовного звания. Узаконено было Павлом и награждение всех без исключения младенцев мужского пола – великих князей орденом Андрея Первозванного при крещении, а князей императорской крови – по достижении совершеннолетия.

Первым кавалером ордена Святого Апостола Андрея Первозванного стал Граф Фёдор Алексеевич Головин (1650-1706) – один из ближайших сподвижников Петра I, который за участие во второй Азовской кампании был награждён золотой медалью.

Золотая медаль А.Ф. Головина. А.Ф. Головин. 29 июня 2010 года Банк России выпустил в обращение памятную монету из серебра номиналом 25 рублей, посвященную А.Ф. Головину.

Вторым награждённым орденом Андрея Первозванного был украинский гетман Иван Мазепа. Когда в ноябре 1708 года стало достоверно известно об измене Мазепы, Петр I приказал отлить для предателя специальную медаль, которую должны были надеть ему на

шею перед казнью. Она весила 12 фунтов (около 5 кг), на лицевой стороне ее был изображен Иуда, а на оборотной выбита надпись: «Трекляты сын погубительный Иуда, еже за сребролюбие давится».

По различным источникам орденом Андрея Первозванного в Российской империи было награждено от 900 до 1100 человек [10].

Орден Святой Великомученицы Екатерины

Знаки и звезды ордена Святой великомученицы Екатерины Большой и Малый крест.

Орден Освобождения, вскоре переименованный в Орден Святой Великомученицы Екатерины, был учрежден в 1714 г. чтобы увековечить заслуги царицы Екатерины Алексеевны, избавившей Российскую Армию и самого Государя Петра Алексеевича от пленения во время Прутского похода 1711 г.

Орден имел 2 степени: Большого и Малого креста, отличавшиеся размером и отделкой драгоценными камнями. В статуте ордена не были указаны заслуги, за которые следует награждать. Орден стал высшей наградой для дам. Орденом могли быть награждены только лица дворянского происхождения, в том числе иностранки. В 1797

году Павел I законодательно закрепил обычай – каждая родившаяся великая княжна получала орден Святой Екатерины. Великие княжны получали орден Святой Екатерины I степени при крещении, княжны императорской крови – по достижении совершеннолетия. Для кавалерственных дам также предусматривались соответствующие ежегодные пенсии.

Единственный раз орденом Святой Екатерины 5 февраля 1727 г. был награжден мужчина – малолетний сын А.Д. Меншикова – Александр.

Всего за два столетия орденом были награждены 734 дамы, из них более 310 удостоились 1-й степени [11].

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия

1. Крест и звезда ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I степени. 2. Крест и звезда ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия II степени. 3. Крест ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия III степени. 4. Кресты ордена ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени.

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия учрежден императрицей Екатериной II Великой 26 ноября 1769 г.

Согласно статуту, орденом могли награждаться только воинские чины. Орден имел 4 степени. 1 и 2 степени имели знак и звезду ордена. Знак Георгия 4-й степени вручался и за «25 лет беспорочной службы» в офицерских чинах. Согласно статуту ордена, «ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны, не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать: ибо заслугами оный приобретается». Орден стал самой почитаемой во всех слоях общества воинской наградой.

За полтора века орденом 1-й степени были награждены всего 25 человек, 2-й степени – 121 человек, 3-й – 653, 4-й – более 6 тыс. Полными его кавалерами стали четыре человека: генерал-фельдмаршалы М.И. Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, И.Ф. Паскевич и И.И. Дибич. С 1849 года фамилии всех кавалеров ордена помещались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Количество выдаваемых пенсий награжденным орденом Святого Георгия, как и награжденным другими орденами, ограничивалось фиксированным фондом. Пенсии получали на протяжении всей жизни только те, кто был награжден первым. Первоначально фонд выплачивал пенсии 12 кавалерам 1-й ст. – по 700 руб., 25 кавалерам 2-й ст. – по 400 руб., 50 кавалерам 3-й ст. – по 200 руб. и 100 кавалерам 4-й ст. – по 100 рублей.

Знаки ордена Святого равноапостольного князя Владимира

Императорские звезды ордена Святого равноапостольного князя Владимира

Знаки и звезды ордена Святого равноапостольного князя Владимира.

Императорский Орден Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира был учрежден 22 сентября 1782 г. императрицей Екатериной II Великой в честь князя Владимира Святого по случаю 20-летия своего царствования. Статут ордена: Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых». Орден имел четыре степени. Статут этого ордена повелевал: «Сей орден никогда не снимать».

7 декабря 1789 года, Екатерина II особым указом определила как дополнительное видимое отличие для знака 4-й степени, получаемого за военные подвиги, бант из орденской ленты. Первым кавалером ордена Святого Владимира

4-й степени с бантом стал капитан-лейтенант Д.Н. Сенявин, вторым – М.Б. Барклай-де-Толли. Особо ценились ордена Владимира 4-й степени с бантом как боевые офицерские награды, стоявшие только на ступень ниже ордена Св. Георгия 4-й степени. Он являлся до 1917 г. наградой для широкого круга военных в чине от подполковника и чиновников среднего ранга.

С 1845 г. награждённые только орденами Святого Владимира и Святого Георгия любых степеней получали права потомственного дворянства, в то время как для других орденов требовалось награждение высшей 1-й степенью [9].

Количество награждений: 1 степени награждено около 700 человек, 2 степени – около 3 тыс., 3 степени – около 10 тыс., 4 степени – около 30 тыс. человек.

Орден и звезда Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского

Знаки и звёзды ордена Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского

Императорский Орден Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (орден Святого Александра Невского) – одна из высших наград Российской империи с 1725 по 1917 год. Орден был задуман ещё Петром I для награждения за военные заслуги. Закон не определял заслуг для награждения орденом. Награждение им зависело «единственно от Монаршего внимания к службе и отличиям высших чиновников государственных». Но был учреждён уже после смерти Петра Великого 21 мая (1 июня) 1725 г. Екатериной I и награждение орденом осуществлялось «в воздаяние трудов, для отечества подъемлемых». Орден имел одну степень. Он стал третьим российским орденом после ордена Св. Андрея Первозванного и женского ордена Святой Великомученицы Екатерины и

использовался также для поощрения гражданских лиц.

Александровские кавалёры при награждении вносили единовременный взнос в Капитул в размере 200 рублей (с 1860 г. – 400 руб. Для сравнения: годовое жалование генерал-майора в 1970 г. составляло 1100 рублей, поручика – 340!) Часть из этих средств оставлялась в распоряжение Капитула, а часть – передавалась в распоряжение «Александровского комитета о раненых». При пожаловании наград с бриллиантами 10% от их стоимости направлялась на благотворительные цели в пользу увечных воинов.

За время существования ордена известно 3674 факта награждения. Наиболее часто награда раздавалась в 1916 году (105 фактов награждения) [8].

Орден Святой Анны

1. Императорские знак и звёзды ордена Святой Анны. 2. Знак и звезда ордена Святой Анны 1-й степени. 3. Знаки ордена Святой Анны 2-й степени для гражданских лиц, военных и парадный. 4. Знак ордена святой Анны 4-й степени.

Орден Святой Анны был учрежден в 1736 г. Голштейн-Готторпским герцогом Карлом-Фридрихом в память умершей в 1728 г. жены, дочери императора Петра I Анны Петровны. Присуждался в России с 1742 года.

5 апреля 1797 г. был введен указом императора Павла I в наградную систему Российской империи для отличия духовных лиц, военных, гражданских и придворных чинов, а также иностранцев. Статут ордена утвержден в 1829 году. Орден имел 4 степени. 4-я степень ордена Георгия была исключительно военной наградой для офицеров и представляла собой медальон с изображением креста с короной, носимый

на эфесе холодного оружия с надписью «За храбрость».

С 1828 к ордену 3-й степени, выданному за боевые заслуги, прилагался бант, чтобы отличать от кавалеров, получивших 3-ю степень за гражданские заслуги.

Первоначально награжденные любой степенью ордена Святой Анны автоматически становились потомственными дворянами. В 1845 году было установлено, что только 1-я степень ордена даёт потомственное дворянство, а остальные степени – только личное.

Со времени учреждения ордена им были награждены сотни тысяч человек.

Орден Святого Станислава

1. Знак и звезда ордена Святого Станислава 1-й степени. 2. Знак ордена Святого Станислава 2-й степени. 3. Знак ордена Святого Станислава 3-й степени.

Орден учрежден 7 мая 1765 г. Польским Королем Станиславом-Августом Понятовским в Польше в XVIII веке, во имя Святого Станислава Епископа Краковского (XI в.), являющегося Покровителем Польши.

В 1839 году Николай I издал новый статут ордена, согласно которому он теперь разделялся на три степени и мог быть пожалован любому подданному Российской Империи и

Царства Польского как за военные и гражданские отличия, так и за частные заслуги, например благотворительность.

Орден Святого Станислава 3-й степени стал самым младшим в порядке старшинства российских орденов и вручался чаще других. Его получали многие военные и статские, прослужившие установленные сроки и имевшие чины не ниже 12-го класса.

Орден Святого Иоанна Иерусалимского

1. Знаки ордена Святого Иоанна Иерусалимского. 2. Звезда ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Орден Святого Иоанна Иерусалимского учрежден в 1113 г.; в России – с 1797 г. Орден имел три степени: I степень – Большой

командорский крест; II степень – Командор; III степень – Кавалер.

Большой и Командорский кресты носились

на шею на черной орденской ленте (шириной 6,5 см). Кавалерский крест (меньшего размера) – на груди, в петлице мундира. Каждой степени соответствовала звезда, носившаяся на левой стороне груди.

Для награждения женщин предусматривались две степени – Большой крест и Малый крест.

Для «нижних» воинских чинов был учрежден так называемый «донат» – маленький медный Мальтийский крест. С 10 октября 1800 г. этим крестом жаловали солдат и унтер-офицеров за 20 лет беспорочной службы (вместо знака отличия ордена Св. Анны).

Крест-монат ордена Святого Иоанна Иерусалимского

В 1810 г. Александр I выпустил Указ о прекращении награждения орденом Святого Иоанна Иерусалимского, а в 1817 г. орден

прекратил свое существование в России. Всего в Российской империи было вручено около 2 тысяч знаков ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Орден Белого Орла

1. Императорский орден Белого Орла. 2. Орден Белого Орла с мечами. 3. Звезда ордена Белого Орла. 4. Звезда ордена Белого Орла Временного правительства.

Предположительно орден Белого Орла был учрежден в 1325 г. польским королем Владиславом (Белый Орел – основной элемент польского герба). Восстановление ордена осуществил в 1705 г. польский король Август II (курфюрст Саксонский Фридрих-Август I). В ноябре 1712 г. польский монарх возложил знаки

ордена Белого Орла на русского царя Петра I.

Орден был причислен к российским наградам в 1815 году и имел одну степень. Девиз ордена: «За Веру, Царя и Закон». При учреждении орден стоил 200 золотых рублей и оплачивался, как и другие ордена самим награжденным.

Число награждённых орденами руководителей полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской империи и уровень награждённости (1718 – февраль 1917 гг.)

Количество орденов, вручённых одному человеку	Количество награждённых	Фамилии и инициалы награждённых
Не имели наград	8	
До 3-х наград	17	
До 5	6	
До 10	10	
До 15	6	
До 20	3	В.В. Валь, И.А. Фуллон, Д.Ф. Трепов
Свыше 20	3	П.А Шувалов, Ф.Ф. Трепов, А.А. Козлов
Итого	53	

Наименование орденов, пожалованных руководителям полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской империи (1718 – февраль 1917 гг.) *

Наименование орденов	1-я ст.	2-я ст.	3-я ст.	4-я ст.	Алмазные знаки к орденам	Итого
1	2	3	4	5	6	7
Орден Святого Апостола Андрея Первозванного	Миних Б.К., Салтыков В.Ф., Шаховский Я.П., Корф Н.А., Лопухин П.В., Голенищев-Кутузов П.В.					6
Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия	Эртель Ф.Ф., Папков П.А., Голенищев-Кутузов П.В., Шкурин А.С., Глазов П.М., Балашов А.Д., Горголи И.С., Глазков И.В., Шульгин А.С., Княжин Б.Я., Шкурин А.С., Дершау А.С., Кокошкин С.А., Галахов А.П.					14
Орден Святого Равноапостольного князя Владимира	8	15	17	12		52
Орден Святого Станислава	13	11	7			31
Императорский Орден Святой Анны	26	21	12	6	8	73
Орден Святого Иоанна Иерусалимского	2					2
Орден Святого Благоверного князя Александра Невского	26				9	35
Орден Белого Орла	16					16
Итого						229

Проведённый анализ награждений руководителей полиции Российской империи России

отечественными орденами позволяет сделать ряд выводов:

1. Если судить по количеству наград, то данная категория чиновников высшего ранга России не была обойдена наградами. В среднем на каждого награждённого приходилось по 8 орденов, не считая других видов поощрения, которых в стране было достаточно, как моральных, так и материальных.

2. По мере развития наградной орденской системы награды стали более частыми. Так, за период с 1718 по 1800 гг. обер-полицмейстерами Санкт-Петербурга был 21 человек, которые, будучи на различных должностях, в том числе и на этой должности, всего были награждены орденами 27 раз, в том числе высшей наградой России – орденом св. Андрея Первозванного 5 раз и орденом св. Александра Невского 6 раз. В этот же период Б.Х. Миних был награждён саблей с надписью «За храбрость», а П.М. Глазов особо почитаемым орденом Георгия Победоносца 4-й степени. В среднем на каждого приходилось по 1,5 ордена, но это были ордена Высшего уровня.

За последующее почти 100 лет (с 1800 по 1895 гг.) на посту обер-полицмейстера и градоначальника Санкт-Петербурга сменилось 25 человек (от Н.С. Овсова до В.В. Валя). В этот период награждения уже производились чаще – на каждого из руководителей приходилось по 6 наград разного уровня.

Им в разное время было пожаловано (не только во время службы министром МВД) 146 орденов: 18 орденов Святого Александр Невского, в том числе и с алмазами, 15 орденов Святого Георгия Победоносца. Одним орденом Святого Андрея Первозванного был награждён П.В. Голенищев-Кутузов. За этот же период четверым было вручено золотое холодное оружие с надписью «За храбрость».

3. В 1895 – 1917 гг. на посту градоначальника Санкт-Петербурга сменилось 7 человек, которые в разные годы были удостоены 51 награды, в том числе один из них – Н.В. Клейгельс был награждён и орденом св. Александра Невского, и именным холодным оружием с надписью «За храбрость».

Таким образом, в XIX – начале XX веков в среднем одному руководителю было пожаловано 7,5 наград! Однако это были награды уже более низкого уровня, чем в XVIII веке. Мы считаем, что это было определено тем, что, с одной стороны, появилось больше видов наград, в том числе и орденов с разными степенями, и,

во-вторых, более чётко был определён статут орденов и круг лиц, которые могли быть награждены конкретными орденами.

4. Но нас интересует, прежде всего, проблема соотношения пожалованных наград и эффективность работы данного человека на посту руководителя полицией столицы России. Безусловно, этот показатель далеко не всегда был объективной оценкой его деятельности на этом посту. В период самодержавия не всё зависело от успешной деятельности руководителя. Значительную роль играл субъективный фактор (награждать орденом имел право только император, а во время войн некоторые награды было разрешено вручать отличившимся командующими армиями и фронтами). Влияли на «раздачу» наград в Российской империи и близость к власти придержавшим, и «дворовые интриги», и «подковёрная борьба» и др.

Из 53 руководителей полиции Санкт-Петербурга за 200 дореволюционных лет 22 человека (42 %) были удостоены наград. По одному ордену получили 16 человек, по 2 ордена – 3 человека, и только один Драчевский был удостоен орденов трижды. Но в то же время градоначальник П.А. Грессер был удостоен 2-х российских и 7-ми иностранных орденов, а Ф.Ф. Трепов – 2-х российских и 17 иностранных орденов! Видимо непродолжительность пребывания на этих постах и сложность службы, особенно в начале XX столетия, не позволяли им показать себя успешными в этой должности и получить российскую награду. Участие же в различных «парадных» мероприятиях, проводимых в столице достаточно часто с участием августейших особ России и иностранных государств, а также чиновников высшего уровня, во время которых нередко проходило награждение и вручение подарков позволяло им быть «на виду», быть замеченным. Нахождение в свите Государя или присутствие на этих мероприятиях позволяло и им быть в числе награждённых. Но эти награды были не самого высокого уровня. Видимо этим можно объяснить тот звездопад, который обрушился на грудь Ф.Ф. Трепова, П.А. Грессера и А.А. Козлова.

Но россияне награждались не только отечественными орденами. Многие видные деятели Российской империи: гражданские и военные, в том числе и сотрудники полиции, были удостоены высоких наград иностранных государств.

Иностранные ордена, пожалованные руководителям полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской империи. Число награждений. (1718 – февраль 1917 гг.)**

1. Австрийский Кавалерский крест ордена Леопольда – 4
2. Австрийско-венгерский Королевский орден святого Стефана – 1
3. Австрийский орден командорский крест Франца Иосифа – 3
4. Австрийский орден большой крест Франца-Иосифа – 2
5. Австрийский орден Железной Короны, большой крест – 7
6. Баварский орден Заслуг святого Михаила, большой крест – 1
7. Баварский орден Максимилиана-Иосифа – 4
8. Баварский орден «За военные заслуги» Командорский крест – 1

9. Баденский орден Верности – 1
10. Баденский орден Церингенского Льва – 1
11. Баварский орден Гражданских заслуг Баварской короны, большой крест – 1
12. Ганноверский Королевский Гвельфский орден 4-й степени – 1
13. Гессен-Дармштадский орден Людвига, большой крест – 1

14. Бельгийский орден – Большая лента ордена Леопольда – 1
 15. Болгарский орден св. Александра 1-й степени – 3
 16. Болгарский орден «За гражданские заслуги» – 1
 17. Бухарский орден Восходящей Звезды 1-й степени и с алмазами – 2
 18. Вюртембергский крест ордена Короны 1-й и 2-й степени – 2

19. Вюртембергский орден Фридриха 1-й степени – 4
 20. Гессен-Дармштадский орден Филиппа великодушного 1-й степени – 1
 21. Греческий большой командорский крест ордена Спасителя – 5
 22. Датский орден Данеброга, большой крест – 1
 23. Кульмский крест – 3
 24. Испанский орден Изабеллы Католической 1-й степени – 1
 25. Испанский орден Карла III 1-й степени – 1

26

27

28

29

26. Итальянский орден св. Маврикия и Лазаря, большой крест – 1
 27. Итальянский орден Короны, большой крест – 1
 28. Мекленбург-шверинский орден вендской короны 1-й степени – 3
 29. Орден Золотого Льва дома Нассау – 1

30

31

32

33

30. Ольденбургский крест ордена Петра-Фридриха-Людвига – 1
 31. Персидский орден Льва и Солнца 1-й степени – 6
 32. Польский орден Virtuti militari (Виртути Милитари) – 1
 33. Португальский орден Христа, большой крест – 1

34

35

36

37

38

34. Прусский орден Короны 1-й степени – 8
 35. Прусский орден Красного Орла – 7
 36. Прусский орден Красного Орла, большой крест – 3
 37. Прусский орден Пур ле Мерити – 4
 38. Прусский орден Железного Креста – 1

39. Румынский Железный крест «За переход через Дунай» – 1
 40. Румынский командорский крест Короны – 1
 41. Румынский орден Звезды 1-й степени – 2
 42. Румынский орден Звезды 2-й степени – 1
 43. Саксен-Веймарский орден Белого сокола – 2

44. Румынский орден Короны 1-й степени – 1
 45. Саксен-альтенбургского Эрнестинского дома командорский крест – 4
 46. Саксонский орден Рутовой короны – 1
 47. Саксонский Большой крест ордена Альбрехта – 2

48. Сербский орден Такова 1-й степени – 4
 49. Сиамский орден Белого Слона – 1
 50. Турецкий орден Меджидие 1-й степени – 2
 51. Турецкий орден Османье 1-й степени с алмазами – 1

52

52. Французские кресты и ордена Почётного Легиона – 8

53

54

53. Черногорский орден кн. Даниила I 1-й степени – 9

54. Шведский орден Меча, большой крест – 2

В награждении руководителей полиции столицы Российской империи участвовали 28 иностранных государств. В основном это были государства Европы: Австрия, Бавария, Болгария, Греция, Дания, Испания, Италия, Персия, Пруссия, Румыния, Сербия, Турция, Черногория. Награждали их небольшие европейские герцогства (Баден и Гессен-Дармштадское и др.) и королевства (Люксембург, Ганновер).

Основными наградами были ордена, которыми награждались россияне во время войн и заграничных походов (прежде всего, это были военачальники высокого ранга, некоторые из них впоследствии назначались руководителями полиции столицы России – Санкт-Петербурга), особы царского двора (им вручались наиболее высокие награды), сотрудники дипломатических служб и другие, члены различных миссий, выезжавших за рубеж.

Среди награждённых руководителей полиции столицы России было и немало лиц, которым также вручались ордена, но, как правило, не за успешную деятельность на своём посту, а за прежние заслуги, до назначения или после отставки с должности министра МВД. И, тем не менее, среди руководителей полиции Санкт-Петербурга было немало лиц, награждённых в разные годы иностранными орденами.

Количество награждённых россиянами каждым государством было различным. Наибольшее число награждений было проведено Пруссией – 26, Австрией – 17, Черногорией – 9. Но из 28 государств, награждавших российских генерал-полицимейстеров и градоначальников орденами, 7 государств участвовали только по одному разу.

И, тем не менее, награждённых было 20 из 53, а награждений – 131! Практически по 6,5 ордена на каждого. Конечно, тут «равенства» не было.

Д.Ф. Трепов был награждён 10 раз, И.А. Фуллон – 11 раз, А.А. Козлов – 13 раз, П.А. Шувалов – 17 раз. Более всех министров МВД России иностранных орденов был удостоен Ф.Ф. Трепов, пожалованный 20 иностранными орденами. Он имел прусский орден Красного орла 1-й степени, австрийский орден Железной короны 1-й степени, черногорский орден Князя Даниила I 1-й степени, персидский орден Льва и Солнца 1-й степени, португальский орден Христа, большой крест, прусский орден Короны 1-й степени с лентой ордена Красного орла, турецкий орден Меджидие 1-й степени, французский орден Почётного легиона, большой крест, австрийский

орден Леопольда 1-й степени, испанский орден Карла III 1-й степени, итальянский орден Святых Маврикия и Лазаря 1-й степени, болгарский орден «Святой Александр» 1-й степени и другие.

Вместе с тем, 29 руководителей полиции столицы Российской империи Санкт-Петербурга имели по одному иностранному ордену, или не имели их вовсе!

Российские и иностранные награды, которыми были удостоены генерал-полицимейстеры, обер-полицимейстеры и градоначальники Санкт-Петербурга свидетельствуют о том, что это были в основном достойные люди, и их назначение на столь высокий пост имело основание.

Примечания

* Данная и последующие таблицы выполнены авторами.

** Большинство иностранных орденов имеют знак ордена, звёзды, ленты и цепи орденов, а также от 2-х до 5 степеней. (Например, турецкий орден Меджидие имел 5 степеней). Чтобы не перегружать иллюстрациями книгу, авторы ограничились, в основном, знаками орденов. Мечи, расположенные на знаках орденов, свидетельствуют, что это военная награда.

Список литературы

1. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Руководители полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской империи (1718 – 1779 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 2. – С. 11-39.
2. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Обер-полицимейстеры Санкт-Петербурга (1779 – 1873 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 11-53.
3. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Градоначальники Санкт-Петербурга (1873 – февраль 1917 гг.) и руководители полиции (милиции) переходного периода (февраль – октябрь 1917 г.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 20-65.
4. Вилинбахов Г.В. Награды России. Ордена. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 160 с.
5. Государственные награды Союза ССР / Сост. В.В. Матвеев. – К.: Вища школа, 1987. – 271 с.
6. Минин А.С. Жалование и дополнительные денежные выплаты министрам царствования Николая I // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 2. (№ 10). С. 19-27. https://www.simvolika.org/mars_133.htm.
7. Рогов М.А. История наград и знаков в МВД России (1802-2002). – М.: Любимая книга, 2004. – 544 с.
8. <http://medalirus.ru/>
9. <http://medalirus.ru/rus-ordena/orden-svyatogo-vladimira.php>
10. <https://megabook.ru/article/>
11. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
12. <https://www.donland.ru/activity/613/>
13. <https://www.rusempire.ru/arkhiv-statej/1378-nagrady.html>.

ЕГОРШИН Виктор Михайлович,

профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник МВД СССР (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: egorshin-vm@list.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

О ВЗАИМОСВЯЗИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ УМУДРЕННОГО ЖИЗНЬЮ УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

***Аннотация.** Анализируется современное положение науки и образования в Российской Федерации. Отмечается, что проведенные реформы нанесли разгромный и унижающий удар по отечественной фундаментальной науке. Констатируется уничтожение советского классического образования, заменяемого на Болонскую систему, призванную разрушить существующие научные школы и снижающую уровень образования в развитых странах. Обращается внимание на озабоченность руководства Следственного Комитета РФ ситуацией в экономической составляющей нашего государства, предлагается предоставить ему возможности проводить оперативные мероприятия.*

***Ключевые слова:** наука; образование; наукометрия; Болонская система; Следственный комитет Российской Федерации.*

EGORSHIN V.M.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENCE AND EDUCATION: SOME REFLECTIONS OF A LIFE-WISE SCIENTIST AND PRACTICE

***The summary.** The current state of science and education in the Russian Federation is analyzed. It is noted that the reforms carried out dealt a devastating and humiliating blow to the domestic fundamental science. The destruction of the Soviet classical education, which is being replaced by the Bologna system, designed to destroy the existing scientific schools and reduce the level of education in developed countries, is stated. Attention is drawn to the concern of the leadership of the Investigative Committee about the situation in the economic component of our state, it is proposed to provide him with the opportunity to carry out operational measures.*

***Key words:** science; education; scientometrics; Bologna system; Investigative Committee of the Russian Federation.*

*Прогресс в науке обратно пропорционален количеству издаваемых научных журналов.
Закон Паркинсона [38, стр. 127]*

*Для того чтобы завоевать народ, обучи его детей.
Древний завет [6, стр. 2]*

Январское послание президента России Владимира Путина Федеральному собранию без сомнения можно назвать знаковым по многим параметрам. Не станем их перечислять, так как для этого есть достаточное количество комментаторов как из числа сторонников так и противников послания. Явно одно – равнодушных нет. Особенно активно обсуждается положение Конституции о верховенстве законов, от чего зависят целые направления деятельности государства [1].

Характерным может быть приведение примеров из отечественной истории, когда за двадцать пять лет, с 1917 до 1941 года, Россия, а затем и Советский Союз, из неграмотной и технически отсталой державы стала поголовно грамотной и лидером практически всех отраслей экономики, что позволило создать ядерный щит и запустить человека в космос.

Последствия этого прорыва видны до настоящего времени, так как ядерный потенциал и достижения ВПК позволяют жить в мире уже 75 лет. Следует помнить, что послевоенную ядерную угрозу устранили учёные из Академии наук СССР, которые под руководством «врага народа» Лаврентия Берии [5; 13; 14; 36; 39; 41; 45] в рекордные сроки обеспечили безопасность нашего государства. В частности, «третьего декабря 1944 года ГКО (Государственный комитет обороны Советского Союза – Авт.) поручил Берии «наблюдение» за развитием работ по урану».

С 20 августа 1945 года (Берия – Авт.) – председатель Специального комитета при ГКО, с сентября 1945 г. – при СНК СССР, с марта 1946 г. – при Совете Министров СССР, на который возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Работы по созданию первой советской атомной бомбы, которая была взорвана 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне, велись при непосредственном участии Берии. Берию стали называть «отцом атомной бомбы» [34, стр. 438].

Сегодняшние «Кинжалы», «Посейдоны» или «Авангарды» с истребителями пятого поколения и другие подобные новинки, придумали и воплотили в реальность не тыловые крысы из министерских, не офисный и депутатский планктон, а учёные. Поэтому то, что российская наука до сих пор жива, бесит и вызывает изжогу не только у наших зарубежных «коллег», но и у

отечественных их сторонников. Кредо – уничтожать науку всегда и повсеместно, до полного уничтожения. Такое впечатление, что их голубая мечта – не увековечить науку памятным монументом, а положить на неё могильную плиту. Настоящее время принесло России только потрясения.

Но следуя объективности, надо признать, что при этом и в первом и во втором случае добиться упомянутых результатов было бы невозможно без помощи заграницы, на которую насчитываем как на некую панацею от всех отечественных бед.

Если в первом случае с помощью зарубежных технологий были созданы отечественные научные школы и построены целые промышленные направления в авиации, автопроме, судостроении, станкостроении и многих других отраслях, то во втором случае, с помощью наших, но уже заклятых «друзей», все что было достигнуто, наоборот, уничтожено или продолжает уничтожаться. При этом над нашим сознанием постоянно работают, и работают целенаправленно, наступательно и профессионально, убеждая в том, что удел России – это сырьё, необходимое нашим благодетелям. Что рост Российской экономики зависит от западных инвестиций, а не от собственной промышленности, что законодательство должно работать в унисон с международным в направлениях, выгодных им.

Происходит чехарда с образованием. По их мнению, постоянно навязываемому нам, это не тяжкий труд, развивающий интеллект, сознание и мышление, а некая развлекаловка с отгадыванием заранее прописанных ответов. Уничтожение же классического образования, советского, которое продолжает существовать за рубежом и даёт свои результаты, для нашего Отечества – это благо и счастье, как в своё время избавление от татаро-монгольского ига, крепостного права или подготовка и проведение Судебной реформы в России в 1864 году [19; 28; 29; 35; 37; 50]. То же самое касается как и самой науки, так и отдельных её отраслей.

Нам внушается, что новомодная цифровая экономика – это спасение не только мира в целом, но и России в частности. При этом почему-то забываются итоги всевозможных модернизационных, инновационных и им подобных «ционных» проектов.

Почему так происходит? Подобную ситуацию скорее всего охарактеризует положение первого закона Скотта из сборника «Законы Мерфи», в котором сказано: «Неважно, что что-то идёт не правильно. Возможно, это хорошо выглядит» [38, стр. 91]. Лучше не скажешь, потому как нынешняя управленческая вертикаль работает именно по этому принципу. Результат – не главное, важна имитация движения вперед и видимость бурной деятельности на и во благо. А отсюда и благостная статистика, и оптимистические отчёты кабинета Министров. Важно хорошо выглядеть, а то, что в реальности не имеет значения, но тем не менее держитесь.

Чтобы понять происходящее и место науки в нем, следует осознать, что все, чем мы сегодня гордимся, а это и ВПК и все, что с ним связано, обеспечение всех желающих нефтью и газом, рекорды по сбору и экспорту той же пшеницы и других сельхозкультур, а так же прочее и прочее, было создано другим соцстроем и с другими критериями у руководителей государства, которые ставили конкретные задачи и получали при их выполнении конкретный результат. Сейчас задачи вроде бы тоже ставятся, но требуется не результат, а отчёты о рентабельности той или иной задачи. Особенно подобное страшно в большой науке, которая сегодня должна как никогда подсказать, каким должно быть будущее. Но проведённая в ней реформа, по словам самих же ученых, нанесла разгромный и унижительный удар по отечественной фундаментальной науке. Ни одно советское, а затем российское, даже «лихих девяностых» правительство, так не вредило своему научному потенциалу. Даже наши враги, уничтожившие нашу экономику, не трогали науку, понимая ее значимость при любом строе.

Образование – другое дело, но и в нем заложена мина замедленного действия огромной разрушительной силы, о чем мы позже порассуждаем. Но говоря о науке, видно, что положение только усугубляется. Демон наукометрии, который выпустили на волю малообразованные чиновники – им так легче считать, – развращает молодых научных сотрудников. Заплатил бабки, напечатал пустую статью, получил премию, выиграл грант, с него заплатил за научную пустоту – и так по кругу, незаметно превращаясь в научного импотента. Даже чиновники, далекие от науки, не могут не видеть, что их

деятельность ведёт к отрицательному результату, при котором надо менять не мебель и даже не девочек в ранге начальников департаментов или выше, что вряд ли поможет. Следует менять стратегическую линию отношения к науке. Нельзя требовать сиюминутного результата, открытий, завтрашних инноваций и триумфального возвращения если не в мировые лидеры, то хотя бы в пресловутую пятёрку. Подобные призывы – глупость несусветная, ведущая неизбежно к самому страшному для науки – фальсификации и деяниям, предусмотренным отечественным Уголовным Кодексом.

Ситуация вызвала много споров и комментариев не только от ученых, но и просто специалистов, понимающих роль и место науки в обществе. При этом как-то не было обращено внимание на то, что в то время когда 30 стран испытывают дефицит трёхсот (300) тысяч исследователей, Россия затеяла реформу отечественной Академии Наук, о которой 70% молодых учёных отозвались отрицательно, а 40% не исключали возможность покинуть родное Отечество. Знаковым можно считать прошедшее весной прошлого года общее собрание Российской академии наук, на котором планировалось поговорить о роли Академии и Стратегии научно-технического развития, исполнении очередных майских указов и Программы фундаментальных исследований. Поговорили, конечно, но основной темой стала так называемая публикационная активность, которую насаждает Миннауки. Об этом очень подробно освещалось в прессе [3]. Вкратце новое заключалось в том, что по госзаданию для научных институтов РАН и высших учебных заведений требовалось резко увеличить количество публикаций в зарубежных научных журналах, а без них задание не будет выполнено. И, как результат, и без того скудное финансирование будет сокращено.

Чтобы подобное не произошло и пожелания чиновников были выполнены, учёные должны заниматься не наукой, а ее фальсификацией. Разбивать статьи на части, печататься за свой счёт в так называемых, с нашей точки зрения, неавторитетных изданиях и публиковать незаконченные исследования. Подобная научная деятельность подрывает не только авторитет конкретного исследователя-учёного, которого за подобную галиматью перестанут уважать

коллеги, но и в целом всю российскую науку.

Далее следует понять, что авторитет и репутация в какой-то мере в научном мире стоит дорого. Зарабатывается годами, а может рухнуть в одночасье, подорванная созданием видимости научной деятельности. Дело в том, что в научных коллективах каждый исследователь, как правило, знает и отечественных, и зарубежных коллег. Понимает суть создания индекса цитирования работ учёного и знает, как можно повлиять на эти индексы. Друзья и знакомые цитируют друг друга, ничего личного, просто бизнес, но никак не критерий значимости в фундаментальной науке, считает заместитель директора Института океанологии РАН, член-корреспондент РАН Михаил Флинт. Кроме того именно вся эта мишура в виде целого вала всяческих отчётов и оценивается как «настоящая академическая наука», за которую платят зарплату. Ученые тонут в бумажной диарее, считает он, а создание благостных отчётов заменяет саму реальность [49].

По идее даже человеку, далекому от науки, должно быть понятно, что количество публикаций никак не может быть критерием их качества. Что касается руководства наукой, которое порой не имеет никакого отношения к науке, то подобная ситуация их не интересует, и они, не понимая происходящего, с одной стороны требуют гнать так называемый «научный строкач» в зарубежные журналы, а с другой – возмущаются тем, что подобный «строкач» никому не нужен в силу своей научной никчемности. В связи с чем и без того скудное финансирование ещё больше секвестировалось. В конечном итоге подобная ситуация может привести к тому, что произошло в гитлеровской Германии, когда Гитлер уничтожил немецкую науку одним решением – не финансировать никаких исследований, срок реализации которых больше года. Подобное решение привело к тому, что были уничтожены школы фундаментальной науки, которая больше не возродилась.

На упомянутом Общем собрании Академии выступил министр Котюков, заявивший следующее: «За последнее время российские учёные смогли в два раза увеличить количество научных публикаций в научных журналах, которые процитированы в базах. Тем не менее эта динамика до сих пор не позволила нам войти в десятку наиболее развитых стран мира. Мы вышли на

25 тысяч патентов в год. Но это всего лишь 8-е место в мире. Национальный проект «Наука» ставит задачу войти в пятерку ведущих стран мира по осуществлению научных исследований и разработок. Для этого нам необходимо увеличить количество публикаций на 70 тысяч заявок в год. И самая сложная задача – обеспечить увеличение числа исследователей, которые будут работать в России, на 35 тысяч человек, при этом 50% должны быть моложе 39 лет» [49].

Конечно, ни о качестве публикаций, ни о том где взять «пятьдесят процентов моложе 39 лет», сказано ничего не было. Интересно отреагировали на его выступление участники Общего собрания. В частности, председатель Комитета по науке и образованию Госдумы Вячеслав Никонов отметил: «Две самые большие беды: финансирование и оценка деятельности. Мы занимаем 35 место в мире по объёму финансирования науки на душу населения. Сейчас это 1,1% ВВП. С таким финансированием мы никогда не выйдем на 5-е место в мире по научным показателям. Даже если мы сделаем 1,98%, то войдём по финансированию только в первую двадцатку. Когда нам вносят бюджет, то мы спрашиваем: почему нет роста расходов? Нам Минфин отвечает: не растёт цитируемость и количество публикаций. Но при таком финансировании разве придут в нашу науку люди, которых будут цитировать? Они будут развивать ее отнюдь не в России» [49].

Вообще ситуация с наукой не то что ненормальная – она просто идиотская. Иначе ее не назвать. Суть заключается в том, что система наукометрии была придумана на Западе пятьдесят лет назад с целью более доступного получения грантов западными университетами от западных же фондов. Почему котюковцы навязывают нам западные приоритеты, не предложив никаких адекватных для нашего менталитета альтернатив, непонятно. Кроме того, когда на Западе принимали это решение, советская наука была далеко впереди, несмотря на то, что в то время мы отставали от них в негласном и неафишируемом соревновании по цитируемости.

Следует отметить, что сложившаяся ситуация продолжает стойкую тенденцию к ухудшению с непонятной причиной: то ли от скудоумия, то ли от целенаправленного злого умысла. Но независимо от чего-либо, наши «мозги» стройными рядами покидают родное Отечество. По данным

самой РАН, в начале девяностых в РСФСР было 1 млн. 700 тысяч исследователей. В настоящее время только 700 тысяч, а по данным самого Миннауки их ещё меньше – 360 тысяч. Как ни прискорбно, но Россия единственная страна, в которой имеется стойкая тенденция, в результате которой происходит ежегодное сокращение исследователей.

Во всех остальных странах, сопоставимых с нами по уровню наукоемкости, число илледователей растёт. При этом надо понимать, что вакханалия с цитируемостью касается не только профильных институтов РАН, но и профессорско-преподавательского состава ВУЗов. Церберы из аппаратов ведомств с настойчивостью, достойной иного применения, считают количество опубликованных работ и особенно ваковских, как будто их можно печь как пирожки, не обращая внимания на качество. И каким образом рассчитывается количество статей необходимых к опубликованию в течение года? Подобный надзор ведёт только к сокращению желающих заниматься наукой и, как следствие – к снижению финансирования оставшихся. Происходит невероятное: родное Отечество принимает меры по оптимизации затрат на науку, размахивая Хиршем, как палицей, а желающие не попасть под нее или теряют интерес к наукотворчеству, или банально уезжают за рубеж. Оценкой деятельности котюковцев можно считать мнение 64% участвовавших в опросе ученых, полагающих, что ситуация в Российской науке ухудшилась. Наиболее низкую оценку дали учёные Дальневосточного отделения РАН, где с критикой выступили 100% опрошенных. В Уральском отделении 95%.

Как сказал Михаил Флинт: «Сталкиваясь с чиновниками от Миннауки, с ужасом осознаешь, что уровень компетенции там не просто нулевой. Он с точки зрения науки, которой они бесконтрольно распоряжаются – отрицательный. Это какие-то другие существа, с отличной от нас логикой. Мы, как строители Вавилонской башни, разговариваем на разных языках. Если бы я хотел уничтожить фундаментальную науку в какой-либо стране, я бы действовал точно такими же методами. На первом месте – голодный паёк, чтобы умные люди убегали из профессии и вообще из страны. На втором – совершенно неадекватная отчётность, чтобы форма закрывала содержание и отнимала бы все время, которое

можно было посвятить научной работе. Третьего уже не нужно, достаточно. Через несколько лет великая русская наука умрет сама» [49].

Один из знаковых сигналов прозвучал год назад, когда государственный научный фонд (РНФ) приказал долго жить, свернув на неопределённое время свою деятельность по финансированию из федерального бюджета деятельность более чем 300 научных проектов на 7,3 млрд. рублей. Намек более чем откровенный. Уважаемые учёные, доценты с академиками, власти Вы не нужны, сырьевая экономика без умных голов справится с проблемами. Самое пикантное в этой ситуации то, что инициатором реорганизации ещё одного фонда – Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), выступил в конце прошлого года никто иной как Андрей Фурсенко, бывший министр, а ныне помощник президента по науке. Вред от предложенного не поддаётся оценке, так как РФФИ входит в Глобальный исследовательский совет, объединяющий ведущие национальные организации, финансирующие научные исследования. Таким образом репутационные потери России в случае ликвидации Фонда будут грандиозными, а отечественной фундаментальной науки – невозполнимыми.

Следующая напасть, навалившаяся на наше и без того многострадальное государство, пришла со стороны, с которой не ждали. Образование, которое славилось методиками Сухомлинского и Макаренко, а еще ранее – Л.Н. Модзалевского (1837-1896), одного из плеяды выдающихся русских ученых-педагогов и практиков, создавших педагогическое образование в России [30; 31], которое перенималось как самое лучшее многими зарубежными государствами, подверглось реформам, как принято считать введение ЕГЭ и разделение министерств. Однако не это стало причиной ликвидации отечественной классической системы образования, состоящей из дошкольного, начального, неполного и полного среднего, среднего специального и высшего безо всякого разделения на магистров и бакалавров в соответствии с Болонской системой. Все началось гораздо раньше в полном соответствии со старыми заповедями одна из которых гласит о том, как покорить государство. И такое покорение началось с появлением в «лихие девяностые» на нашей территории знаменитого Д. Сороса со своими соросятами, которые без

всякого насилия перевернули в нашем сознании понятие о знаниях с ног на голову.

Началось все вроде бы с хорошего: создания учебников по всем направлениям, но по лекалам, нужным соросят. Содержание их поражает. История искажена в нужную им сторону, порой с явной фальсификацией фактов, примеры по математике с явным уклоном для умственно отсталых. И это на фоне тотальной оптимизации школьных программ и помещений для занятий. В 2017 году фракция КПРФ предложила принять разработанный ими проект закона «Образование для всех», в котором предлагалось выделять на образование не менее 7% от ВВП (в то время было, как сейчас, около 3,9%) и не менее 7% федерального бюджета. Кроме того, посягнули на «святое» – ЕГЭ. В законопроекте предлагалось самому выпускнику определяться между классическим экзаменом и ЕГЭ.

Но всем, кто так или иначе был причастен к нему, правительство рекомендовало отклонить отмену действующего закона об образовании и вариант от коммунистов, который бы запрещал несовершеннолетним детям государственных и муниципальных служащих и небедных топ-менеджеров госкорпораций учиться в иностранных школах и вузах. Что и говорить – запрет для таких категорий представляется ну никак не соразмерным.

Вообще издевательства над школами и другими учебными заведениями имеют какой-то сакральный смысл. Иначе как понять, что в то время, как например в Финляндии, взявшей за основу систему советского образца образования, нет такой вредительской организации, как РОНО, которая у нас контролирует и вмешивается во все процессы, происходящие в школе, в рамках тотальной экономии, когда учитель ведёт одновременно урок у 4,6 и 9-го класса [4]. При этом требуется ещё уплотняться или просто закрываться. Следует отметить, что в Финляндии ни общей программы, ни единого списка разрешённых учебников нет. И никому не приходит в голову требовать отчёты по ширине и высоте лестничных пролетов и другим показателям, к которым школа не имеет никакого отношения. Если же учесть, что контролирующих организаций у нас только федерального уровня несколько десятков, не говоря уже о ведомственных, то как администрации школ справляются с этими контролерами и проверяющими,

занимаясь ещё и учебным процессом, непонятно. Всевозможные ограничения у нас и вседозволенность у них могли бы послужить выработке оптимальной системы образования на всех ее уровнях.

О том, что такое время пришло, свидетельствует резкое и категорическое решение Президента о замене правительства юристов и бухгалтеров на представителей контрольно-ревизионных органов во главе с бывшим главным мытарем России. На наш взгляд, Президент будет и в дальнейшем использовать опыт своих предшественников – Ивана Грозного, Пётра Первого и Сталина. Происходящее закономерно. Если бы перед правительством стояла задача созидания, то набирали бы специалистов из числа строителей, технарей или инженеров. В данном случае оно создаётся для того, чтобы взяв за основу достигнутое, устранить наиболее характерные болевые точки под полным контролем новых исполнителей. Подобное вменялось опричникам, которые решали важную социально-экономическую задачу по обузданию и подчинению бояр, тогдашней элиты, которой принадлежали опыт, связи, знания, капиталы и несомненно сама власть. Подобная задача стояла перед Петром Первым, который решил ее созданием Преображенского приказа.

В начале двадцатого века, в период становления новой государственности Сталин вопросы решал аналогичным образом, несмотря на многочисленные жертвы. Лозунг – лес рубят, щепки летят – был оправданием. Сейчас время когда все должно идти, как шло, не проходит. Несмотря на неоднократные напоминания, национальные проекты и послания самого президента старым правительством исполнялись не шатко ни валко, по причине того, что виноватых как бы и не было.

Такой же подход сохраняется и сейчас, имея начало в недалёком прошлом. По крайней мере «цифровая экономика» появилась в 2018 году, когда на неё ещё тем правительством были выделены на ближайшую пятилетку более двух триллионов рублей.

Вместе с тем щедро продолжалось финансирование «Роснано» и «Сколково», называемых институтами развития, а на самом деле элементарными полями для отечественных буратиношек, потому как нормальному человеку трудно понять, куда пойдут бюджетные вливания,

закапываемые под такие вывески как «информационная инфраструктура», «цифровые технологии» или «цифровое государственное управление». Можно было предположить, что после оцифровки к 2024 году в России будет совершенно новое общество без десятков миллионов бедных, не будет технологической отсталости, выросшей за последнее время вдвое. И как быть в цифровом государстве без роботов?

В 2016 году в России на 10 тысяч рабочих приходилось 3 промышленных робота. Это отставание от развитых стран в десятки, а в некоторых случаях в сотни раз. Для сравнения, в Южной Корее по этим параметрам 631 робот, в Сингапуре – 488, в Германии – 309, в Словакии – 135, Чехии – 101. Парадоксально, но факт, что для повышения роботонаполняемости нашей промышленности требуется производственная база, которой нет, так ещё и спрос на роботы в промышленности обвалился на 40%. И ещё информация к размышлению. В настоящее время мировым лидером в изготовлении и внедрении роботов является Китай, где соответствующая промышленность появилась только в 2013 году и составляет около 500 на 10 тысяч работников.

Чтобы исправить положение и выполнить пожелание Президента, в котором говорилось, что отставание в технологическом развитии будет означать для России снижение безопасности и потерю суверенитета, необходимо провести несколько организационных мероприятий. В частности желательно выделить научно-технические компании в отдельную и самостоятельную группу предприятий с освобождением от налогов, хотя бы на первые несколько лет. Деньги должны идти за идеей, а не наоборот.

В министерствах, связанных с наукой, образованием и промышленностью, необходима масштабная кадровая революция. Основной ее задачей должна стать замена эффективных менеджеров на способных инженеров, конструкторов и ученых. Кроме того, целесообразно подумать о судьбе тех негосударственных высших образовательных учреждений, которые штампуют дипломы при полном отсутствии знаний. Необходимы среднетехнические образовательные учреждения, чтобы реализовать программу президента о создании 25 миллионов современных рабочих мест. Необходимо многое еще сделать, чтобы нивелировать те угрозы суверенитету нашего государства, о которых говорят

отечественные ученые [23; 24; 25; 40; 44; 48].

6 февраля текущего года, в канун Дня Российской науки, прошло совместное заседание Госсовета и Совета по науке и образованию, на котором присутствовал новый министр по науке и высшему образованию – Валерий Фальков, до этого ректор Тюменского университета, юрист. Каких-либо сведений с этого заседания нет, но через несколько дней им были проведены несколько пресс-конференций, новостями в которых стали: отмена приказа предыдущего министра Котюкова об ограничении общения наших ученых с зарубежными и заверение нового министра о ликвидации в течение последующих полутора лет всех «ВУЗов-пустышек». В этих целях якобы Высшая школа экономики подготовила законопроект по отмене системы госаккредитации для ВУЗов.

Что это такое, специалисты знают. Это огромный бизнес по тиражированию высшего образования, в основном второго, крайне низкого качества. Но если бы только так. Дело в том, что с отменой госаккредитации отменяется и диплом государственного образца, поясняет доцент Московского гуманитарного университета Ольга Четверикова. По ее словам, сегодня стоит задача сократить численность высших учебных заведений и сформировать из них две категории. Первая, немногочисленная, будет готовить некие цифровые образовательные платформы. Вторая, или остальные ВУЗы, сократив практически всех преподавателей, будет обучать студентов по этим платформам. Это называется «подрывные инновации». Причём все они разработаны не у нас, а в США. Интересно, что эти идеи несколько лет продвигает Рособнадзор, глава которого Сергей Кравцов вдруг стал министром просвещения, восхищенный западной системой образования, и ни одного дня не работавший учителем в школе [4]. Об это же говорилось и ранее [27].

Вообще все чаще и откровеннее говорится о необходимости перехода на западные критерии оценки научной деятельности. А после выступления президента РАН, сказавшего, что «мы соревнуемся по публикационной активности» и из выступлений нового министра, стало понятно, что никаких серьёзных кардинальных изменений ни в РАН, ни в Миннауки в научном развитии страны никто даже не планирует. Хотя хорошо известны позиции патриотов отечественной науки, выступающих и доказывающих

необходимость суверенного подхода к развитию российского образования и науки, обосновавших вывод о том, что для суверенитета нашего государства нужны суверенная философия и философия права, а также суверенная правовая идеология, следовательно – суверенные российское образование и наука [20; 22; 26; 33; 42; 43].

Приведённый выше анализ положения дел в науке и образовании с влиянием на экономику свидетельствует, что резкое изменение векторов деятельности исполнительной и законодательной ветвей власти далеко не случайны. И время на внесение изменений и предложений в Конституцию тоже ограничено. Как население примет их, покажет референдум. Но требуется ответ вопрос, как на происходящие события в науке и образовании реагирует президент.

За последние четверть века были приняты законы, касающиеся правоохранительной деятельности. Но оценки их эффективности также не было. И вот смена правительства и соответственно смена его приоритетов. Но ничего не сказано, что делать с накопившимся балластом в экономике, науке и образовании. Кто виноват в том, что благосостояние граждан такой богатой страны не растёт? Почему попадают только зарвавшиеся сверх меры личности, перепутавшие свою шерсть с государственной? Как получается, что неимоверное количество структур от федеральных до муниципальных, как с ветряными мельницами борются с коррупцией? Почему правоохранительные органы, по определению призванные бороться с этими напастями сами погрязли в них, демонстрируя «невиданные» результаты? При этом, как говорил нарком Лазарь Каганович, у каждого проступка или нарушения есть конкретные фамилия, имя и отчество. Как же так, зная поименно всех, кто провалил или не выполнил национальные программы или послания президента, угробив при этом деньги налогоплательщиков, подобное продолжается?

Счётная палата ежегодно находит своих «героев», но они даже не пугаются, так как с них нет никакого спроса. В своё время Сергей Степашин пытался получить для Счётной палаты, кроме проверочных функций, ещё и следственные, позволившие бы определить злодеев, свободно распоряжающимися бюджетными средствами. Не получилось. Нарушители оказались сильнее. Сейчас Алексей Кудрин

пытается использовать возможности Счётной палаты против нерадивых чиновников. Пока затишье.

Следует отметить, что президент, чётко отслеживая состояние в ВПК, в армии и внешнеполитическом секторе, только в случае крайней необходимости вмешивается в явные перегибы в отдельных отраслях. Например, в ситуацию с наукой и образованием, ситуацию в промышленности и социальные проблемы. Все последние годы он старается особо не влиять на деятельность правительства, и предоставляет министерствам и ведомствам самим совершенствовать свою деятельность, предлагая применять и внедрять прорывные идеи и технологии, позволившие бы, невзирая на те же санкции, более наступательно двигаться вперёд. Но знаковых прорывов нет, кроме как реорганизации или модернизации того, что и морально и технически устарело.

Видимо, только поэтому Президентом, не дождавшись внятных мер по переустройству самого правительства и его структур, было принято революционное решение как по роспуску правительства, так и его членов, не способных по мнению президента должным образом обеспечить исполнение задач этого курса.

Что касается правоохранительной деятельности, то может, не надо огород городить, предлагая что-то заумное, а следует просто переосмыслить события последних лет и наказания главы государства в этой области, и, пользуясь возможностью и наличием такой структуры, как Следственный Комитет России, создать нечто, объединяющее опричнину Ивана Грозного, Преображенский Приказ Пётра Первого, ВЧК, СМЕРШ и КГБ, вобрав в себя самое необходимое для эффективного противодействия преступности.

При этом решаются сразу несколько задач.

Во-первых, не надо создавать что-то новое, так как Следственный Комитет Российской Федерации, несмотря на небольшой срок своей деятельности, в глазах общественности зарекомендовал себя очень положительно. Он не покушается на авторитет и не дублирует функции ФСБ и МВД.

Во вторых, нет необходимости переводить в его состав их следственные подразделения. Следственный комитет оперативно реагирует на

ситуации, требующие проверки, не конфликтует из-за подследственности и какого ее характера: техногенного, социального, международного или криминального. О том, как Следственный комитет реагирует на криминогенную обстановку, свидетельствуют его инициативы по созданию новых подразделений, например, связанных с врачебными ошибками, которых совершается около 80-100 тысяч в год, что вызывает определенную тревогу – имеются в виду ятрогенные преступления [16]. Кроме того, по инициативе Следственного комитета Российской Федерации в Уголовный кодекс РФ введены статьи, позволяющие привлекать рейдеров к уголовной ответственности уже на начальных этапах захвата чужой собственности.

Следует отметить принятый закон, расширивший применение конфискации имущества. Когда в случае отсутствия или недостаточности у виновного средств и иных предметов предусмотрена возможность конфискации и «иного личного имущества» осужденного. В планах на перспективу совершенствования законодательства Следственный Комитет как никто видит необходимость введения новых правовых норм, способных адекватно ответить на складывающуюся оперативную обстановку. Так, в Следственном комитете России прорабатывается необходимость совершенствования законодательства о возмещении ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, и репатриации из-за рубежа капиталов, полученных в результате таких преступлений. Добиться ощутимых результатов, по мнению руководства Следственного Комитета, можно, установив уголовную ответственность юридических лиц [8; 12; 15; 46; 47], для чего уже подготовлен законопроект [2].

Кроме того Председатель Следственного Комитета считает, что необходимо ввести конфискации имущества в качестве вида уголовного наказания как наиболее превентивную и ожидаемую в обществе меру. При этом надо рассмотреть возможность применения конфискации имущества не только обвиняемого, но имущества, переданного таким лицом во владение иных лиц (членов семьи, совместно проживающих с ним лиц, иным лицам), в том числе прибыли или других выгод, полученных от доходов в результате совершенного преступления.

В целях повышения эффективности работы

по минимизации и ликвидации последствий преступлений коррупционной направленности, в результате которых причинен ущерб государству, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям, нужно предусмотреть возможность введения нормы, обязывающей лицо, совершившее преступление, доказывать законность происхождения, владения и пользования имуществом и денежными средствами. В том числе и не связанными непосредственно с преступлением, по факту которого возбуждено уголовное дело. При отсутствии доказательств, подтверждающих легальное получение такого имущества, оно должно подлежать конфискации.

Целесообразно создать единые федеральные и региональные информационные базы данных о недвижимом имуществе, счётах и вкладах, открытых в различных кредитных организациях, в целях обеспечения правоохранительной деятельности, в том числе в целях своевременного установления имущественного положения подозреваемых (обвиняемых) и последующего возмещения причиненного коррупционными преступлениями ущерба [32, стр. 50].

Все эти новации свидетельствуют об озабоченности руководства Следственного Комитета ситуацией в экономической составляющей нашего государства и никоим образом принципиально не противоречат деятельности МВД и ФСБ [7; 9; 10; 11; 17; 51].

Если учесть пожелания президента и направленность нового правительства, придав Следственному Комитету России функции субъекта закона «Об ОРД», то мы получим стройную систему правоохранительных органов, состоящую из ФСБ, МВД и Следственного комитета, в которой каждая будет работать в своём секторе под надзором «ока государева» – прокуратуры. Предоставление Следственному комитету возможности проводить оперативные мероприятия позволит, с учётом предлагаемых новаций в законодательстве, более эффективно и целенаправленно бороться с преступностью. По этому поводу высказываются конкретные предложения представителями юридической науки и практики [18; 21].

И наконец вишенка на ситуацию с образованием. Конспирологи всех мастей утверждают, что пресловутая мировая закулиса целенаправленно

снижает уровень образования в развитых странах, и особенно в США. Процесс начался в середине 70-х, когда сильно осмелевший народец начал требовать у правящей элиты самых широких политических прав. Ну и вместо прав получил потребительский фетишизм, тиражируемый в СМИ, и снижением уровня образования, причём не только среднего, но и высшего.

Ученикам уже не требуется комплексная система знаний, необходимо лишь верно поставить галочку в экзаменационном тесте.

В Европе же насаждается так называемая Болонская система, призванная разрушить научные школы, вокруг которых группировались талантливые студенты и молодые

учёные, а процесс образования свести до уровня сумбурных студенческих курсов, разбросанных в разных городах и даже в разных странах. То есть вуз как средоточие наук перестаёт быть актуальным. Какие науки и сферы образования удастся разрушить такими методами, пока неясно, к тому же стойкие европейские преподаватели отчаянно сопротивляются Болонской системе.

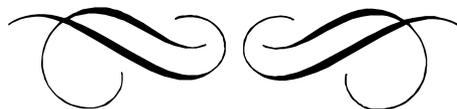
В свете изложенных фактов несколько наивно ожидать прорыва в науке и технологии. По всей видимости, мы и дальше будем пережевывать прежнее наследие, пока маховик научно-технического прогресса не встанет окончательно [32].

Список литературы

1. Путин В.В. Послание Президента России Федеральному собранию от 15 января 2020 года // <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html>
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» (Проект № 750443-6) // https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/
3. Who is мистер Котюков? Российскую науку топят свои министры // Аргументы недели. – 2019. – № 15. – С. 8, 9.
4. Антонов Юрий. Перевод на русский // Аргументы недели. – 2019. – № 6. – С 4.
5. Антонов-Овсенко А.В. Берия. – М.: АСТ, 1999. – 469, [4] с., [16] л. ил., портр.
6. Аргументы доцента МГИМО Ольги Четвериковой // 24 часа. – 2019. – № 46. – С. 2.
7. Бастрыкин А.И. Гражданская позиция: Сборник выступлений и статей. – М.: б.и., 2014. – 348 с.
8. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. – М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. – С. 3-13.
9. Бастрыкин А.И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. – 2017. – № 24. – С. 6-10.
10. Бастрыкин А.И. Разговор напрямую (интервью Председателя СК РФ 2018-2019). – М.: б.и., 2019. – 124 с.
11. Бастрыкин А.И. Следственный комитет Российской Федерации в действии (вопросы теории и практики): Сборник статей. – М.: Институт государства и права РАН, 2018. – 216 с.
12. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1. – С. 6-12.
13. Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. – М.: Современник, 1994. – 432 с.
14. Берия: конец карьеры: Сборник / Сост., общ. ред. В.Ф. Некрасов. – М.: Политиздат, 1991. – 414, [2] с.
15. Винокуров С.И., Чирков Д.К. К вопросу об актуальности введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 90-94.
16. Владимиров В.Ю., Заславский Г.И., Ковалёв А.В., Сальников В.П., Черный Я.А. Внимание! Подделка: фальсификация в судебно-медицинской деятельности как проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 48-61.
17. Действуем по закону. Сборник выступлений и статей Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации / Сост. Т.Н. Баева, О.И. Макарова, И.А. Мурашкин. – М.: Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, 2010. – 236 с.
18. Егоршин В.М. Кубик Рубика правовой системы России // Юридическая наука: история и современность.

- 2019. – № 2. – С. 35-46.
19. Емелин С.М. Судебная реформа 1864 года и ее влияние на деятельность полиции в Российской империи в конце XIX века // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 6. – С. 32-36.
 20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
 21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Следственному Комитету Российской Федерации нужны собственные оперативно-розыскные подразделения // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 6. – С. 114-118.
 22. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467
 23. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
 24. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // *Мир политики и социологии*. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
 25. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
 26. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // *Мониторинг правоприменения*. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
 27. Козлова Наталья. Судят по делам. – 24 часа. – 2017. – № 51. – С. 5.
 28. Кондрат И.Н. Судебная реформа 1864 года и уголовная политика России // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 4. – С. 88-92.
 29. Крижановская Г.Н., Кулешова Л.В., Сальников М.В. Международная научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность». Краткий обзор докладов, статей и выступлений // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 1. – С. 11-46.
 30. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Часть первая / Под общ. ред В.П. Сальникова; науч. ред., вступ. статья, предм. указ. М.В. Захарченко. – СПб.: Алетейя; Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2000. – 429 с.
 31. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Часть вторая / Под общ. ред В.П. Сальникова; науч. ред., вступ. статья, предм. указ. М.В. Захарченко. – СПб.: Алетейя; Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2000. – 496 с.
 32. Монахова Татьяна. Конец эпохи изобретений // *Архивы XX века*. – 2019. – № 5.
 33. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 34. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 35. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // *Мир политики и социологии*. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
 36. Пестов С.В. Бомба: тайны и страсти атомной преисподней / Вступ. ст. П. Волочкова. – СПб.: Шанс, 1995. – 425,[6] с., [32] л. ил.
 37. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
 38. Полное собрание законов Мерфи / Перевод с английского А. Блох. – Минск: Попурри, 2014. – 366, [2] с.
 39. Прудников Е. Берия. Последний рыцарь Сталина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 540 с.
 40. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
 41. Рубин Н. Лаврентий Берия: миф и реальность. – М.; Смоленск: Олимп: Русич, 1998. – 476 с., 4 л. ил.
 42. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
 43. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности

- государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
44. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
45. Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. – СПб.: Нева ; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с., [16] л. ил., портр.
46. Федоров А.В. К вопросу о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Юридический мир. – 2014. – № 12. – С. 43-47.
47. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
48. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008. – 272 с.
49. Чуйков Александр. Научно-статистический фейк // Аргументы недели. – 2019. – № 16. – С. 3.
50. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
51. Эволюция следствия в России: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14 декабря 2017 года) / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 160 с.

БОТАНЦОВ Иоанн Владимирович,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент (Ленинградская область, Россия)

E-mail: office@szfrgup.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА КАК ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА РОССИИ

***Аннотация.** Обосновывается ключевая роль Судебной реформы 1864 года в становлении системы права Российской империи. Исследуется момент введения в действие Судебных уставов (1866 год) в качестве начала нового периода развития системы источников права, продлившегося до 1906 года, когда правовая система России претерпела кардинальные изменения в связи с изданием Основных государственных законов в редакции 1906 года.*

***Ключевые слова:** Судебная реформа 1864 года; система права; источники права; Судебные уставы.*

BOTANTSOV I.V.

JUDICIAL REFORM OF 1864 AS A DETERMINANT OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM IN RUSSIA

***The summary.** The article substantiates the key role of the Judicial Reform of 1864 in the formation of the legal system of the Russian Empire. The author marks the moment of introduction of the Judicial charters (1866) as the beginning of a new period of development of the system of sources of law that lasted until 1906, when the legal system of Russia underwent fundamental changes in connection with the publication of the Basic State Laws in the edition of 1906.*

***Key words:** Judicial reform of 1864; system of law; sources of law; Judicial statutes.*

Система права представляет собой упорядоченную совокупность правовых норм, объединенных в отрасли права, сообразно общности предмета и метода правового регулирования. Согласно преобладающему в науке мнению, на момент проведения Судебной реформы 1864 года целостная система права сформирована в России не была. Все элементы ее правовой системы находились в синкретизме, составляя единый нормативный блок, не расчлененный по отраслевому принципу. Даже частичная систематизация права, проведенная М.М. Сперанским, не решила вопрос кодификации правовых норм: ведь Свод

законов Российской империи 1832 года был сформирован по сферам правового регулирования, а не по отраслям права [7; 15; 17].

К середине XIX века становится очевидной необходимость новых изменений в правовой системе России. В связи с чем в 1960-х гг. в стране была проведена крупномасштабная череда реформ, затронувших различные сферы жизни общества. Одной из наиболее значительных реформ была судебная, призванная ввести буржуазно-демократические начала в действовавшее судебно-процессуальное право. Именно в связи с изданием Судебных уставов

[16], утвержденных 20 ноября 1864 года, начинается процесс кодификации права, необходимой для судебного правоприменения. Реформа детерминировала уже начавшийся процесс выделения отраслей права в российской правовой системе и, как следствие, складывание в ее составе системы права.

Судебная реформа была наиболее прогрессивной в ряду других, причём создававшиеся институты судебного права во многом опережали время.

В правовую основу реформы были положены Судебные Уставы. Одновременно был подписан указ об их опубликовании во всеобщее сведение. В то же время реформа не сразу оказала влияние на систему источников российского права. Так, первые суды, функционировавшие по новым правилам, появились только в 1866 году, хотя еще в 1865 году некоторые новые положения Судебных уставов были экспериментально введены в отдельных судах старого типа. К 1879 году действие Судебных уставов распространяется на 54 губернии, с 1894 года – еще на 13 губерний и только к 1899 году по всей империи начинают действовать новые суды (в Средней Азии и северной части Вологодской губернии сохранялись некоторые отступления от новых правил судопроизводства) [18, стр. 132]. На наш взгляд можно говорить о новом этапе в развитии системы источников права именно с 1866 года, когда в главных правовых центрах страны – Санкт-Петербурге и Москве – начинает действовать новая система, а практика ее применения получает распространение по всей империи.

Как указывается в некоторых источниках, первоначально Судебные Уставы распространялись лишь на 44 губернии и в последующем вводились по Империи на протяжении более тридцати лет [9, стр. 148].

Первостепенной целью Судебных Уставов 1864 г. было создание в России по настоящему независимой, компетентной и эффективной судебной власти, что с трудом могло сочетаться с сохранением самодержавия. Такие буржуазно-демократические принципы и институты судопроизводства и процесса, как независимость суда от администрации, несменяемость и неприкосновенность судей, участие населения в отправлении правосудия, равенство всех перед законом и судом – не могли воплотиться в государстве с сохранявшимся сословным строем, абсолютной

монархией, политическим господством дворян-помещиков, традиционно сильным бюрократическим аппаратом управления, составной частью которого до реформы являлся суд, с ещё только нарождавшимися институтами всеобщего правительства, допускавшегося лишь на местном уровне.

Основными судами первой инстанции по реформе, разрешавшими дела по существу, стали окружные суды. В качестве второй инстанции, апелляционной, стали судебные палаты, которые пересматривали обстоятельства дел вновь и выносили, в случае необходимости, новое решение по существу. Судебные палаты, как и окружные суды подразделялись на уголовные и гражданские. Судами третьей, кассационной, инстанции были кассационные департаменты Сената, рассматривавшие решения и приговоры с точки зрения соответствия их процессуальному закону, Сенат занимался обобщением практики и надзирал за правильностью истолкования законов судами низших инстанций, при необходимости давая разъяснения. Переход дела из одной инстанции в другую происходил при подаче заинтересованной стороной соответствующей жалобы [13, л. 236].

Также Сенат был призван следить за единообразием применения законов общими и мировыми судами (т.е. созданными новыми параллельно действовавшими судебными системами: общей и местной) всей страны. Решения кассационных департаментов Сената не подлежали внешнему контролю и дальнейшему обжалованию.

Значительной новеллой в пореформенном судебном законодательстве стало появление в ней такой формы суда с участием народных представителей, как суд присяжных. Присяжные заседатели, образуя в соответствии с законом отдельную, самостоятельную и независимую коллегия, комплектуемую на основе выборов и последующего жребия, составляли в процессе скамью присяжных. В отличие от коронных судей, они решали исключительно вопросы наличия факта преступления и вины подсудимого, не участвуя в определении квалификации и меры наказания.

В соответствии с введением новых правил судебного процесса, ставшего состязательным, была реорганизована прокуратура – новый институт государственного обвинения в суде – и создана адвокатура – представитель защиты прав и интересов в суде частного лица.

Еще одной значительной новацией, внесшей изменения и подвижки в систему источников права стала возможность (и даже обязанность) суда применять нормы права по аналогии, а в случае необходимости – восполнять пробелы в праве. Так было узаконено судебное правотворчество. Судебный прецедент признают полноправным источником права многие ученые. Так, О.В. Сазанкова отмечает, что «до издания Судебных уставов 1864 г. все подчиненные инстанции, в том числе и судебные, должны были применять закон по буквальному его смыслу. Статья 12 Устава уголовного судопроизводства и ст. 9 Устава гражданского судопроизводства не оставляет сомнений в том, что законодатель в отношении новых департаментов категорически отказался от принципа воспрещения сенатского правотворчества. Сенат теперь не должен был ограничивать себя не только неясностью, неполнотой, но и недостатком закона» [12, стр. 67-68]. В свою очередь В.К. Цечоева обращает внимание, что публикуемые решения Сената часто противоречили закону, при этом они являлись обязательными для всех государственных органов [19, стр. 78-79].

В результате, возможность применения аналогии права позволила Сенату создавать общеобязательные, прецедентные решения, подобно тому, как это происходит в современной России. Так, российского судью, прибегающего к институту аналогии права можно считать уже не просто толкующим общеправовые принципы и распространяющим их на конкретные отношения, а восполняющим пробел в праве. Создаваемое таким образом решение представляется схожим с решениями судов англо-саксонской правовой семьи в мотивировочной части, когда судья вместо того, чтобы сослаться на действующее законодательство занимается толкованием общих правовых принципов. В случае, если постановление с применением аналогии выносится одним из высших судов – оно может быть использовано нижестоящими судами при вынесении решений по схожим делам. Конечно, юридическое значение преодоления пробела путем применения аналогии ограничивается конкретным случаем, казусом. При появлении подобной ситуации в последующем необходимость в аналогии возникает вновь, однако ни для кого не секрет, что на практике применение института аналогии (анalogии права и аналогии закона) Верховным

Судом РФ, Конституционным Судом РФ служит примером для других судов в аналогичных случаях [2].

То есть, мы видим ситуацию, когда суд на основании одних лишь правовых принципов создает конкретную норму, которая играет в дальнейшем роль прецедента. Представляется, что в конце XIX века, роль Сената в судебном правотворчестве была еще значительнее. Таким образом, с 1864 года в Российской империи появились источники права, не только формируемые не монаршей волей, но даже противоречащие ей.

В результате, судебный прецедент, формой выражения которого как источника права являлись судебная практика Правительствующего Сената и обобщения им практики других судебных инстанций, обладал приблизительно теми же свойствами, что и мнения высших государственных органов. Так, судебные решения не могли противоречить законам, но зачастую вносили в них дополнения и разъяснения о порядке их применения.

Таким образом, применительно к системе источников права Российской империи под прецедентом традиционно понимают судебную практику Сената, имевшую обязательное значение для всех подведомственных ему судебных учреждений. Так, К.А. Волков пишет, что «Судебная реформа 1864 года не только в корне изменила судостроительство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи, но и признала отдельные формы судебной практики в качестве источников, в том числе уголовного и уголовно-процессуального права» [10]. Кроме того, статья 12 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года вводила в российское законодательство положение о применении аналогии права [11, стр. 121]. К моменту издания Судебных уставов как источник права уже применялись решения международных судов [4, стр. 211], а в некоторых случаях правоприменители ссылались и на Сенатскую судебную практику, то есть Судебные уставы только подтвердили начавшееся складываться обыкновение.

Другое важное изменение в системе источников права произошло в связи с освобождением крестьян и реорганизацией судов, полномочных рассматривать дела с их участием. Крестьяне оказались вне основной судебной системы: с 1861 года их дела рассматривались в Волостных

судах, подотчетных уездной и губернской администрации – то есть по отношению к ним такие принципы реформы, как независимость суда и разделение властей действия не имели. Вместе с тем, крестьяне больше не зависели от воли помещиков, а соответственно утратили силу все помещичьи локальные нормативные акты.

Роль крестьянского обычая также несоизмеримо возросла: в соответствии с новыми Уставами, крестьянские дела разрешались на основании обычного права и только за неимением соответствующей нормы применялся закон. На практике крестьянский обычай был поставлен даже выше норм партикулярного права и местных обычаев, а также обычаев церковных и других норм церковного права. В крестьянской среде имели место достаточно радикальные отступления от канонического права. В частности, среди крестьян, становился все более популярен гражданский брак, связанный с дороговизной и сложностью процедуры брака церковного. В народе говорили: «не страшно жениться, а страшно к попу приступиться» [1, стр. 159]. В Архангельской губернии брак, заключенный в соответствии с обычаем, признавался наравне с официальным, церковным. Решениями местных волостных судов сожительницы признавались совладелицами земли, приобретенной их мужьями, а при наследовании они выделяли свои супружеские доли в совместно нажитом имуществе, зачастую составлявшие, по решению судов, до 100% от всего имущества, даже несмотря на завещания, оформленные на других лиц. Также волостные суды признавали разводом фактическое прекращение брачных отношений [1, стр. 159-168].

В связи с этим, после судебной реформы встает вопрос о систематизации обычаев, имеющих место в крестьянской среде и в практике коренных народов. Большую роль в этом вопросе сыграло Русское географическое общество, которое начало собирать отдельные нормы обычного права. Проекты создания на основе данных изысканий сборника обычаев неоднократно всплывали в околзаконодательных кругах. Итоговой целью этих попыток было распространить применение обычаев на мировые суды, которые в соответствии со статьей 130 Судебных уставов руководствовались обычным правом только если стороны сами настаивали на этом, и, если закон не регулировал данный

вопрос. В то время, как те же самые правоотношения, рассмотренные волостным судом с обязательным применением обычной нормы, могли быть урегулированы принципиально иным образом, в том числе в разрез с положениями закона.

В результате существовала нестыковка, препятствовавшая формированию единой системы российского права. Н. Качалов, бывший руководителем одной из комиссий по урегулированию данного вопроса, вспоминал, что его предложение в Государственном Совете было заслушано с вниманием и сочувствием, но «обычаи, управляющие крестьянским бытом, были так мало известны, или лучше сказать вовсе неизвестны, что нельзя было признать юридическую силу обычаев вообще» [8, стр. 7-8]. Таким образом, в мировом суде обычное право применения не нашло, хотя несколько собраний обычаев все-таки были изданы. Среди них Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии П. Ефименко, Сборник материалов об артелях в России Пахмана.

В учении Г.Ф. Шершеневича обычному праву отводилась роль одновременно самостоятельного и дополнительного правового источника, который формировался автономно и становился обязательным без участия государства. Ученым было отмечено, что «обычаи приобретают правовой характер только вследствие предоставления им защиты со стороны государства. Норма, содержание которой выработалось силами самого общества, получает правовое свойство, потому что этому содержанию придается санкция государства» [20, стр. 308]. Если в первом случае необходимо признание обычая всеми участниками данного общественного отношения, в том числе и государством то во втором случае, обычай становится источником права исключительно по воле государства. Вопрос о выделении правовых обычаев из всей массы народных обычаев остается неразрешенным.

С образованием казачьих войск, ключевые понятия о земельной собственности определялись и регулировались как государственными нормативно-правовыми актами, так и обычным правом. Рядовое казачество не знало юридических тонкостей писанного закона, однако хорошо понимало, что такое казачья земля, и свои понятия основывало на праве коллективного владения и пользования ею. В связи

с этим обычно-правовое понятие о земле как о коллективной общеказачьей собственности легло в основу законодательства, регулирующего земельные отношения на Дону. Подчеркивая первостепенную роль обычного права в истории российского законодательства, Н.П. Загоскин отмечал: «Отношения юридической жизни всякого народа <...> далеко не исчерпываются, да и не могут быть исчерпаны писанным правом; наряду с последним <существуют нормы обычного права>, не закрепленного письменностью, но твердо и неизменно живущего в народной памяти» [6, стр. 29].

В связи с реформированием системы правовых источников, в 1863 году вышел новый Университетский устав, по которому все пять существовавших университетов (Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Харьковский) снова получили автономию, которая была еще значительнее, чем по Уставу 1804 года. Ректоры и профессора теперь выбирались и назначались университетами самостоятельно, при этом количество штатных профессоров возросло в 1,5 раза. Был восстановлен университетский суд, а Совет профессоров вновь становился главным органом, регулировавшим всю университетскую деятельность. Таким образом, в области управления образованием ведущее и определяющее значение приобрели локальные правовые акты университетов, а ряд дел с участием интеллигенции перешел в ведение университетских судов.

Также во второй половине XIX – начале XX века издаются или существенно обновляются Ремесленный, Торговый, Биржевой и Вексельный уставы, Устав о торговой несостоятельности, Устав о промышленности заводской и фабричной. Трудовое законодательство императорской России выработало такие нормы и институты, которые использовались и в советское время, а частью – дошли до наших дней (виды трудовых договоров, правила внутреннего распорядка, сверхурочные работы, порядок выдачи заработной платы и т. д.).

В этот же период происходят качественные изменения в содержании подзаконных нормативных правовых актов. С 1857 года начинает неофициально функционировать, а в 1861 году учреждается в качестве законосовещательного органа Совет министров, в результате чего Комитет Министров реже издает значительные нормативные акты, поскольку большая

их часть начинает рассматриваться в Совете с императором и приниматься в форме законов путем высочайшего утверждения. В то же время, с 1865 года Обер-прокурор Святейшего Правительствующего синода фактически входит в Комитет министров, постоянно участвуя в его заседаниях, ввиду чего инструкции Комитета в сфере образования и богоугодных заведений получают большую юридическую силу, нежели ранее утвержденные определения Синода. Особенно усиливается влияние Комитета с 1882 года, когда прекращаются заседания министров в Совете. Также теряет в этот период свое значение Государственный Совет, круг деятельности которого ограничивается новым Положением еще в 1842 году, в связи с чем, он практически прекращает издавать собственные подзаконные акты, а существует лишь как законосовещательное учреждение [5, л. 13-14].

Положение Комитета Министров 13 июля 1876 г. предоставило губернаторам право издавать в пределах своего ведомства постановления в видах правильного и успешного исполнения, сообразно с местными условиями, узаконений об общественном благочинии, порядке и безопасности.

Таким образом, благодаря изданию Судебных уставов 1864 года был поставлен вопрос о судебном прецеденте как источнике права, изменился порядок применения некоторых партикулярных норм подзаконных нормативных правовых актов. Но в 1964 году, Судебные уставы, будучи изданными не вступили в силу. Их применение началось в 1966 году в Санкт-Петербургской и Московской губерниях. К концу XIX века пореформенный суд существовал в большинстве регионов европейской части империи, в то же время на основной части России продолжало действовать старое законодательство. В ряде губерний Судебные уставы так и не начали действовать даже перед революцией в 1917 году [3, стр. 196]. Соответственно, несмотря на значительный прорыв в юридической технике и качестве процессуального законодательства, произошедший в связи с изданием Судебных уставов, правовая система в целом и судебная система в частности продолжали носить «переходный», несформированный характер.

Говоря о неизбежности длительного переходного состояния при реформировании российской системы права уже в наше время, В.В. Сорокин

верно отметил, что в России «растянутость хронологических границ существования переходной правовой системы во времени объясняется грандиозной социальной задачей, многоэтапностью и универсальностью переходных процессов. Глубокий социальный раскол переходного общества, огромная территория страны, авторитарные традиции государственной власти, межнациональные конфликты затрудняют поступательный ход правовой реформы. Учитывая данные обстоятельства, можно предположить,

что типологически новая, стабильная правовая система будет утверждаться в течение длительного периода» [14, стр. 192].

Таким образом, после введения в действие Судебных уставов начинается процесс формирования уже начавших выделяться отраслей права в единую систему. Потребности судебного правоприменения обусловили начало последующей кодификации права и детерминировали появление системы права в России и дальнейшее прогрессивное развитие правовой системы в целом.

Список литературы

1. Б-в И. Юридические воззрения народа // Исторический вестник. – СПб., 1884. – Июль.
2. Ботанцов И.В. Вопросы использования юридической клиникой института аналогии // Юридическая клиника. Выпуск III: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Юридическая клиника в системе высшего юридического образования и в сфере оказания бесплатной юридической помощи». – СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, 2013. – С. 27-31.
3. Ботанцов И.В. Характеристика источников права Российской империи 1832-1917 гг. // Юридические науки: проблемы и перспективы: Материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – 294 с.
4. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: Монография. – СПб.: Астерион, 2010. – 304 с.
5. Журналы заседаний Комитета министров // РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 10.
6. Загоскин Н.П. История права русского народа. Т. 1. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899.
7. Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18-24.
8. Качалов Н. Об отношении юридического обычая к законодательству. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1877. – 11 с.
9. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
10. О роли судебной практики как источника права по судебной реформе 1864 года // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=15&art=4879>
11. Российское законодательство X – XX веков: Судебная реформа. В 9-ти томах. Т. 8 / Отв. ред.: Виленский Б.В.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1991. – 496 с.
12. Сазанкова О.В. Правительствующий Сенат Российской империи как высший судебный орган в конце XIX – начале XX века. – М., 2012.
13. Сведения о деятельности окружных судов Петрограда [Микроформа] // РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 82. 1882 год. – Ед. хр. 417.
14. Сорокин В.В. Право и время: правовая система и переходное время // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 2002. – № 1. – С. 180-195.
15. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2002. – 680 с. – (Мир культуры, истории и философии).
16. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб.: Гос. канцелярия, 1866. – [3], VII, XLII, 690 с.
17. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.
18. Троцкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 годов. – Саратов: Саратовский ун-т, 1976. – 408 с.
19. Чечоева В.К. История суда России: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2015. – 160 с.
20. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1-2. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910.

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент
(г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО
«Лидер Консалт Право» (г. Санкт-Петербург,
Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ЩЕРБАТЫХ Игорь Михайлович,
адвокат «Адвокатской конторы «Жеребятьев и партнеры» Воронежской областной коллегии адвокатов (г. Воронеж, Россия)
E-mail: scherbatykh@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОКУШЕНИЕ А. СОЛОВЬЕВА НА АЛЕКСАНДРА II КАК СПЕЦОПЕРАЦИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

***Аннотация.** Анализируется покушение Александра Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 года. Отмечается, что данная попытка ликвидации императора была заранее спланированной спецоперацией гибридной войны против России, для чего в середине 1879 года Запад создал специализированную революционно-террористическую организацию «Народная Воля». Показывается, что покушение Соловьева не было его личной инициативой, а планировалось за рубежом, в Европе; также обращается внимание на то, что Соловьеву на суде не удалось доказать индивидуальный мотив террористического акта.*

***Ключевые слова:** А. Соловьев; император Александр II; гибридная война; спецоперация; ликвидация; «Народная воля»; революционно-террористическая организация.*

**LITVINOV N.D.
PETROV P.A.
SAL'NIKOV M.V.
SHCHERBATYKH I.M.**

A. SOLOVYOV'S ASSASSINATION ATTEMPT ON ALEXANDER II AS A SPECIAL OPERATION OF THE HYBRID WAR OF THE WEST AGAINST RUSSIA

The summary. The attempt on the life of Alexander Solovyov on Alexander II on April 2, 1879 is analyzed. It is noted that this attempt to liquidate the emperor was a pre-planned special operation of a hybrid war against Russia, for which in the middle of 1879 the West created a specialized revolutionary terrorist organization "Narodnaya Volya". It is shown that Soloviev's assassination attempt was not his personal initiative, but was planned abroad, in Europe; Attention is also drawn to the fact that Solovyov at the trial failed to prove the individual motive of the terrorist act.

Key words: A. Soloviev; Emperor Alexander II; hybrid war; special operation; liquidation; "Narodnaya Volya"; revolutionary terrorist organization.

В механизме развития гибридных войн особое значение придается ликвидации главы государства-мишени [1], особенно, в тех случаях, когда глава государства обладает верховной властью и единолично определяет внутреннюю либо внешнюю политику государства; организует и направляет деятельность высших должностных лиц государства. В этом случае его ликвидация может вызвать политический, административный, экономический хаос в стране [24]. При правильной организации покушения государство-агрессор может резко изменить внутреннюю либо внешнюю политику государства, ослабить его обороноспособность, добиться его капитуляции без ведения военных действий [25; 36].

Отстранение главы государства от управления государством-мишенью может осуществляться не только путем убийства. Нередко государство-агрессор «изымает» главу государства с территории государства-мишени и проводит акцию его отстранения от управления страной.

Наглядный пример – судьба Президента Республики Панама Мануэля Норьеги. В 1988 году Президент Норьега выступил против агрессивной политики США в эксплуатации Панамского канала. В ответ США обвинили Норьегу в содействии международной торговле наркотиками. Между силовыми структурами Панамской республики и США стали возникать

конфликты. В декабре 1989 года войска США начали боевые действия против Панамы. Через два дня спецподразделения армии США захватили Президента страны, Норьегу, и вывезли его на территорию Соединенных Штатов. Американский суд приговорил его к пожизненному заключению [28].

Современная политология знает много примеров политической ликвидации глав государств [24; 28; 43]. На наш взгляд, в истории России особого внимания заслуживает ликвидация императора Александра II. В него трижды стреляли из пистолетов; трижды минировали железнодорожный путь по маршруту его проезда; минировали Каменный мост в Санкт-Петербурге, по которому он должен был проезжать; произвели взрыв под столовой в императорском Зимнем дворце; дважды минировали улицы по маршруту его предполагаемого проезда. И, наконец, убили путем использования «метательных снарядов», самодельных взрывных устройств [15; 23, стр. 121-187].

Одно из неудавшихся покушений – это попытка Александра Соловьева застрелить императора во время его утренней прогулки.

...2 апреля 1879 года Российский император Александр II неспешно прогуливался вокруг Зимнего Дворца. Холодный весенний ветер с Невы рывками распахивал полы шинели, грубо

толкал императора в грудь, фамильярно щекотал уши.

Неожиданно на пустынной площади император увидел молодого человека в фуражке гражданского ведомства, который шел к нему. О том, что он шел к императору, можно было не сомневаться. Во время прогулок желающие поглядеть на него обычно толпились в стороне. Никто не рисковал направляться навстречу императору во время его прогулок. А этот шел целенаправленно, не глядя никуда по сторонам, а глядя в глаза императору. Порыв ветра чуть не сорвал с неизвестного фуражку, но он прихватил ее левой рукой, держа правую в кармане. Император механически отметил этот факт и почему-то подумал, что правой было бы сподручнее. И еще император обратил внимание на выражение лица неизвестного. В нем не было заискивания, не было почтительности. В нем была напряженная решимость.

Они разминулись, император и неизвестный в чиновничьей фуражке. Непонятно почему император оглянулся вслед прошедшему. И увидел направленный в спину пистолет. Еще мгновение, и пули вопьются ему в спину...

Император резко развернулся и бросился бежать по площади, петляя со стороны в сторону. Вслед зазвучали выстрелы...

Современные исследователи так описывают покушение А. Соловьева. «2 апреля 1879 г. Соловьев на Дворцовой площади Петербурге выпустил 4 или 5 пуль из револьвера, но лишь прострелил в нескольких местах «высочайшую» шинель. Александра II спасла как неопытность покушавшегося, так и то, что царь после первого выстрела побежал от Соловьева зигзагами, затрудняя ему прицеливание» [20, стр. 351].

Обратим внимание на циничный стиль изложения покушения на цареубийство: «прострелил в нескольких местах “высочайшую шинель”»; «побежал от Соловьева зигзагами, затрудняя ему прицеливание». Император великой державы, царь-реформатор, от одного слова которого зависели судьбы миллионов людей, изображается идиотом, который бежал от покушавшегося зигзагами, и мешал этому подонку «прицеливание».

Имеются и другие подходы к оценке данного покушения на Александра II. В двухтомном Историческом очерке, посвященном 200-летию МВД России, читаем: «В конце 70-х

гг. социальная обстановка в стране накалилась. Под влиянием неудач “хождения в народ” среди революционных групп возникают идеи, с одной стороны, необходимости отхода от анархизма и перехода к политической борьбе, а с другой – насильственного государственного переворота, главным образом с помощью террора. Терроризм стал рассматриваться как средство завоевания авторитета революционными организациями в глазах народа. При арестах революционеры стали оказывать жандармам вооруженное сопротивление. 1 февраля 1878 г. ими был убит тайный агент Никонов, проникший в одну из организаций. 23 февраля состоялось покушение на товарища прокурора Киевского окружного суда Котляревского, в мае революционеры убили адъютанта Киевского жандармского управления Гейкина.

С лета 1878 г. террор усиливается и проникает в Петербург: 7 августа революционер С. Кравчинский на улице заколол кинжалом шефа жандармов, начальника 3 отделения Н.В. Мезенцева и скрылся. Назначенный на место Мезенцева генерал Селиверстов писал царю; “...Ничтожность доселе достигнутых результатов розысков сокрушает меня и моих сотрудников...”. Несмотря на усиление охранительных мер, в феврале 1879 г. был убит харьковский генерал-губернатор Кропоткин, в марте – тайный агент полиции Рейнштейн. 13 марта было совершено покушение на нового шефа жандармов А.Р. Дрентельна. А 2 апреля террорист Соловьев неудачно стрелял в императора» [23, стр. 180].

С тех пор прошло много лет... Многие исследователи писали о террористе Соловьеве, который 2 апреля 1879 года совершил покушение на царя Александра II. Несмотря на многочисленность исследований, в исторической литературе нет четких ответов на вопросы, связанные с покушением. Каждое покушение кем-то «заказывается». Кто в очередной раз «заказал» императора всея Руси? Кто такой Александр Соловьев; чью волю и чье указание он выполнял, покушаясь на императора?

В исторической литературе сложился определенный стереотип, и покушение Соловьева на царя преподносится довольно упрощенно. В Санкт-Петербург прибыл из провинции А. Соловьев, до этого слышавший мирным пропагандистом, с твердым намерением убить царя. По

мнению нынешних «умных исследователей», «в конце марта 1879 г. в Петербурге появился А.К. Соловьев. Правоверный пропагандист, он решил убить императора за то, что местные и центральные власти не давали социалистам свободно излагать свои взгляды крестьянам. Его намерение было неоднозначно встречено землевольцами, но бурные обсуждения вопроса о царевубийстве в «Основном кружке» закончились ожидаемым компромиссом. Организация отказалась поддерживать Соловьева, но разрешила своим членам в частном порядке оказывать ему помощь» [20, стр. 350].

Мотив покушения звучит достаточно дико. «Социалисты» – это люди, распространявшие информацию экстремистского характера. В период массового «хождения в народ» эти самые люди подстрекали крестьян целого ряда регионов России к аграрному террору, к вооруженным восстаниям в центральных регионах России. Цель – для подавления крестьянских восстаний оттянуть русские войска из Средней Азии, где они расширяли геополитические позиции России, что вызывало обеспокоенность и озлобленность Англии, боявшейся за свои индийские владения [16].

Современные «умные исследователи» почему-то не рассказывают о том, как готовилась спецоперация по ликвидации Александра II? Каким образом роль исполнителя, ликвидатора, была возложена на А. Соловьева, который не был ни активным пропагандистом «социалистических идей», ни боевиком «Земли и Воли». В это время в Питере находились люди, уже имевшие опыт ликвидации высших должностных лиц империи: харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина; начальника III Отделения и шефа Отдельного корпуса жандармов генерала Н.В. Мезенцева [17]; участия в покушении на генерала Ф.Ф. Трепова [4; 8; 39].

Из числа таких людей в Питере оказались Гольденберг и Кобылянский. Последний прошел на Западе подготовку и славился своим умением «убивать из-за угла», то есть был профессиональным киллером. Им не повезло войти в историю, ибо право выстрела отстоял Соловьев. После чего он купил фуражку чиновника, револьвер и пошел стрелять в царя [11, стр. 71; 26, стр. 10-11; 27, стр. 22].

Все исследователи дружно молчат о том, что вторая организация «Земля и Воля», как

и первая, «Земля и Воля» Н. Чернышевского, была структурой гибридной войны Запада. Вторая организация «Земля и Воля» была создана Западом для проведения спецопераций гибридной войны на территории России. Россия вступала в Балканскую войну, чтобы защитить православных славян на Балканах от турецкого геноцида. В соответствии с механизмами гибридной войны на ее территории было создано структурное подразделение для проведения спецопераций – общество «Земля и Воля» (первое общество «Земля и Воля», под руководством демократа Чернышевского, создавалось для поддержки польского восстания 1863-1864 годов [19; 18]).

В преддверии и с началом русско-турецкой войны ставленники Запада, «землевольцы», подготовили Чигиринское восстание. На юге Киевской губернии они завербовали от 2 до 3 тысяч крестьян; закупили лошадей, оружие; провели командно-штабные учения. Крестьянские банды и партизанские отряды под руководством «землевольцев» должны были развернуть партизанскую войну в тылу русской армии, воевавшей на Балканах. Разрушить средства связи, уничтожить документацию в военкоматах. Уничтожить ряд должностных лиц, в том числе и в самом Киеве. Объекты покушения были уже определены, место жительства установлено.

Поднять восстание не удалось: два крестьянина по пьяни разболтали дату начала восстания. Полиция арестовала несколько активных организаторов восстания. Контрразведка и прокуратура принялись распутывать клубок террористического подполья [14]. Чтобы спасти подполье гибридной войны, революционное подполье пошло на немыслимые шаги. Оно ликвидировало Харьковского генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина; начальника Киевского губернского жандармского управления барона Г.Э. Гейкинга; покушалось на высокопоставленного прокурорского работника М.М. Котляревского [19]. Затем организовало дерзкий побег из тюрьмы арестованных участников подполья.

На этом деятельность революционного подполья не прекратилась. Россия, выиграв очередную русско-турецкую войну, подписала Сан-Стефанский мирный договор, где закрепила за собой ряд геополитических позиций в

Европе. Западу, как геополитическому противнику России, была невыгодна победа России в Юго-Западном регионе Европы. Запад организовал покушение боевика гибридной войны В. Засулич на генерала Трепова [5].

Современные исследователи так и не поняли смысла покушения на Трепова. Как пишут современные криминологи, «в феврале 1878 г. Вера Засулич совершила индивидуальный террористический акт – стреляла и ранила генерал-губернатора Петербурга Ф.Ф. Трепова в отместку за незаконный приказ о телесном наказании арестованного студента». О том, что это была спецоперация гибридной войны Запада, исследователи не догадываются [42].

Западные СМИ раздули «героический поступок» террористки на всю Европу. Европа отказалась признать Сан-Стефанский мирный договор. Дескать, какие вы победители, если у вас в столице боевики отстреливают ваших генералов [13].

По истории революционно-террористического движения в годы советской власти писались книги, снимались кинофильмы. Международная террористическая организация – партия большевиков – всячески героизировала боевиков гибридных войн против России, при этом замалчивая, что все они были агентурой Запада. А Запад, как геополитический противник России, был заинтересован в уничтожении самодержавия либо, как минимум, в уничтожении царя-реформатора. Александр II снял с России путы, наложенные Западом, крепостное право. Провел целый ряд реформ в области управления государством, налогообложения, реформирования суда, полиции, вооруженных сил. И Россия встрепенулась, и рванула птицей-тройкой, поражая Европу достижениями в научно-техническом прогрессе.

К тому же достоянием гласности и внимания историков становились только те преступления гибридных войн, которые были раскрыты спецслужбами, полицией, и виновные были осуждены. Все остальное, тайное, осталось только в архивах Западных спецслужб, которые готовили различного рода спецоперации на территории России, вербовали и обучали агентуру.

Революционный террор – это противодействие спецслужб, разведок и контрразведок. Чтобы более или менее понимать содержание всех спецопераций гибридных войн, надо иметь представление о механизме работы

спецслужб. Без этого нельзя понять развитие революционно-террористического движения в России, в том числе, смысл и механизм многочисленных покушений на императора Александра II. Гражданские ученые не знают механизма противодействия разведок и контрразведок, а потому просто не в состоянии понять механизм гибридных войн и суть покушений на Александра II.

Непонимание механизма гибридных войн приводит к тому, что современные исследователи не могут дать объективной оценки мотивации деятельности революционного подполья в России, периода второй «Земли и Воли» и «Народной Воли». Как утверждают ученые Казанского юридического института МВД России А.Е. Шалагин и М.Ю. Гребенкин, к основным «факторам экстремистской и террористической активности того периода следует отнести: разочарование радикальной интеллигенции в готовности народных масс к восстанию, пассивность большей части общества и его слабое влияние на власть, желание отомстить за преследования со стороны правительства» [42]. Подобного рода «факторы» скорее говорят о стабильности государства, политического режима, об удовлетворенности населения внутренней политикой России. Несмотря на все издержки отмены крепостного права в 1861 году, «революционный десант» 1874 г. не смог поднять ни одного крестьянского восстания.

В середине 1879 года для ликвидации императора России Запад создал специализированную революционно-террористическую организацию: «Народную Волю». Современные исследователи молчат о том, что основное организационное ядро «Народной Воли», ее «офицерский состав», проходили трехмесячную подготовку на Западе. Они отменно владели навыками разведки и контрразведки, наружного наблюдения, взрывотехники. А все покушения народников на Александра II – это профессионально подготовленные спецоперации гибридной войны. Основным объектом ликвидации «Народной Воли» стал Александр II. А «смертный приговор» Александру II выносил не Исполнительный комитет «Народной воли», а Запад [15; 30, стр. 96].

А пока по маршруту движения императора России Запад выставил А. Соловьева.

С покушением Соловьева на Александра

И не все так просто, как излагают прошлые и нынешние «интеллектуалы». Готовились стрелять в императора великой державы. Последствия от такого террористического акта были непредсказуемы как для внутренней, так и для внешней политики. «Заказать» императора могли только очень заинтересованные люди. На территории самой России решиться на террористический акт против императора мог только полнейший отморозок. Ибо в глазах массы населения император был «помазанником Божиим», представителем Бога в России. После убийства Александра II 1 марта 1881 г. по России прокатилась волна самосудов: народ лупил «студентов», считая их причастными к ликвидации императора.

Любой террористический акт готовится в условиях глубокой конспирации. Как правило, заказчики и организаторы террористического акта редко становятся известны следователям и историкам. Криминальная известность – это удел неудачливых исполнителей, которые были задержаны полицией либо спецслужбами.

В деле Соловьева также возникает много вопросов. Кто он такой, «правоверный пропагандист» А.К. Соловьев? С чего вдруг осатанел, с чего вдруг «мирный пропагандист» взялся за оружие? И не просто взялся, а пошел стрелять в самого царя! Кто принимал решение о покушении: он сам либо кто-то другой? Как была организована операция и почему террорист не смог попасть в объект буквально с нескольких метров?

Демократические реформы в России, запущенные после государственного переворота 1991 года и введения в России режима внешнего управления, привели к резкому росту взрывов в местах концентрации людей: на рынке, в поездах, подрывы жилых домов; к одновременному захвату сотен и тысяч заложников, и др. Как отмечают современные исследователи, «террористические акты сегодня стали происходить с пугающей частотой, провоцирующей государственную власть предпринимать ответные действия в виде выработки и реализации эффективных мер по борьбе с данным явлением и противодействию ему». Исследователи обеспокоились изучать «личности преступников-террористов», так как «изучение личности имеет важное значение, создавая основу для разработки конкретных мероприятий по искоренению причин, по которым человек вступает на путь

уничтожения окружающих и самого себя» [21]*.

Скажем так: «личности преступников-террористов» и причины террора – это разные понятия и процессы. Исследователи забывают, что терроризм – это форма политической борьбы. Это регулируемая преступность. А «личность террориста» – это просто завербованное лицо.

На наш взгляд, детальное изучение личности одного из первых исполнителей адресного верховного террора, А. Соловьева, может внести определенный вклад в понимание личности террориста. Ибо, как утверждает А.Х. Боташева, «успешное предупреждение отдельных преступлений возможно лишь в том случае, если внимание исследователей и правоприменителей будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является «виновным носителем» причин их совершения, важнейшим звеном всего механизма преступного поведения» [7].

После того, как в России власть в октябре 1917 года захватили революционеры-террористы, они заново переписали историю революционно-террористического движения России. Был включен мощный механизм ореолизации бандитов-революционеров-террористов. Им заново выдумывали биографии; из наркоманов и садистов они превратились в грозных мстителей за народ, в людей, вечно сражавшихся с нуждой и потому имевших моральное право на «выстрел в императора». Не избежал такой участи и А.К. Соловьев.

В литературе о террористе Соловьеве, издававшейся после Октябрьской революции, описывалось трудное детство Александра Константиновича, отец которого «вечно боролся с нуждой». Так и встает перед глазами образ «вечного труженика», задавленного нуждой, постоянно думающего о куске хлеба для сынишки Саши. И вечно голодный Сашка...

На самом деле, детство террориста Саши прошло довольно таки сытно и спокойно. Соловьев был сыном «коллежского регистратора, лекарского помощника придворного ведомства». Обратим внимание на ту организацию, где работал папа будущего террориста – придворное ведомство, то есть одно из структурных подразделений Правящего Дома Романовых. А это значит, что «лекарский помощник» оказывал медицинскую помощь кому-то из членов Дома Романовых; что в детстве Саша трескал сладости

едва ли не с царского стола. Во всяком случае, думать о куске хлеба ни его родителю, ни ему не приходилось. Да и вся многочисленная семья Соловьевых, куда входили, кроме отца и матери, еще два брата и две сестры, проживала в элитном районе Петербурга, на Каменном острове, во владениях дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны...

Но об этом революционные летописцы умалчивали. Иначе как объяснить народу, с чего вдруг сытый и благополучный студент-недоучка пошел стрелять в императора? Может, объелся чем-нибудь? Или водочки перекушал?

Образование будущий террорист также получил не за родительский счет. Учебу оплачивало Ораниенбаумское дворцовое правление. Это позволило юному Саше учиться в 3-й Петербургской гимназии, куда плебеев не пускали. Потом Александр поступил в столичный университет и проучился два года на юридическом факультете. Университет не закончил. Деньги на оплату учебы были, а мозгов явно не доставало. Не окончив вуза, начал работать учителем истории и географии в Псковской губернии. Однако «разумному, доброму и вечному» недоучившийся студент детвору не учил. Он пытался агитировать «народных» детей за «народ», рассказывая, как бестолков и безжалостен царь-батюшка, которого нельзя любить, а надо ненавидеть. Естественно, «народные» дети таких разговоров не скрывали от своих родителей, а те от полиции. В результате «у него возникли с полицией столкновения» и он оставил школу.

В 1875 году Соловьев поселился в имении Н.Н.Богдановича. Обратим внимание на место поселения – помещичье имение! А это значит, что Н.Н. Богданович также не испытывал недостатка в хлебе насущном. Тем не менее, он поддерживал людей, которые стремились спровоцировать крестьянские восстания, аграрный террор, ликвидацию помещиков. Такие вот диковинные помещики были на Руси.

А у хозяина имения была жена. Почти по Пушкину: «А у князя женка есть, что не можно глаз отвести...!». Нет, нет, Саша Соловьев не стал приударять за чужой женой. Это она обратила внимание на него. В результате такого внимания, под влиянием «женщины умной, нахальной и вкрадчивой», Соловьев в своих убеждениях дошел «до полной анархии», то

есть стал революционером. А революционер должен был быть готовым работать «в народе». А народ бездельников и неумех не любит. Народ-труженик и любит тружеников. Для того, чтобы лучше вписаться в непонятный русский народ, Соловьев принялся изучать кузнечное дело для последующей работы в «народе». Работать в кузнице – не в читальном зале сидеть, а потому А. Соловьев «оказался по своей физической неловкости совершенно неспособным к мастерству» [12, стр. 31-32]. В переводе это звучит так: хотел стать кузнецом, да здоровья не хватило. А может быть, и ума...

С августа 1876 года до декабря 1878 года он поочередно проживал по фальшивым документам в Нижнем Новгороде, Владимирской, Самарской, Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях. Возникает вопрос: где студент-недоучка и несостоявшийся сельский кузнец добывал поддельные документы и деньги на «путешествия в народ»? Кто его снабжал поддельными документами и деньгами? И, самое главное – для чего?

Что делал Соловьев во время своих плановых скитаний? В одних местах он пытался работать в кузнице, в других – хлопотал о месте сельского учителя и так далее. Нигде и ничего не получалось, а потому он за чужой счет передвигался из одной губернии в другую.

Во время пребывания в с. Воронино Соловьев решил жениться на троюродной сестре Богдановича, Екатерине Челищевой. Напомним, что жил он в имении Н.Н.Богдановича, помещика, который одновременно поддерживал народовольцев-революционеров. Здесь же, в имении, жила троюродная сестра, ошивавшаяся без дела. И вот сестричке захотелось замуж. Выбор засидевшейся в девках сельской девицы пал на «залетевшего на огонек» А. Соловьева. С одной стороны – он никомушний кузнец и несостоявшийся учитель. С другой стороны – воспитанник Ораниенбаумского дворцового правления. При таком муже можно и в Питер, в столицу из периферии перебраться, и в поле зрения родственников царя попасть.

И вот здесь появляются неожиданные моменты в биографии А. Соловьева, помогающие лучше понять неожиданную готовность молодого мужа пожертвовать собой, совершая теракт...

Брак между А. Соловьевым и троюродной

сестрой местной помещицы был зарегистрирован. Можно с уверенностью сказать, что венчания в церкви не было. «Землевольтцы» отрицали Бога, отрицали церковь. Единственное общение со священником у них обычно происходило на плахе, под виселицей. Скорее всего, свидетельство о браке выписал местный писарь. На сей раз на настоящий паспорт А. Соловьева, а не на документ прикрытия.

Судя по поведению молодых супругов, сбой начался в первую брачную ночь. По словам очевидца, «размолвки между «супругами» начались чуть ли не на другой же день после свадьбы. Соловьев чувствовал себя сконфуженным и как будто угнетенным. Он производил впечатление человека, выбитого из колеи. Не посещал кузницу, бродил без дела по двору или, усевшись в углу гостиной с книжкой, мрачно смотрел в окно, безжалостно теребя свою бородку. Челищева тоже чувствовала себя неловко...

Авторы воспоминаний не оставили деталей – что могло произойти в первую брачную ночь? Вариантов может быть несколько. Первый: невеста оказалась не девственницей, а по традициям Руси это был большой грех. Версия маловероятная. Среди землевольтцев процветали блуд и феминизм. Специальные «секс-хаты» с революционерками-феминистками использовались для вербовки молодежи в революцию. Дескать, ну что, секс понравился? Иди в революцию, будешь иметь много секса. А потому А. Соловьев не сделал бы достоянием гласности факт предыдущего использования кем-то невесты. Окружающие его попросту не поняли бы. Ибо все были поклонниками свободного секса, любителями групповухи, и на такие мелочи, как девственность, внимания не обращали. Вариант отпадает.

Второй вариант: жених оказался импотентом. А вот это ближе к телу.

После свадьбы и несостоявшейся брачной ночи невеста «то и дело совещалась с Адрианом Михайловым (к которому, кстати сказать, была неравнодушна)» [12, стр. 34]. Молодая жена объясняла свою неприязнь к молодому мужу тем, что «благодаря рассказам Адриана Михайлова накануне свадьбы о болезни Соловьева, она получила к нему отвращение» [12, стр. 35].

Вот так творились дела у убежденных революционеров. Соратник-революционер взял да

и вломил своего же брата-революционера невесте. Представляет интерес, что мог Адриан Михайлов рассказать Челищевой перед первой брачной ночью?

Рассмотрение поведения мужа и жены Соловьевых, взаимоотношений Челищевой-Соловьевой и А. Михайлова, позволяет сделать предположение, что Соловьев страдал «неприличной болезнью». Импотенция отпадает; зачем жениться, если «женилка» не работает. Венерическая болезнь отпадает: с таким «свадебным подарком» в кузничную топку целиком засунут. Знание биографии А. Соловьева позволяет сделать вывод о «неприличной болезни», вызвавшей отвращение юной жены: А. Соловьев был наркоманом.

Судя по всему, потенциальная невеста наперед знала о непригодности А. Соловьева для нормальной семейной жизни. Тем не менее брак был зарегистрирован. Объяснение тому есть. Челищевой нужен был паспорт с отметкой о замужестве. Это давало более высокое положение в обществе и свободу перемещения. Поэтому она, испытывая душевный и телесный трепет к революционеру-народнику Адриану Михайлову, зарегистрировала брак с Сашей Соловьевым. Сделав свое дело и получив паспорт замужней женщины, Челищева-Соловьева выехала в Петербург, а муж, не испытывавший прелестей первой брачной ночи, «отправился в народ», не задерживаясь долго ни в одном месте. У нас нет информации о последующей судьбе Челищевой-Соловьевой. Не исключено, что она, на правах жены, появилась в семье «коллежского регистратора», свекра и свекрови, и какое-то время жила «на Каменном острове, во владениях дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны». На апрель 1879 г., по данным III Отделения, «жена преступника оказалась проживающему в Торопце».

По словам В.Н. Фигнер, в Саратове осенью 1878 года к ней приехал Соловьев, «чтобы посоветоваться относительно своего намерения убить царя» [12, стр. 44]. Такое заявление вызывает определенное сомнение. В это же время в Саратове находились более опытные специалисты по террору. В том числе те, кто принимали участие в организации покушения на Трепова: Александр Михайлов и М.Р. Попов. И Соловьеву сподручнее было бы «посоветоваться» с ними, а не с бабой В.Фигнер. Не исключено, что А.

Соловьев просто пытался поднять свой рейтинг в глазах «крутых революционеров», а потому на всех перекрестках заявлял о своей готовности стрелять в царя.

По одной из версий, 28 декабря 1878 года Соловьев приехал в Санкт-Петербург, «разыскал здесь Александра Михайлова, которому «открыл свою душу» [12, стр. 47], то есть заявил о готовности стрелять в царя. Сам Михайлов, находясь под следствием и не надеясь на снисхождение правосудия, на протяжении длительного времени писал собственноручные показания, в которых история с Соловьевым выглядит иначе. «Я встретился в феврале 1879 года с Александром Соловьевым, тогда возвратившимся из Саратовской губернии... На первые мои вопросы, долго ли думает пробыть в Петербурге, он отвечал неопределенно и, в свою очередь, узнавал, кто есть здесь теперь из его знакомых, как идут дела, хвалил поступок с Мезенцевым*²..., так что я заключил о полном его сочувствии активной борьбе с правительством» [33, стр. 127].

Ни о каком желании стрелять в царя Соловьев не заявил и с организатором известных ему террористических актов ни о чем не советовался. «Так прошло недели две. Однажды, идя со мной по улице, когда я стал прощаться с ним, он обратился ко мне с вопросом, не могу ли я ему достать яду. Я осведомился, какого и в каком количестве... Он сам продолжил разговор, кратко очертил свое душевное настроение, взгляд на жизнь и закончил выражением своей твердой решимости покончить с царем» [33, стр. 127].

В данном случае необходимо выяснить, какой «яд» просил Соловьев? В рассматриваемый период под словом «яд» подразумевались наркотики.

Исследователи революционно-террористического движения не говорят о том, что среди революционеров было много наркоманов.

Распространение наркотиков в России началось с XVII века, когда стали налаживаться торговые взаимоотношения с Китаем, ставшим основным поставщиком опиума в Россию. В антинаркоманной политике империи была одна отличительная особенность. Англия развязала против населения Китая наркогеноцидную войну (опиумные войны 1840–1842; 1856–1860 гг.). Россия законодательно запретила направлять в Китай опиум. 12 апреля 1841 года был

издан именным царским указ «О непропуске в Китайские пределы опиума», данный к исполнению Сенату и усиленный 20 января 1844 года. В то же время наркотики из Китая в большом количестве поступали на территорию Российской империи [37, стр. 5; 35, Ст. 14450, 17547]. Китайские мигранты на территории Приамурья и Дальнего Востока наладили производство наркотических средств на арендуемой земле.

Наркотизация населения России резко возросла с присоединением к России территорий Средней Азии, Приамурья. Местное население этих регионов активно производило и употребляло опий и гашиш*³. Как писал Л.В. Анцыферов: «В дореволюционное время во всех населенных областях Средней Азии, в любой почти мелкой лавочке или «чайхане» (чайной) можно было приобрести анашу (гашиш), ее не только продавали, но ею любезно угощали посетители чайханы друг друга так же, как европейцы – папиросами...»

Выращиваемый опиумный мак использовался для изготовления опиума, наркотического отвара (кокнар или кукнар). Последний употреблялся, как успокаивающее, тонизирующее средство и лекарство от различных заболеваний. В середине XIX в, морфин и кокаин широко использовались в медицинской практике, в том числе, для лечения головной и зубной боли, насморка, расстройства пищеварения и т. п. Наркотические средства из Средней Азии стали активно распространяться, вначале на близлежащие губернии Туркестанского края, а затем и крупные города в центральной части Российской Империи. Попытка правительства России законодательно запретить посевы опиумного мака привела к резкому увеличению контрабандных поставок наркотиков из Китая, Персии и Турции.

Среди молодежи значительное распространение получило употребление курительного опиума, который в массовом порядке, контрабандно, поступал из персидского Хорасана, Закаспийской области, Бухары и Хивы [22, стр. 2-3; 38, стр. 350]*⁴. Представители интеллигенции и революционеры в значительном количестве употребляли морфий и опий. Таким образом, наркомания как явление была известна издавна [9; 10].

Просьба Соловьева достать ему «яд» была не чем иным, как просьбой достать наркотик. Судя по всему, у наркомана А. Соловьева начиналась

ломка. Дабы избежать страданий и подешевле купить наркотик у известного революционера, Соловьев «хвалил поступок с Мезенцевым» и заявлял о своей готовности «убить царя». В принципе, современники того периода обратили внимание на то, что молодежь шла в террор именно за смертью. Покончить жизнь самоубийством не у всех хватало духа. А «погореть на терроре», быть убитым или повешенным – к этому стремились многие. Нередко террористы, осужденные, вместо смерти на каторге все равно заканчивали жизнь самоубийством.

Теперь, как быть с идеей цареубийства, о которой говорит Михайлов?

Отнесемся критически к заявлениям Фигнер и Михайлова. Они принадлежали к профессионалам гибридной войны, а Соловьев был для них посторонним человеком. Вот они и валили его на допросах.

Михайлов сознался, что к тому времени у него не было конкретного решения о возможности покушения на царя.

«В это время у меня не созрел еще взгляд по этому важному вопросу; я не мог ни поддержать его намерения, ни отклонить... Так прошло 13 марта...» [33, стр. 128]. То есть Михайлов невольно признается, что решение вопроса о покушении в какой-то мере зависело от «его взгляда» на этот важный вопрос, а не от желания Соловьева. И даже не от его взгляда. Он должен был с кем-то согласовать возможность покушения на императора.

Судя по всему, к этому времени Запад уже принял решение о ликвидации Александра II. Ибо в марте 1879 г. в Петербург прибыл «сын купца 2-й гильдии Григорий Гольденберг» с идеей цареубийства. Г. Гольденберг принимал участие в подготовке спецоперации по ликвидации Харьковского генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина. В частности, он вел наблюдение за маршрутом и временем передвижения Д.Н. Кропоткина, присутствовал при его ликвидации киллером Кобылянским [19]. Здесь он встретился со своими знакомыми Зунделевичем и Ал. Михайловым, с которыми и обсуждал возможность реализации идеи.

Как отмечалось в «Обвинительном акте по делу о дворянине Александре Квятковском» и др., известном как «дело 16-ти», Гольденберг, Зунделевич и Александр Михайлов сначала обсуждали этот вопрос втроем, а затем вместе

с ними приступили к обсуждению: Соловьев, появившийся тогда в Петербурге Людвиг Кобылянский и некто Александр Квятковский. Таким образом, вопросы о покушении на императора обсуждали: участники гибридной войны Г. Гольденберг, известный специалист по контрабанде Зунделевич; один из руководителей «Земли и Воли», Александр Михайлов; убийца Харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина, Людвиг Кобылянский, и Александр Квятковский.

Л. Кобылянский специально прибыл из Европы для ликвидации генерал-губернатора. В Европе он прошел спецподготовку и был известен, как «убийца из-за угла». Он провел профессиональную ликвидацию князя Кропоткина. Князь в карете, около 23 часов, проезжал через сквер к губернаторскому дому. Кобылянский вскочил на подножку кареты, в темноте, через открытое окошко, выстрелил губернатору, сверху, в левое плечо. Пуля прошла через левое плечо, середину ключицы и перебила позвоночник.

Все перечисленные участники имели определенный криминальный опыт, в том числе совершения убийств, ведения наружного наблюдения и совершения террористических актов. Единственным дилетантом в этой группе оказался Соловьев, из которого не получилось ни приличного кузнеца, ни учителя, ни мужа...

Обсуждения происходили в различных трактирах, где для этого снимались отдельные комнаты. Совещания длились по несколько часов. «Говорили много, но обсуждали вопрос опять только теоретически, то есть с точки зрения выгод от преступления для революционных целей. В своих заседаниях они не касались вопроса о форме самого убийства и средствах для его совершения, не останавливаясь даже на том, кто должен совершить оное» [29, стр. 17]. (выделено нами – Авт.).

Многочасовые «совещания» в отдельных кабинетах трактиров позволяет говорить о «курении опиума» революционерами. За кальяном с опиумом и велись разговоры, «в принципе», что надо убить царя, вырабатывалась мотивационная установка. С учетом того, что все участники «обсуждения» имели опыт криминальной деятельности, решение могли принять и без длительного обсуждения. Все эти сходки и обсуждения предназначались для Соловьева, в сознании которого необходимо было

сформировать мотив преступного поведения, совершения террористического акта против царя. Наиболее активно вопрос обсуждали Гольденберг, Михайлов и Соловьев. Когда же все участники пришли к неоднократному выводу о необходимости убийства, естественным образом встал вопрос, кто из присутствующих выступит в роли ликвидатора, исполнителя террористического акта.

«Первым предложил свои услуги сам Гольденберг, но предложение его не было принято, так как находили, что ему, как еврею, не следует брать этого дела на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будет иметь должного значения» [29, стр. 17].

Участник обсуждения А. Зунделевич на судебном процессе так объяснил причину отвода Гольденберга. «На одной сходке было возбуждено предположение о том, чтоб на жизнь Государя покусился Гольденберг. Тогда я энергически восстал против этого, потому что, при общей склонности христианского мира приписывать всей еврейской нации преступление, совершенное одним из ее членов, обвинение в данном случае легко могло обратиться на всех евреев» [34, стр. 105].

На наш взгляд, отвод инициативы Гольденберга из-за его национальности был просто тактическим приемом отвести его кандидатуру. Изучение воспоминаний участников революционно-террористического движения не дает оснований для выводов о том, что где-то еврейская принадлежность служила причиной конфликта. Например, О.В. Аптекман перед своей работой «в народе» высказал опасение: «Я – еврей. Меня сильно смущало это обстоятельство. Как отнесется народ к моей пропаганде – придаст ли он ей веру или нет». Однако, товарищи по революционному объединению сумели убедить его, «что из всех народов русский народ менее всего нетерпим в национальном и вероисповедном отношениях» [2, стр. 60-65], в чем он вскоре и сам убедился. Кроме того, в последующем Гольденберг принял самое активное участие в подготовке террористических актов против царя и национальная принадлежность ни его, ни других евреев, членов террористической организации, не сдерживала. Равно как не повлияла на положение евреев в России.

«По таким соображениям не было принято и даже не обсуждалось в заседании предложение

Кобылянского, который также заявил о своем желании совершить злодеяние. Его не признали годным для этого дела, как поляка, боясь, что тогда придадут всему делу значение, как событию для целей польских интересов» [29, стр. 18]. Участие поляка в покушении было бы более естественным, так как в Польше было очень мощное антироссийское движение. Кроме того, польский дворянин Людвиг Кобылянский имел хорошую стрелковую подготовку. Он прибыл в Россию как профессиональный убийца и совершил особо сложный террористический акт ликвидации Харьковского генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина. «Признавалось безусловно необходимым, чтобы злоумышленник был непременно русский» [40, стр. 104].

Судя по всему, организаторы террористического акта на данном этапе не хотели рисковать своими людьми в таком новом и ответственном деле, как покушение на Императора. Поэтому и решили привлечь сторонника революционного движения, в то же время не являвшегося членом «дезорганизаторской» касты.

«Свои услуги предложил Соловьев и его признали совершенно годным и совмещающим в себе все условия для сего дела» [29, стр. 18]. Искренность «желания» Соловьева вызывает сомнение.

Если бы он действительно «желал» совершить царевубийство, то заявил бы об этом сразу же, а не после длительных обсуждений и отвода ряда кандидатур. Он оказался в ситуации, когда деваться было некуда. Скорее всего, вначале ему, человеку очень робкому, льстило то, что он находится, как равный, среди людей, уже совершивших акты террора, чьи имена были окутаны восхищением членов организации. Именно этим, а также курением опиума в кабинетах трактиров, можно объяснить его повышенную «говорливость». Так как, по отзывам знавших его лиц, он никогда не принимал активного участия в обсуждении даже безобидных вопросов, связанных с агитационной деятельностью. Предлагая свою кандидатуру «в очереди» на покушение, Соловьев, может даже рассчитывать на такой же отвод, как и другие. Боевиком он не был, и с точки зрения серьезной надежды на успех ценности не представлял. Стрелять не умел, оружия в руках не держал. Однако «предложение» Соловьева было «принято». Он обладал самым главным качеством: он был русским...

Конкретную дату изъятия своей готовности совершить террористический акт Соловьев назвал на допросе после задержания. «Уже на вербной неделе во мне установилась мысль посягнуть на жизнь государя, твердое и обдуманное намерение убить его созрело на страстной» [31, стр. 147]. В 1879 году пасха была 1 апреля, следовательно – вербная суббота, которая состоится за неделю до пасхи – 24 марта 1879 года. Вот когда у Соловьева «установилась мысль» совершить террористический акт, а окончательное решение он принял на «страстной пятнице», то есть 30 марта.

Обращает на себя внимание еще один момент в «подготовке» Соловьева. Тогда же, на допросе, он показал, что «с начала великого поста стал носить с собой револьвер для своей защиты, в случае произвольного арестования меня. Сперва был у меня револьвер большого размера, длинный, системы Смита и Вессона» [31, стр. 147]. Великий пост начинается за сорок дней до пасхи, значит, Соловьева начали приучать к ношению огнестрельного оружия еще в феврале, до обсуждения самого вопроса о царевубийстве. Это значит, что уже в феврале он был «избран» для покушения на императора, о чем он не знал. Чтобы удобнее было носить револьвер, сестра Соловьева вшила в его брюки клеенчатый карман, а сам Соловьев вшил замшевый карман в свое пальто.

Заслуживает внимания появление револьвера у Соловьева. По словам Соловьева: «Я получил его на Невском от своего знакомого, которого знаю только под именем Федьки или Федора», – показывал он на допросе. Первый револьвер в силу своих размеров оказался неудобен для скрытого ношения, о чем будущий террорист рассказал человеку, вручившему его оружие. «Я сказал Федору, как-то, при случае, и мы поменялись револьверами; этот револьвер и был тот самый, из которого я 2 апреля стрелял в государя императора. Ни за первый револьвер, ни за второй я ничего Федору не платил...» [31, стр. 148; 40, стр. 48].

Имя «Федька» в этот период, по агентурным сведениям полиции, принадлежало Г.В.Плеханову. Здесь необходимо вспомнить, что и покушение Мирского на генерала Дрентельна также готовил «Федор» [3, стр. 443]. Плеханов находился в тесных связях с партией украинофилов-социалистов. «После

ареста Левченко... Стефанович возвратился в Санкт-Петербург, взяв с собою проживавшего в Киеве революционного деятеля, известного в преступной среде под именем «Жоржа», который после побега Стефановича за границу заправлял делами партии «народников» и, пользуясь большим между социалистами почетом, собирал сходки». Кличка «Жорж» в этот период была у дворянина Г.В.Плеханова.

Особого внимания заслуживает человек с именем «Федор», который обеспечивал Соловьева револьверами. «Федор» имел подпольную кличку «Волк» [31, стр. 148; 3, стр. 390]. По агентурным данным полиции кличка «Волк» принадлежала русскому дворянину Г.В. Плеханову.

Интересна «судьба» последнего револьвера. Его купил в оружейном магазине, расположенном «в его» доме, доктор Орест Эдуардович Веймар, сочувствовавший террористам.

Инициатором приобретения стал член революционной организации Г.Лопатин, скрывавшийся на квартире у Веймара по фальшивому паспорту на имя Севастьянова. Затем, по цепочке, через «Федора – Волка – Плеханова», револьвер дошел до Соловьева [31, стр. 41-42]. Револьвер особо заинтересовал полицию, ибо это был револьвер английской системы Веблей калибра 500. Именно из такого револьвера было совершено покушение на руководителя III Отделения и шефа жандармов генерала Дрентельна. Судя по тому, что покушение на генерала Дрентельна организовывал тот же «Федор – Волк- Плеханов», это был тот же самый револьвер. Участие Веймара в приобретении револьвера было скоро обнаружено полицией и Веймар получил за револьвер в соответствии с нормами действовавшего уложения о наказаниях. Но речь о Соловьеве.

Соловьев не просто таскал револьверы в кармане, он одновременно и тренировался в стрельбе. Тот же Гольденберг «часто ходил с Соловьевым, – причем раз только был и Кобылянский, – для упражнения в стрельбе из револьвера в стрельбище в Семеновском полку» [12, стр. 51].

Отсюда можно сделать вывод, что Соловьева готовили предварительно, исподволь, и обсуждение вопроса об убийстве началось тогда, когда опытный стрелок в стрельбе из револьвера Кобылянский оценил уровень подготовки Соловьева.

Гольдерберг и дальше продолжал

«курировать» Соловьева в деле подготовки к покушению. В частности, он водил Соловьева по оружейным магазинам, в которых они искали патроны. «Они заходили в какой-то магазин в гостином ряду, затем на Невском проспекте и наконец подобрали патроны в магазине на Большой Морской» [29, стр. 18]. Столь длительные поиски объясняются не отсутствием патронов, а поиском патронов большой убойной силы. Сам Гольденберг, подводя Соловьева к магазину, оставался на улице, дабы не попасть в поле зрения продавцов, а в магазины Соловьев заходил один. Необходимость патронов большой убойной силы он объяснял продавцам желанием его помещика с помощью револьвера отправиться на медвежью охоту. На самом же деле с помощью мощности патрона террористы стремились повысить эффективность покушения.

Возникает вопрос, почему организаторы не принесли необходимые патроны Соловьеву, а заставили его самого ходить по магазинам, создавая свидетельскую базу? Скорее всего именно с этой целью, чтобы продемонстрировать затем полиции длительность подготовки исполнителя к совершению преступления и его самостоятельность.

После «утверждения» кандидатуры Соловьева Гольденберг снова предложил свои услуги, объяснив, что это повысит вероятность достижения цели и если промахнется Соловьев, то убийство императора произведет Гольденберг. «Первоначально предложение его в этой форме было принято, но после не применилось к делу» [12, стр. 51].

Добившись согласия Соловьева, организаторы совершили, на первый взгляд, не совсем логичный поступок. Александр Михайлов о решении террористической группы организовать покушение на императора «довел до сведения общества «Земля и Воля», прося предоставить в распоряжение Соловьева (фамилию которого он не называл) лошадь для бегства после покушения и кучера» [12, стр. 52]. Здесь, во-первых, нарушалась элементарная конспирация, ибо о предстоящем покушении становилось известно довольно широкому кругу лиц, хотя имя конкретного исполнителя никому не называлось. Во-вторых, у Михайлова имелся уже опыт обеспечения путей отхода террористов после совершения террористического акта в отношении Мезенцева и Михайлов мог воспользоваться таким же или

аналогичным вариантом.

На наш взгляд, информируя членов общества, Михайлов стремился «повязать их кровью» Императора, поставив перед фактом-покушение состоится. Одновременно происходило «тестирование» членов общества. В условиях подготавливаемой реорганизации «Земли и Воли» организатору террористического направления надо было выявить возможных сообщников и «избавиться от трусов».

И действительно, террористическая инициатива Михайлова и К вызвала ожесточенный спор внутри организации. Сторонники пропагандистского направления не только отказались оказывать какую-либо помощь исполнителю, но и потребовали насильственно увезти его из столицы. Кто-то даже сделал попытку выяснить фамилию будущего исполнителя террористического акта, и, зная расстановку сил и наличие криминального опыта у членов организации, пришли к выводу, что это будет Гольденберг.

Михайлов А., Квятковский, Зунделевич и пользовавшийся их доверием М.Р. Попов еще раз обсудили все аспекты покушения. Обсуждение проходило во время одного из спектаклей в оперном театре. Здесь решение было принято окончательно.

После утверждения кандидатуры Соловьева на роль ликвидатора царя, стал вопрос о сборе предварительной информации о маршрутах передвижения Императора; о выборе времени и места покушения. Соловьев не мог самостоятельно это делать, он легко попадал в поле зрения службы безопасности Зимнего Дворца. Здесь террористы тоже проявили осторожность. Тот же «Зунделевич, ссылаясь на то, что ему завтра нельзя будет взять на себя эту обязанность» [32, стр. 145-146] предложил М.Р. Попову осуществлять наблюдения за царем, от чего последний отказался. Обратим внимание на последовательные отказы опытных революционеров даже от сбора информации: они просто не хотели попадать в поле зрения спецслужбы России.

Учитывая предшествующий опыт подготовки и совершения террористических актов, вначале планировалось повторить тактику Мирского при покушении на Дрентельна – стрелять верхом с лошади. Чтобы иметь возможность быстро покинуть место совершения преступления. «Соловьев пытался на Крестовском Острове учиться верховой езде, но после нескольких неудачных

опытов сам отказался от плана совершить покушение верхом. Да это и понятно: Соловьев, никогда не ездивший верхом, едва ли мог рискнуть совершить нападение на лошади, совсем ему неизвестной, и притом совершенно не умея держаться в седле» [32, стр. 146].

Незадолго перед этим Г.В.Плеханов организовал покушение на Дрентельна, когда террорист стрелял с верховой лошади, что дало ему возможность скрыться с места происшествия. Не исключено, что в разработке способа покушения Соловьева на Александра П. Плеханов также принимал негласное участие.

Поэтому для совершения террористического акта Соловьеву только потребовалась помощь в точном определении времени, «в которое он мог бы встретить Александра П в известном месте, для чего некоторыми лицами и взято было на себя наблюдение у Зимнего дворца» [32, стр. 147].

Таким образом, покушение Соловьева на императора не было его личной инициативой. Революционное подполье гибридной войны провело комплекс подготовительных мер для ликвидации царя. Из числа членов подполья был подобран человек, потенциально изъявивший готовность совершить покушение. Он не входил в группу «профессионалов» гибридной войны. Он был, скорее, сочувствующим, «попутчиком», случайно затянутым в общественно-политические круговороты. Его обучили стрельбе из револьвера в тире Семеновского полка. Почему-то тир Семеновского полка не находился под контролем III Отделения и жандармов. Спецслужбы не интересовались, кто и для чего приобретает навыки стрельбы из боевого оружия в тире Семеновского полка.

Затем, группа профессионалов гибридной войны организовала наружное наблюдение за резиденцией императора, Зимним Дворцом. Наблюдением, организованным группой лиц, в том числе Александром Михайловым, было установлено, что царь ежедневно совершает прогулку по одному маршруту. В начале десятого утра он выходил из дворца, обходил кругом здание гвардейского штаба (по Миллионной улице, Зимней канавке и набережной реки Мойки), затем поворачивал на площадь гвардейского штаба, примыкавшую к Дворцовой площади. Непосредственно царя никто не охранял. «За ним на почтительном расстоянии следовал помощник

пристава Ляпищев». По разным сторонам площади стояли жандармский штаб-капитан Кох, пристав Зиновьев и несколько полицейских. Собранная информация позволила спланировать покушение.

30 марта, в пятницу, Соловьев провел ночь в родительском доме, а утром ушел, предупредив родителей о своем выезде в Москву. Перед этим он в парикмахерской сбрил бороду, что должно было усложнить его опознание при задержании. Ночь с пятницы на субботу он провел «у одной проститутки» и утром, как он показывал на допросах, «в субботу ушел от нее, надев на себя чистую, накрахмаленную сорочку, бывшую у меня, другую же, грязную, бросил на панель» [31, стр. 148].

Ночь с субботы 31 марта на воскресенье 1 апреля Соловьев провел в семье у Богдановичей, в воскресенье ушел от них, также предупредив о своем выезде в Москву. Потом он «пошел на Невский повидаться с приятелем». Приятелем этим был Александр Михайлов, к которому Соловьев прибыл на квартиру, где «простился со всеми своими знакомыми», скорее всего с организаторами покушения. Здесь он пробыл допоздна, часов в 12 ночи «взял женщину, чтобы у нее переночевать». Объяснение о ночевке у проститутки вызывает сомнения: вряд ли организаторы покушения могли пустить дело на самотек на завершающем этапе подготовки. После общения с «добросовестной и трудолюбивой» проституткой террорист мог запросто проспять время выхода, либо просто промахнуться от дрожания рук, после бессонной ночи. К тому же, после «успешного» общения с женщиной, он мог просто передумать. Судя по его неудавшейся семейной жизни, это у него слабо получалось. А тут вдруг получилось. Долой царя, да здравствует проститутка! Скорее всего, «взятая женщина» принадлежала так же к членам революционного подполья либо была «сочувствующей»; и Соловьев должен был провести у нее последнюю ночь, под контролем. А скорее всего, не было никакой проститутки, и Соловьев рассказывал об этом лишь для того, чтобы не привлечь внимание к конспиративной квартире. Как бы там ни было, но из последнего пристанища он ушел в понедельник в 8 часов утра. Ночевки на разных квартирах, утренние уходы, «встречи» с приятелями, скорее всего говорят о том, что Соловьев ждал сигнала, когда

можно совершить преступление, от организаторов и наблюдателей. Кто-то в это время следил за императором, либо иным образом получал информацию о его распорядке дня.

Большие сомнения вызывают объяснения Соловьева по поводу обнаруженной на нем чиновничьей фуражки. Чиновничья фуражка использовалась для маскировки, дабы подчеркнуть возможную принадлежность «пешехода на площади» к одному из государственных учреждений, расположенных в зоне прогулки царя. «Я в пятницу на страстной купил себе форменную фуражку в Гостином, в одном из магазинов..., но надевал ее только два раза: в субботу 31 марта и в понедельник 2 апреля, а в остальные дни ходил в котиковой шапке без полей, фуражку носил в кармане, когда ходил в шапке, а когда надевал фуражку, клал шапку в карман» [31, стр. 149].

Из этого высказывания можно сделать два вывода: первое покушение планировалось на 31 марта, в связи с чем террорист и надел для маскировки фуражку. И второе – кто-то постоянно находился рядом с террористом, имея при себе фуражку и надевал ее на голову Соловьева непосредственно перед тем, как поставить его «на тропу». Ибо чиновничью фуражку с околышем и козырьком ни в какой карман не положишь. Совершение преступления 31 марта не состоялось еще, видимо, и по той причине, что организаторы покушения только в этот день стали предупреждать нелегалов о предстоящем покушении с тем, чтобы последние покинули столицу. В соответствии с предупреждением Гольденберг и Г. Плеханов, как непосредственно причастные к подготовке террористического акта, выехали в Харьков [34, стр. 102].

Тем самым организаторы террористической акции выводили революционное подполье гибридной войны из-под вероятных арестов спецслужбами и полицией, в первые дни после ликвидации царя. А в том, что Соловьев А. пристрелит царя, никто не сомневался.

В понедельник 2 апреля 1879 года Соловьев вышел навстречу царю по маршруту его движения и, пользуясь отсутствием телохранителей, и просто каких либо лиц поблизости, практически в упор произвел пять выстрелов. «Увидя государя в близком от меня расстоянии, – говорил он на допросе, – схватил револьвер, впрочем, хотел было отказаться от исполнения своего намерения в этот день, но государь

заметил движение моей руки, я понял это и, выхватив револьвер, выстрелил в его величество, находясь от него в 5-6 шагах; потом, преследуя его, я выстрелил в государя все заряды, почти не целясь» [31, стр. 149]. Несмотря на предварительные тренировки в стрельбе из револьвера в стрельбище Семеновского полка, где он показывал отличные результаты, попасть в царя террорист не смог. Не исключено, что окажись на его месте кто-то из группы организаторов покушения, результат был бы иным и история России начала бы развиваться по -другому уже с этого дня.

На наш взгляд, виновником неудачного покушения был не А. Соловьев, а его инструктора по стрелковой подготовке. В армейском тире учат стрелять в мишень на расстоянии 25 метров. Прицеливание производится по мушке. Здесь же пришлось стрелять с расстояния нескольких метров, практически в упор. При такой стрельбе целятся не по мушке, а по стволу. Очень распространенная ошибка в стрелковой подготовке.

В этом покушении заслуживает внимания еще один момент – поведение царя. Император не растерялся при виде направленного на него револьвера и начавшейся стрельбы, а начал убегать, причем не просто бежать по прямой от террориста, а убегать зигзагами, не давая возможности террористу в него прицелиться.

Сам император так рассказывал о покушении. Пройдя Певческий мост, «с ним встретился человек в штатском пальто, в фуражке с кокардой, который, поравнявшись с государем, остановился и отдал ему честь. Лицо этого человека обратило на себя внимание царя. Он невольно обернулся и в ту же минуту увидел пистолет, направленный на него. Оборотившись, государь миновал опасность. Пуля пробила стену дворца, где и засела. Злодей прицелился во второй раз – царь уклонился влево, преступник прицелился в третий раз – царь опять уклонился...» [6, стр. 292].

Теперь к вопросу об организации охраны царя.

Уже 8 декабря 1861 г., по представлению всеподданнейшего доклада министра императорского двора графа В. Ф. Адлерберга Александру Второму, была учреждена особая городская стража из 30 человек. Предназначение: несение охранной службы в Зимнем дворце и вокруг него, наблюдение за входами во дворец у

каждого из восьми его подъездов, и за порядками около дворца. Команду сформировали из лучших городских унтер-офицерского и фельдфебельского званий и околоточных надзирателей Петербургской полиции; то есть людей опытных, служивых. Подбор офицеров для созданной дворцовой полицейской стражи проводил лично петербургский военный генерал губернатор, генерал адъютант, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский. Команда вначале размещалась в здании Эрмитажного театра, а впоследствии, в доме придворнослужителей, у Певческого моста. Новую форму одежды для команды не создавали; использовали форменную одежду околоточных надзирателей Петербургской полиции.

Кроме охраны Зимнего Дворца, офицеры дворцовой полицейской команды несли службу во время прогулок царя в Летнем и Александровском садах; при «всех экстренных съездах во дворец и съездах великих князей и принца Ольденбургского». Судя по всему, службу несли совершенно безобразно, ибо допустили покушение Д. Каракозова на Александра II именно в Летнем саду.

29 апреля 1862 г. были утверждены правила охраны Большого Царскосельского (Екатерининского дворца), во время пребывания в нем членов императорской фамилии. В этом случае из 30 городских полицейской команды, охранявшей Зимний дворец, 21 человек переводились в Царское Село. В столице оставалось только 9 человек.

При переезде высочайшего двора в Петергоф, дворцовые городские несли охранную службу около Петергофского дворца и в парках. Общее руководство осуществлял полковник Рылеев, впоследствии получивший звание генерал-адъютанта. Рылееву подчинялись: Дворцовая полицейская охрана; прикомандированные сотрудники полиции; офицерский состав и охранная агентура III Отделения собственной его величества канцелярии. Скажем так: силы немалые. Но, судя по количеству покушений на Александра II, бесполезные.

После ликвидации Александра II 1 марта 1881 года, система обеспечения безопасности императора была реорганизована. 2 августа 1881 г. Александр III утвердил доклад министра императорского двора графа Воронцова-Дашкова об усиленной охране царской фамилии. 3 сентября

1881 г. был издан указ правительствующего Сената об образовании Собственной его величества охраны. На должность главного начальника царской охраны был назначен генерал майор Черевин. В состав Собственной его величества охраны вошли:

- а) Гвардейский пехотный отряд почетного конвоя;
- б) Дворцовая полицейская команда;
- в) Секретная часть;
- г) Железнодорожная инспекция.

В последующем система обеспечения безопасности императора России неоднократно реформировалась.

Здесь же, во время покушения А. Соловьева, к месту покушения «подоспел жандармский офицер Кох, который свалил преступника, который успел дать еще два выстрела. Одним из них ранен переодетый стражник Милошевич» [6, стр. 292].

Обратим внимание на профессионально безграмотные действия жандармского офицера Коха (в присутствии которого затем, 1 марта 1881 г., будет ликвидирован Александр II). Жандармский офицер Кох допустил к непосредственному контакту с охраняемым лицом неизвестное лицо, которое умышленно пересекало маршрут движения императора. Увидев обнаженный ствол ликвидатора, жандармский офицер Кох бросился бежать к террористу. Добежал, и весьма неудачно свалил его. Ибо, падая, преступник успел сделать еще два выстрела, одним из которых был ранен сотрудник охраны, «переодетый стражник Милошевич».

Возникает вопрос: зачем жандармский офицер Кох бежал к преступнику по площади, а не пристрелил его из пистолета? При хорошей подготовке он должен был пристрелить Соловьева, едва увидев у него в руках револьвер. Ведь последними двумя выстрелами Соловьев мог ранить не «стражника Милошевича», а самого императора?

После совершенного покушения представители элиты обратили внимание на предшествующие события.

За три дня до покушения, ежедневно около Зимнего Дворца неизвестные лица разбрасывали «маленького формата листки с надписью: Смерть злодею, смерть тирану!» Один такой листок был поднят самим государем» [6, стр. 293]. А это значит, что вокруг резиденции императора,

Александра II, отсутствовала система контроля за перемещениями граждан. Поэтому никто не обратил внимание на разбросанные «листки маленького формата» с конкретной угрозой в адрес императора. Причем, листки разбрасывались в течение трех дней подряд. И ни служба охраны императора, ни жандармы, ни III Отделение даже не сделали попытки выяснить, кто писал, кто приносил к Зимнему Дворцу и здесь разбрасывали листки с угрозами.

Напомним, что незадолго до этого революционное подполье гибридной войны ликвидировало: начальника Киевского губернского жандармского управления барона Гейкинга; Харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина; начальника III Отделения генерала Мезенцева. Был тяжело ранен генерал Ф. Трепов. На этом фоне периодических ликвидаций высших должностных лиц и начальника спецслужбы листовки с угрозами должны были вызвать самую острую реакцию и службы дворцовой охраны, и III Отделения.

Второе событие говорит о полной дезорганизации и деморализации высшей функциональной элиты, лиц из ближайшего окружения императора и III Отделения, как спецслужбы России.

Дней за пять до покушения, из Берлина в Петербург от «Берлинского тайного комитета» поступили «шифрованные телеграммы» на имя министра императорского двора Адлерберга и начальника III Отделения генерала Дрентельна. Берлин запрашивал, что русское правительство предпринимает по информации Берлина, ранее направленной в С. Петербург. Пока генерал Дрентельн отбивался от Берлинских запросов, произошло покушение Соловьева. И только тогда выяснилось беспокойство Берлина.

За несколько недель до покушения Соловьева, Берлин предупреждал Петербург, что «социалисты намереваются сделать покушение на жизнь государя, или на обоих разом- царя и наследника, или же на всю семью царскую одновременно, но что покушение будет непременно» [6, стр. 293].

А это говорит о том, что покушение Соловьева не было его личной инициативой, не было инициативой А. Михайлова и других землевольцев. Покушение на Александра II планировалось за рубежом, в Европе. Немецкая контр-разведка сумела раздобыть информацию о подготовке покушения на русского царя либо

на русский Правящий Дом. И направила шифрованные телеграммы министру императорского двора, личному другу императора Адлербергу А.В. А тот, в течение длительного времени (!!!) не удосужился вскрыть депешу [6, стр. 293]. Просто, не прочитал. То ли прочитал, и снова заклеил. Будь министр императорского двора А.В. Адлерберг более дисциплинированным, покушение удалось бы предотвратить.

На этом тактика исполнения террористического акта не закончилась. Оставался последний этап – поведение террориста после совершения теракта. При совершении всех предыдущих покушений на должностных лиц террористы покидали место преступления и не были задержаны. Соловьев производил выстрелы в условиях очевидности, на глазах охраны и гражданской публики, и надежд к отступлению у него, практически, не было.

В исследованиях, посвященных А. Соловьеву, практически не рассматривается вопрос о его эвакуации с места преступления. Прошлые и современные исследователи утверждают, что Соловьев был террористом – одиночкой. Между тем, современники – очевидцы события – рассказывали, «что убийца был не один. Один, видя своего товарища схваченным, укрылся, и его не нашли. Другой вбежал в ворота Главного штаба, ворота оцепили, и до сей минуты он еще не найден. Говорят, был извозчик, который их ожидал». Якобы, была «кареता... она стояла в ожидании этого Соловьева, который должен был с извозчика пересечь в нее и спешить на Варшавский вокзал к 11- часовому поезду. Все было предусмотрено, чтобы в случае удачи они могли попасть на поезд» [6, стр. 293].

На наш взгляд, на месте совершения преступления могли находиться члены «группы контроля», которые наблюдали за действиями самого А. Соловьева. Напомним, что А. Соловьев не был идейным и убежденным членом революционного подполья. К тому же, он был наркоманом. В последний момент он мог передумать либо испугаться стрелять в царя. Он сам показал на допросе, что, «увидя государя в близком от меня расстоянии, схватил револьвер, впрочем, хотел было отказаться от исполнения своего намерения в этот день, но государь заметил движение моей руки, я понял это...» [31, стр. 149].

Поэтому организаторы покушения должны

были выставить «контролеров». Заодно, им надо было доложить заказчикам на Западе подробности ликвидации Александра II. В случае несостоявшегося покушения они должны были эвакуировать Соловьева с площади. Для этого и держалась «какета». В случае удачного покушения никто спасать А. Соловьева и не собирался. Соловьев должен был остаться на месте преступления в виде остывающего трупа. Вот почему террористу вложили в рот заклеенную скорлупу ореха с ядом: он должен был раскусить ее при задержании и покончить жизнь самоубийством. Соловьев добросовестно раскусил скорлупу. Однако, насильственное введение противоядия позволило спасти террориста. После задержания А. Соловьева доставили в «дом градоначальника Зурова». Помощник градоначальника Федоров дал Соловьеву молоко, что нейтрализовало действие яда. Потом вызванные доктора «в него влили несколько противоядий, и они конечно произвели на него действие...» [6, стр. 293].

Проведенная экспертиза показала, что в «яд, принятый преступником, не что иное, как синеродистый калий. Это один из сильнейших ядов, и принятой дозы было бы достаточно, чтобы причинить моментальную смерть» [12, стр. 91]. Однако, яд оказался «частью испорчен», что позволило спасти преступника, для которого заключение о непригодности яда также оказалось неожиданным. Сам Соловьев наличие яда объяснил тем, что он его приобрел еще в свою бытность в Нижнем Новгороде и собственноручно в ночь с четверга на пятницу, то есть с 29 на 30 марта засыпал яд в скорлупу от орехов и «один орех залил воском, а другой- сургучом». Такое объяснение вызывает сомнение. Когда преступнику показали заключение медэкспертизы о качестве и непригодности яда, он искренне произнес: «Вот этого я не ожидал». А это значит, что организаторы преступления очень хорошо подготовили психологически Соловьева к покушению, пообещав скорую и легкую смерть. Непригодность яда удивила террориста.

В литературе наблюдается расхождение в оценке типа яда. Если в послереволюционных изданиях отмечалось, что это был «синеродистый калий, один из сильнейших ядов», то в дореволюционных изданиях говорилось, что Соловьеву вручили яд, выписанный доктором Веймаром «для уничтожения больной собаки» [41, стр. 49].

И еще на один момент не обращают внимания историки. В кармане террориста, при отсутствии удостоверяющих личность документов, оказалась газета с надписью: «Елене Константинове Соловьевой». Сам Соловьев заявил, что не знает, «кем сделана на немецкой газете надпись: «Елена Константиновна Соловьева», но почерк похож на почерк сестры» [31, стр. 150]. На основании изложенного, на наш взгляд, не лишено возможности такое обоснование, что организаторы, вручив Соловьеву яд, для установления в последующем личности трупа засунули в карман убийце газету с исходными данными, по которым можно было бы легко «вычислить» террориста.

Следствие длилось недолго. После ликвидации начальника III Отделения генерала Н.В. Мезенцева на это место был назначен чисто армейский офицер, генерал-адъютант А.Р. Дрентельн. В период подавления польского вооруженного восстания 1863-1864 гг., в 1863 году, он «командовал войсками, расположенными в Виленской губернии и участвовавшими в подавлении «мятежа» в Северо-Западном крае. С 13 октября 1878 года Дрентельн стал верховным руководителем в борьбе с революционным подпольем гибридной войны. Не представляя, что такое гибридная война, что такое революционное подполье, как оно действует; не имея опыта управления спецслужбой и полицией.

Вот что доложил генерал-адъютант А.Р. Дрентельн императору по поводу А. Соловьева.

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. По показанию преступника, его зовут Александр Константинович Соловьев, сын бывшего нарядчика при конторе двора его высочества наследника цесаревича. Получил образование в 3-й классической гимназии; в университете пробыл два года и затем был семь лет учителем в Торопецком уездном училище. В Петербурге находится с декабря прошлого года и проживал у отца, на Каменном острове...»

Следующая докладная записка начальника спецслужбы императору.

«Соловьев продолжает упорствовать в своем первом показании, что пособников не было; Богдановичи, муж и жена, отговариваются незнанием. Теперь вытребована из Торопца жена Соловьева, урожденная Челищева».

А это значит, что весь допрос сводился к беседам, без проведения комплексных оперативно – розыскных мероприятий. Судя по- всему,

во время допросов «по ушам Сашке» то же никто не стучал.

Следствие этого, очередной доклад начальника III Отделения императору по делу Соловьева: «Мне кажется, следовало бы закончить предварительное следствие». Предложение начальника спецслужбы империи «закончить предварительное следствие» заслуживает особого внимания. Сам Дрентельн, будучи дилетантом в вопросах контрразведки, понимая свое профессиональное бессилие, стремился быстрее «закрыть дело», передать террориста в суд и палачу. Продление срока следствия неминуемо упиралось в министра двора Адлерберга А.В. Не вскрыв телеграмму из Берлина с предупреждением о покушении на императора, он создал условия для покушения. Как показывает анализ последующих покушений на императора, совершаемых «Народной Волей», в ближайшем окружении царя находились лица, связанные с подпольем гибридной войны. Они регулярно информировали боевиков о всех предстоящих выездах и перемещениях царя. Скорее всего, представители высшей функциональной элиты не хотели продолжения следствия.

Вот почему начальник спецслужбы генерал Дрентельн доложил императору: «предварительное следствие по делу Соловьева должно быть окончено сегодня или завтра...»

Кого-то очень сильно устраивала версия об одиночном характере покушения и розыскные действия по делу практически не проводились. 25 мая 1879 года верховный уголовный суд объявил приговор по делу А.Соловьева. За «учиненное им преступление», Соловьев был осужден по статьям 241, 249, 17 п.1 и 18 Уложения о наказаниях. Эти статьи заслуживают более внимательного рассмотрения.

Статья 241 Уложения о наказаниях входила в раздел «О преступлениях государственных», глава первая: «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома». Она устанавливала ответственность за «всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть его с престола, лишить свободы и власти Верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особе его какое-либо насилие». Диспозиция статьи полностью охватывала совершенное деяние: покушение на

убийство императора, то есть «действие против жизни». Статья 249 открывала вторую главу: «О бунте против власти верховной» и устанавливала ответственность «За бунт против Власти Верховной, то есть восстание скопом и заговором против Государя и государства, а равно и за умысел испровергнуть правительство во всем государстве или... переменить образ правления, или установленный законами порядок наследия Престола, и за составление на сей конец заговора или принятие участия в составленном уже для того заговоре, или в действиях оного...».

Вменение Соловьеву ст. 249 объясняется тем, что ему не удалось доказать суду индивидуальный мотив террористического акта. Суд отметил, что обвиняемый принадлежал «к преступному сообществу, стремящемуся к ниспровержению путем насильственного переворота существующего в России государственного и общественного строя». Вот почему приговор обвиняемому был вынесен по совокупности двух статей. Статья 17 устанавливала перечень наказаний за совершенные преступления, п. 1 который закреплял «лишение всех прав состояния и смертную казнь». Вид смертной казни, в соответствии со статьей 18, должен был определяться судом. Суд приговорил террориста к казни через повешение.

Приговор был приведен в исполнение в 10 часов утра, 28 мая, на Смоленском поле.

Смоленское поле находилось на Васильевском острове и представляло из себя большой пустырь, который с одной стороны ограничивался Смоленским кладбищем, Малым, Средним и Большим проспектами, упиравшимися в поле, а с другой – строениями Галерной гавани. Посредине поля был построен деревянный помост размером восемь на пять метров, обрамленный вокруг металлической решеткой. Посредине помоста была установлена «П-образная» виселица, к перекладине которой прикреплялись два кольца с пропущенными через них петлями: одна петля была запасной. Шагах в двух за виселицей в середине небольшого возвышения был закреплен так называемый позорный столб, с наружной стороны которого свисали цепи, оканчивающиеся наручными кандалами. Столб и наручники использовались тогда, когда на эшафот возводили преступника, приговоренного к каторжным работам. Обязательной принадлежностью помоста была деревянная скамейка, на которую

ставился преступник перед тем, как на шею ему надевалась петля. За помостом стоял приготовленный деревянный гроб, покрытый рогожей. Сам помост, виселица, позорный столб, ведущие на помост ступени, гроб – все это было окрашено в черный цвет, выделявшийся на весенней траве поля.

В 9 часов 30 минут на поле прибыли должностные лица, обязанные присутствовать при приведении казни в исполнение: исполняющий обязанности генерал-прокурора в верховном уголовном суде, министр юстиции статс-секретарь Д.Н. Набоков; прокурор судебной палаты действительный статский советник А.А. Лопухин; товарищ прокурора судебной палаты статский советник А.В. Белостоцкий; градоначальник генерал майор Зуров и комендант города генерал-майор Адельсон.

Приговоренного к казни террориста везли на обычной крестьянской телеге, поперек которой была установлена скамейка с прилаженными к спинке металлическими прутьями, к которым и был привязан Соловьев. Одет он был в арестантское платье привилегированного сословия: черный сюртук из толстого солдатского сукна, черная фуражка без козырька и белые панталоны, заправленные в голенища сапог. На груди висела большая черная доска с надписью: «Государственный преступник». Телега шла по Большой линии. На проезжей части, на балконах, на заборах – везде толпился, напирал, цеплялся народ, вышедший посмотреть на преступника. Многие женщины были с малолетними детьми. Во избежание нападения на карету впереди двумя колоннами двигалась сотня лейб-гвардии казачьего Атаманского полка, за нею – рота лейб-гвардии Гренадерского полка. Замыкали движение конные жандармы...

Впрочем, предосторожности были напрасны. Соловьев частично выполнил поставленную перед ним задачу – продемонстрировал *возможность* покушения на царя; больше он не представлял ценности как террорист, да и не был членом касты «дезорганизаторов».

Едва остановилась колесница смерти около помоста, к Соловьеву подошел палач. Красная рубаха палача пылала в лучах скудного петербургского солнца, пробивавшегося сквозь белесые облака, бежавшие на город со стороны Финского залива. Отвязав приговоренного, палач возвел его на помост, прислонив к позорному

столбу. Сам стал справа от преступника. Здесь же были два помощника палача, на случай надобности, если смертник будет плохо вести себя...

Раздалась команда – «на караул». Офицеры и лица гражданского ведомства, фуражку с гербом которого надел на себя Соловьев в день покушения, подняли руки под козырек. Действительный статский советник Белостоцкий громким голосом, чтобы было слышно в дальних концах Смоленского поля, запруженного народом, зачитал приговор верховного уголовного суда. «Во время чтения этой резолюции осужденный, сохраняя, видимо, наружное спокойствие, неоднократно озирался вокруг». Кого искал он взором? Может, родителей своих, которых своим преступлением лишил обеспеченной старости за счет Ораниенбаумского дворцового правления? Либо Елену Челищеву, отвергшую его в день свадьбы и не давшую вкусить меда первой брачной ночи? Как знать, будь она, его первая и единственная не состоявшаяся жена другой и он не стоял бы у черного столба позора, упираясь блуждающим взором в качавшиеся на легком балтийском ветру две петли... Две петли... Две петли для одного... Или он пытался встретиться взглядом с одним из тех, кто так долго «в темную» готовил его к преступлению, кто рисовал ему в отдельных кабинетах трактиров радужные картины народного счастья, если удастся убить царя? Народное счастье... Вот он, этот народ, для счастья которого он взял в руки револьвер. Полное поле народа... Ждут, когда его повесят... А ведь могли бы броситься к эшафоту, разметать казаков и солдат и на руках унести его в Российские просторы и сказать: «живи! Ты достаточно настрадался за народ! Народ тебя любит и не забудет...» Нет, стоит народ, глазает, как будто здесь не человек стоит, которого сейчас вешать начнут, а медведь дрессированный...

Страшно!.. Назад, о, назад!
Поздно... Напрасны тоска и рыдания,
О, как светло позади!..

В полной тишине закончилось чтение приговора и к смертнику подошел, медленно поднявшись по ступеням помоста, священник. Черная ряса слилась с помостом и тем, кто стоял далеко, показалось мистически, что растворился, исчез черный священник в черном чреве помоста и

только качавшийся в легком мареве большой крест с распятием тянулся к лицу того, кто судорожно вдыхал последние капли насыщенного влагой залива холодного воздуха...

Соловьев от напутствия отказался, произнося твердо, хоть и не особенно громко: «не хочу, не хочу...» Прижав крест с распятием к груди, медленно отошел священник от преступника, наклонив голову и едва слышно прося Господа простить заблудшего раба Божия, не знавшего, что творил и не желавшего раскаяться в содеянном в последний миг жизни перед тем, как предстать пред очи Творца... То ли Соловьев не выдержал молчаливого смирения священника, то ли почувствовал искреннюю жалость его к себе, но низко поклонился ему во след. Наступил последний момент. Хор барабанщиков, бывших при каждом стянутом на поле батальоне, заиграл учащенную дробь...

Бьют барабаны... Минута молчания...
Что-то порвалось в груди..
Снова ревущей грозою
Бурно ликует народ...

Ровно в 10 часов палач надел на Соловьева длинную белую рубаху смертника, голову покрыл

капюшоном и длинные белые рукава, обмотав вокруг тела, завязал узлом спереди. Чтобы в последний момент жизни не цеплялся смертник за палача, не хватался судорожно за веревку, стягивающую петлей горло. Поддерживая под локти, помог нащупать ногами скамейку и стать на нее. Потянул за петлю, проверил отработанным движением, легко ли скользит петля и, растянув ее, накинул на шею, слегка затянул, чтобы не выскочил тот ненароком из петли. Ударом ноги вышиб скамейку из под смертника, одновременно легонько толкнув его в спину. Длинным маятником качнулось тело в одну, другую сторону. Судорожная волна пробежала по телу и застыла, превращая его в труп...

В 10 часов 22 минуты гроб был внесен на эшафот. Палач вынул остывающий труп из петли и, сняв белую рубаху, положил его в гроб. Командированный на место казни полицейский врач попытался прощупать пульс, потом поднял веки и посмотрел в зрачки. Спокойно, с чувством исполненного долга спустился с помоста и, подойдя к министру юстиции, доложил о результатах осмотра. Статс-секретарь Набоков тут же уехал во Дворец с докладом. Гроб заколотили, уложили на подъехавшую одноконную телегу и увезли для погребения...

Примечания

- * Как утверждали ведущие политики России 90-х годов XX века, взрывы жилых домов, поездов, захваты заложников, осуществлялись в интересах правящих кланов. Классический антигосударственный терроризм, это покушения на главу государства; на членов государственной и функциональной элиты, на политический режим, форму государственного правления и т.п. Многочисленные «преступления террористической направленности» 90-х годов не покушались на демократическую власть. Объектом всех покушений был народ. Лидер КПРФ Г. Зюганов утверждал, что весь терроризм 90-х годов XX века носил регулируемый характер и был формой политики правящих кругов. «Российские граждане пожинают чудовищные плоды преступной политики правящего режима, – заявил лидер КПРФ 18 сентября 1999 г. – В то время как организаторы этой политики отсиживаются за высокими заборами под защитой вооруженной до зубов охраны, рекой льется кровь ни в чем неповинных людей. Варварские взрывы в Каспийске, Владикавказе, Буйнакске, Москве, Волгодонске унесли уже сотни жизней. Кто на очереди?»
- Г. Зюганов выделил ряд «реальных причин царящего в стране невиданного террористического и криминального беспредела». 1) Терроризм – это «порождение крайней нищеты и безысходного отчаяния угнетенных масс, вынуждающих их на крайние формы протеста. Сегодня в России 50 миллионов человек влчат жалкое существование за чертой бедности. На Северном Кавказе – три четверти безработных, не имеющих элементарного прожиточного минимума. Вот вам питательная среда для самых диких эксцессов». 2) Безадресный терроризм в России – это «орудие устрашения и деморализации народных масс эксплуататорскими классами. Это и мафиозный террор – «эскадроны смерти» латиноамериканского образца и т.п. Это и фашистский террор, непосредственно перерастающий в геноцид. Это и государственный терроризм...». 3) Участие «правлящего режима» в развитии «чеченского терроризма». «Басаев, Радуев, Хаттаб и иже с ними», – по мнению Г. Зюганова, «не враги нынешнего правящего режима, а верные друзья и слуги, его чудовищное порождение».

Их, с позволения сказать, «деятельность» есть крайнее и наиболее полное выражение войны и геноцида, развязанного режимом против своего народа». И далее Зюганов обвинил ряд российских политиков в пособничестве чеченским террористам. По его утверждению, Гайдар передал «дудаевцам горы оружия, которого хватало для оснащения двух дивизий». Секретарь Совета Безопасности «украл у армии победу и сдал все и вся в Хасавюрте», когда подписал договор с чеченцами и не дал окончательно добить чеченские бандформирования. Председатель Государственной Думы «миротворец» Рыбкин выступил автором доктрины «неясного статуса» Чечни. Б. Ельцин положил начало массовому террору в Москве, расстрелял и спалил Дом Советов, в котором находились тысячи безоружных людей. (Зюганов Г. Где искать корни терроризма// Советская Россия. 18 сентября 1999 г.). Скажем так: внутригосударственный терроризм был формой управления народом. В этот период в России проходила массовая приватизация крупнейших предприятий; уничтожение научно – производственного потенциала. У народа отбирались все его социальные завоевания прежнего государства. Ценнейшие минеральные ресурсы массовыми и мощными потоками уходили за рубеж. На продажу было выставлено все: дети, женщины; подземные недра; населенные пункты и пр. Народ, запуганный взрывами в местах массового скопления; взрывами жилых домов и захватом тысяч заложников, безмолвствовал. Одновременно с помощью страха проводилась политика нейтрализации возможного сопротивления сотен тысяч силовиков, изгнанных из КГБ- МВД – МО России. Их отправили во многочисленные ЧОПы, которые и ныне осуществляют досмотр и осмотр пассажиров всех видов транспорта; усиленно охраняют офисы, школы, больницы. Постоянно усиливая и поддерживая чувство страха у населения.

- *2 4 августа 1878 г. группа боевиков революционного подполья провела спецоперацию по ликвидации главы III Отделения (спецслужбы России) и шефа отдельного корпуса жандармов генерала Мезенцева Н.В. Для ликвидации генерала в Россию нелегально возвратился бежавший ранее за рубеж боевик С.М. Степняк-Кравчинский. Выпускник Михайловского артиллерийского училища, он был завербован «чайковцами»; оставил военную службу; прошел подготовку по программе нелегальной разведки. Принимал участие в «хождении в народ». Бежал за рубеж, в Европу. Вернулся в России в 1878 году, с персональным заданием убить начальника спецслужбы России. Для ликвидации генерала ему вручили специально сделанный стилет. Во-время встречи с генералом, на утренней прогулке, С. Кравчинский нанес генералу спецназовский удар стилетом, с проворотом клинка в теле. Рана от узкого лезвия тут же затянулась, кровь не выступала. Но внутренности были порваны. Пока медики разобрались, что произошло, спасти генерала было поздно. Ликвидация начальника спецслужбы резко ослабила работу контрразведки. Это дало возможность революционному подполью: внедрить своего представителя в аналитический центр службы контрразведки; организовать серию покушений на императора, что закончилось его ликвидацией 1 марта 1881 г.
- *3 Бухарский эмират был включен в состав России в 1868 г.; Хивинское царство признало протекторат России в 1873 году; Кокандское ханство вошло в состав империи в 1876 году. Во всех этих трех восточных землях существовала бытовая наркомания и товарная торговля наркотиками, сложившиеся с исторически времен.
- *4 Уже в 1878 году генерал-губернатора Туркестанского края ставил перед руководством России вопрос о необходимости борьбы с наркоманией среди азиатских мусульман. В противном случае, предупреждал он, наступят тяжкие последствия для жителей европейской части России. Правительство пыталось законодательно регулировать легальный оборот наркотиков, в виде готовых лекарственных форм. Достаточно назвать такие нормативные акты, как: «О порядке продажи ядовитых вещей и аптекарских материалов» 1813 г.; «О новых правилах продажи ядовитых и сильнодействующих веществ и каталогах оных» 1830 г.; «Списки ядовитых и сильнодействующих веществ» 1892 г.; «Кокаин, отравления им и воспрещение продажи без рецепта» и др.

Список литературы

1. Акулинин В.Н., Елифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т. 11. – № 36(321). – С. 53-60.
2. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х г.: (По личным воспоминаниям) / Изд. А. Сурат. – Ростов-на-Дону: Тип. «Донская речь», 1907. – 239 с.
3. Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли» / Подготовили к печати и снабдили примеч. В.Р. Лейкина и Н.Л. Пивоварская; вступ. ст. А.П. Корба-Прибылевой, Н.А. Морозова, М.Ф. Фроленко и А.В. Якимовой; ред. и предисл. С.Н. Валка. – Москва: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, [1932]. – 454, [2] с., 10 л. ил.
4. Балан В.П., Литвинов Н.Д., Числов А.И. А.Ф. Кони, Вера Засулич и терроризм в Российской империи конца XIX – начала XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 15-37.
5. Балясников Н.А., Еремина Т.И. Роль Анатолия Федоровича Кони в оправдании Веры Ивановны Засулич по делу о покушении на Петербургского градоначальника генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова //

- Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 115-120.
6. Богданович А.В. Три последних самодержца. 1879 // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей / Редкол.: В.В. Лапин (отв. ред.) и др. – СПб.: Европейский ун-т, 2012. – 292, [3] с.
 7. Боташева А.Х. К вопросу о личности преступника, совершающего мошенничество в банковской сфере // Общество и право. – 2009. – № 2. – С. 96-100.
 8. Захарцев С.И., Маков Б.В., Сальников М.В. Рассмеялся бы Христос, присутствуя на судебном процессе с участием А.Ф. Кони ? // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 26-32.
 9. Захарцев С.И., Кильдюшева О.А., Кондратьева А.Н., Сальников М.В. Наркотические вещества и отношение к ним в религиозных и правовых нормах в период древности и Средневековья: от разрешения к запрету // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 169-178.
 10. Захарцев С.И., Кильдюшева О.А., Кондратьева А.Н., Сальников М.В. Наркотические вещества в античности и средневековье: начало страшного пути // Наркоконтроль. – 2016. – № 2. – С. 25-30.
 11. Иващенко В., Кравец А. Николай Кибальчич. – М.: АСЛАН, 1995. – 288 с.: ил.
 12. Кункль А.А. Покушение Соловьева. – М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. – 108, [3] с., [1] с. объявл. : ил., портр., факс.
 13. Литвинов Н.Д. Вера Засулич, боевик нетрадиционной войны // Научно-исследовательские публикации. Научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 5-32.
 14. Литвинов Н.Д., Журавель В.П. Чигиринское восстание, как форма Европейской гибридной войны на территории России. 1876 – 1877 гг. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 2. – С. 64-85.
 15. Литвинов Н.Д. Суровцев И.С. Объект покушения – царь Всея Руси. – Воронеж: б.и., 2006. – 334, [1] с. : табл.
 16. Литвинов Н.Д., Журавель В. П., Числов А.И. «Хождение в народ», как форма нетрадиционной (гибридной) антироссийской войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 162-184.
 17. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Числов А.И. Ликвидация генерала Н.В. Мезенцева в 1878 году как спецоперация гибридной войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 53-80.
 18. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Щербатых И.М. Польское вооруженное восстание 1863 – 1864 гг. как спецоперация гибридной войны Запада // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 40-67.
 19. Литвинова А.Н., Литвинов Н.Д. Первая кровь России. (Зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861- 1879 гг.). – Воронеж: Межрегиональный общенациональный центр «Антитеррор», 2006. – 286, [1] с. : портр.
 20. Ляшенко Л.М. Декабристы и народники. Судьбы и драмы русских революционеров. – М: Вече, 2016. – 445 с., [18] с.: ил. – (Всемирная история)
 21. Макарян Т.А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 1. – С. 113-117.
 22. Мереутов Г.М. Наркомания в дореволюционный период России и причины ее возникновения. Вып. 15. – М., 1993.
 23. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 24. Мировые лидеры поздравили ливийцев с убийством Каддафи // <https://www.ntv.ru/novosti/242646>
 25. На гибридные войны следует отвечать гибридными методами// <http://vpoanalytics.com/2016/03/01/na-gibridnye-vojny-sleduet-otvechat-gibridnymi-metodami/>
 26. «Народная воля» и «Черный передел» / Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. – Л.: Лениздат, 1989. – 415 с.
 27. «Народная Воля» перед царским судом // Под ред. А.В. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко и др. В 2 т. – М.: Изд-во политкаторжан, 1930-1931.
 28. Народные движения в Америке подавляются путем убийства их лидеров// <https://politinform.su/2199-narodnye-dvizheniya-v-ssha-podavlyayutsya-putem-ubiystva-ih-liderov-mashreggh.html>.
 29. Обвинительный акт по делу о дворянине Александре Квятковском и др. – Б.м.б.г.
 30. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917). – М.: РОССПЭН, 2000. – 430, [1] с., [16] л. ил., портр., факс.
 31. Покушение А.К.Соловьева на цареубийство 2 апреля 1879 г. // Былое. – 1907. – № 1.
 32. Попов М.Р. Записки землевателя / Ред., вступ. статья и примеч. И.А. Теодоровича. – М. : Изд-во политкаторжан, 1933. – 467 с., 1 л. портр.
 33. Прибылева-Корба А.П. и Фигнер В.Н. А.Д.Михайлов. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. – 231 с., 3 л. портр., факс.
 34. Процесс шестнадцати террористов (1880 г.) – СПб.: С.М. Проппер, 1907. – 96 с.
 35. Полное собрание законодательства Российской империи. – Т. XIX.

36. Савин Л. Гибридная война // <https://www.geopolitica.ru/article/gibridnaya-voyna>
37. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. – СПб.: М-во ин. дел, 1889. – [4], 271 с.
38. Сборник консульских донесений. Вып. IV. – СПб.: тип. «Т-во худож. печати», 1906.
39. Свербиль О.С. Современная уголовно-правовая квалификация содеянного В. Засулич // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 96-98.
40. Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. Май 1880. – Б.м.б.г. – 124 с.
41. Хроника социалистического движения в России. 1878-1887. Официальный отчет. – М.: В.М. Саблин, 1906. – 364 с.
42. Шалагин А.Е. Гребенкин М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность // <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-i-terrorizmu-istoriya-i-sovremennost>
43. <http://hellishamerica.ru/politubijstva2.html>

МАШЕРО Яна Петровна,

факультет подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: yanamashero0908@yandex.ru

ПОТАПОВ Юрий Алексеевич,

доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: szf_rap@mail.ru

СЛУЖИТЬ ВО ИМЯ ЗАКОНА: ВКЛАД Д.Н. НАБОКОВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ 1864 г.

***Аннотация.** Рассматривается вклад видного судебного деятеля XIX века, министра юстиции Д.Н. Набокова в проведение Судебной реформы 1864 года. Отмечается, что Дмитрий Николаевич Набоков стоял у истоков создания судебных уставов, заложил основы преобразований суда присяжных, продвигал судебную реформу с элементами её правового порядка. Его деятельность помогла возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и утвердить в народе уважение к закону.*

Публикуется в порядке участия в научном конкурсе «Роль российских юристов в эпоху судебно-правовых реформ второй половины XIX - начале XX веков» и научно-практической конференции с международным участием «Подготовка юридических кадров в традициях ведомственного российского образования: история и современность».

***Ключевые слова:** Д.Н. Набоков; Судебная реформа 1864 года; Судебные уставы; суд присяжных; министр юстиции Российской империи.*

MASHERO Ya.P.

POTAPOV Yu.A.

SERVING IN THE NAME OF THE LAW: THE CONTRIBUTION OF D.N. NABOKOV IN THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL AND LEGAL REFORMS IN 1864

***The summary.** The contribution of a prominent judicial figure of the 19th century, Minister of Justice D.N. Nabokov for the Judicial Reform of 1864. It is noted that Dmitry Nikolayevich Nabokov stood at the origins of the creation of judicial charters, laid the foundations for transforming the jury trial, and promoted judicial reform with elements of its legal order. His activities helped to elevate the judiciary, to give it proper independence and to establish respect for the law among the people.*

Published as part of the scientific competition "The Role of Russian Lawyers in the Era of Judicial and Legal Reforms in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries" and a scientific and practical conference with international participation "Training of Legal Staff in the Traditions of Russian Departmental Education: History and Modernity".

***Key words:** D.N. Nabokov; Judicial reform of 1864; Judicial Charters; jury trial; Minister of Justice of the Russian Empire.*

«Будущий историк русского судебного дела увидит яснее, чем современники, как трудна была задача, выпавшая на долю третьего “министра по судебным уставам”, сколько тяжелых нравственных испытаний должен он был пережить – и воздаст ему справедливое...» [31].

А.Ф. Кони о Д.Н. Набокове, 1879 г.

Судебная реформа 1864 года стала поистине знаменательным событием в истории России, положившим начало развитию всей судебной системы государства. Она, по сути дела, заложила новые правовые традиции судопроизводства и явила миру яркие имена реформаторов, стоявших у истоков коренных преобразований, и ставших их последователями следующих поколений русских юристов – деятелей судопроизводства, которые стремились реализовать задуманные цели и задачи судебной реформы, поставить, образно выражаясь, судебный строй на более высокий уровень [2; 4; 8; 9; 10; 11; 19; 22; 23; 24; 25; 26; 30]. Из списка видных судебных деятелей XIX века особо стоит отметить министра юстиции Д.Н. Набокова.

Личность Дмитрия Николаевича Набокова – величайшего министра юстиции, генерал-прокурора времён развития судебной системы в России, известна нам благодаря его вкладу в развитие русского судебного дела, его качественной и целостной реализации. Задача по построению новой эффективной системы, работы в судопроизводстве, была довольно сложной, требовала тщательного и продуманного плана, однако Набоков сумел найти решение по усовершенствованию новой судебной системы, придав ей более устойчивое положение. Именно тогда во всеуслышание прозвучали выдвинутые им ключевые положения и принципы – несменяемость судей, гласность судопроизводства, введение суда присяжных и другие [28].

Биография Дмитрия Николаевича Набокова насыщена интересными историческими фактами, событиями, которые оставили значительный след в российской истории. Будущий министр родился в 1827 году в городе Пскове. Россия обязана Набокову целой династией выдающихся юристов, писателей, композиторов. К ней относятся сыновья Дмитрия Николаевича – Владимир – юрист и политический деятель, и

Сергей – судебный деятель, и внуки Владимир – известный писатель и Николай – композитор [27].

Д.Н. Набоков учился в Императорском училище правоведения, после окончания которого в 1845 году начинающий юрист был принят в департамент Министерства юстиции, где усердно выполнял работу представителя центрального аппарата министерства, редактора гражданского отделения, совмещая полномочия чиновника при директоре департамент [1, стр. 23-24]. Служебная карьера молодого человека складывалась довольно успешно. Однако еще со студенческой скамьи Дмитрий Николаевич проявлял интерес к судебной деятельности и именно это его профессиональное амплуа впоследствии раскроется с особой силой и глубиной, станет делом всей жизни.

Преданность профессии и постоянное стремление к совершенствованию оказались настолько сильными, что Дмитрий Николаевич усердно занялся изучением отечественного и зарубежного судопроизводства.

Современные исследователи отмечают особый склад ума, широту познаний, либеральные взгляды, профессиональную безупречность и при этом мягкий характер Д. Н. Набокова, который нисколько не мешал ему быть твердым и решительным на службе [16].

К тому времени в России грядёт время зарождения идей судебной реформы, которые отчетливо повлияли на роль и дальнейшее преобразование правоведения в России. Начиная с 1857 г. принимаются Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которые обеспечивали последовательность и целостность судебной системы России [28].

Дмитрий Николаевич Набоков верой и правдой служил делу, стоял у истоков создания судебных уставов, продвигал судебную реформу

с элементами её правового порядка. Он понимал, что успешность в реализации судебной реформы также во многом зависит и от таких второстепенных вопросов, как анализ и обобщение судебной практики, ведение материально-технической базы, составление отчётов заседаний, которые в совокупности поведут судебную систему в правильном направлении.

Д.Н. Набоков заложил основы преобразований суда присяжных, который во многом благодаря стараниям министра и его сподвижников начал своё существование как отдельный судебный институт, который в современной России играет значимую роль в осуществлении справедливого правосудия, несмотря на ту дискуссию, которая ведется вокруг него вот уже много лет [5; 6; 7; 13; 14; 17; 18; 21; 29].

Чиновники Министерства юстиции, ведя служебную деятельность в межведомственных комиссиях и комитетах, занимались разработкой проектов нормативных актов, их предварительному обсуждению, оказывали помощь в юридических вопросах и разногласиях [12].

Следует также отметить тот факт, что делами о покушении на Александра II занимался лично Д.Н. Набоков, поскольку император неоднократно удостоверялся в его профессионализме и доверял ему. Так, после вновь произведённого выстрела в императора на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, Д.Н. Набокову поручили выступить в роли обвинителя в суде в отношении преступника А. К. Соловьева, в результате чего виновный получил законное наказание [31].

Хочется привести отрывок из обвинительной речи министра юстиции и генерал-прокурора Д.Н. Набокова по делу А.К. Соловьева, произнесенной им в Верховном уголовном суде: «Дозвольте мне миновать обычные вступительные приемы обвинительной речи и не воспроизводить перед вами картины потрясающего события 2-го апреля, только что восстановленные в представлении вашем подробными показаниями явившихся свидетелей-очевидцев и объяснениями самого подсудимого себя» [15, стр. 224].

Следует обратить внимание на стиль ораторской речи Д. Н. Набокова, которая отличается корректностью, чувством меры, уважительным отношением к подсудимому. Все эти качества подтверждают высокий уровень профессионализма судебного деятеля, которому в период

реформирования и преобразования судебной системы отдавали высокое предпочтение.

В том же 1879 году Д.Н. Набоков занимает должность министра юстиции, в полномочия которого входила реализация судебной работы на основе принятых Судебных уставов. Набоков отмечает особую значимость законодательства, которое в результате судебной реформы приобретает более совершенный вид. «Для всех граждан, то для министра юстиции в особенности, закон, пока он существует и не отменен, должен быть свят» [16].

В процессе реализации судебной реформы министерство юстиции занималось вопросами увеличения кадрового состава и финансового обеспечения, в которых явно имелись трудности. Для того, чтобы улучшить материальное положение судебных чинов и для привлечения новых кадров, Д. Н. Набоков образовал комиссию, которая могла предоставить средства к улучшению судебного положения служащих. Вопрос материального обеспечения рассматривался как основополагающий в совершенствовании судебной системы, так как нехватка специалистов, молодых сотрудников, а также скудная оплачиваемая работа создавали существенную проблему в судопроизводстве [20].

При разработке установленных задач судебной реформы особое внимание уделялось совершенствованию законов, судебных уставов, которые нередко по своим недоработкам наносили «ущерб правосудию», что было недопустимо в производстве судебных дел. Необходимо отметить заслугу Д. Н. Набокова в области реализации института присяжных заседателей, который стал отличаться высокой эффективностью и работоспособностью. Министерство юстиции под руководством Д. Н. Набокова разработало ряд законопроектов, которые внесли дополнения, поправки и улучшения обеспечения прав и свобод человека и гражданина [12, стр. 149].

Вклад Д.Н. Набокова в общее дело проведения эффективного судопроизводства существенен. Он возродил в России «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех», помог возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и утвердить в народе уважение к закону. В биографии Д.Н. Набокова как выдающегося выпускника Императорского Училища правоведения, отмечается, что в 1877 г. он назначен Министром юстиции: «руководил

министерством в течение семи лет, и за это время немало способствовал упорядочению судебного дела, еще не вполне вошедшего в колею после проведенной судебной реформы. При нем

был окончательно решен вопрос о введении суда присяжных в Западном крае и открыты Виленский и Киевский судебные округа» [3, стр. 202].

Список литературы

1. Альманах современных русских государственных деятелей / Изд. Германа Александровича Гольдберга. – СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. – XXXIX, 15, 1250, [4] с.
2. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
3. Анненкова Э.А. Императорское Училище правоведения. – СПб.: Росток, 2006. – 384 с.: ил.
4. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
5. Багдасаров Р.В. Суд с участием присяжных – суд совести и здравого смысла (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 2. – С. 16–20.
6. Баркалова Е.В. Правовое и научное наследие А.Ф. Кони и вопросы совершенствования современного российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 150-157.
7. Бастрыкин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность // Время и право. – 2003. – № 5.
8. Георгиева П.А., Ляскович Т.Г. Н.Ф. Плевако и его вклад в развитие отечественной юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 37-42.
9. Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69.
10. Горячева Е.А. Роль судебной реформы 1864 года в становлении заключения прокурора в гражданских делах // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 78-80.
11. Емелин С.М. Судебная реформа 1864 года и ее влияние на деятельность полиции в Российской империи в конце XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 32-36.
12. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917. Историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – 214 с.
13. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Суд присяжных как один из итогов реформы 1864 года: плюсы и минусы // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 135-145.
15. Звягинцев А.Г. История прокуратуры России: историко-правовой анализ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 223 с.
16. Звягинцев А., Орлов Ю. Неизвестная Фемида: Документы, события, люди / Александр Звягинцев, Юрий Орлов. – М.: ОЛМА-пресс, 2003. – 572,[3] с., [32] л. ил.
17. Ильюхов А.А. Суд присяжных в России: история его становления и развития // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 34–41.
18. Карнозова Л., Климова С. Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества? // Социальная реальность. – 2006. – № 9. – С. 7-31.
19. Кондрат И.Н. Судебная реформа 1864 года и уголовная политика России // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 88-92.
20. Корнева Н.М. Д. Н. Набоков // Из глубины времен. Вып. 8. – СПб., 1997. – 217, (1) с.
21. Кравченко А.А. А.Ф. Кони и суд присяжных // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 176-178.
22. Крижановская Г.Н., Кулешова Л.В., Сальников М.В. Международная научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность». Краткий обзор докладов, статей и выступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 11-46.

23. Кулешова Л.В., Очерedyкo В.П. О конкурсе научных работ «Роль российских юристов в эпоху судебнo-правовых реформ второй половины XIX – начала XX вв.» и научно-практической конференции «Судебно-правовая реформа в России: история и современность» // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 16-18.
24. Литвинова В.Н., Лясович Т.Г. Организационно-правовые основы деятельности судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 29-33.
25. Макаренко М.А. Государственный обвинитель в свете Судебной реформы 1864 года: история и современность // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 159-167.
26. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
27. Русский биографический словарь. Т. 11 / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. – СПб: Имп. Рус. ист. о-во, 1914. – [2], 388 с.
28. Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского университета. – Серия 11. – Право. – 2015. – № 2. – С. 22-40.
29. Шадрина Е.Г. Современные аспекты реформы суда присяжных в России // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 165-171.
30. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
31. Шевырин В.М. Министр юстиции Дмитрий Николаевич Набоков (1827-1904) // Россия и современный мир. – 2001. – № 3(32). – С. 184-196.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

БУЛАТОВ Рашид Борисович,

профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: bulatovrash@mail.ru

БОЕР Виктор Матвеевич,

декан юридического факультета, заведующий кафедрой правоведения и таможенного дела Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: boer@guap.ru

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,

доцент кафедры правоведения и таможенного дела Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: andreytso@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД)

***Аннотация.** Проводится исследование становления муниципальной власти в России начиная с Древней Руси до наших дней. Выделяются наиболее значительные реформаторские преобразования начала 60-х гг. XIX в. При рассмотрении современного состояния правового регулирования местного самоуправления отмечается множество внутренних противоречий в базовом законе и его несогласованность с некоторыми другими федеральными законами, откуда становится очевидной объективная потребность преобразований федерального устройства.*

***Ключевые слова:** муниципальная власть; местное самоуправление; государственная власть; Земская реформа 1864 года; земское самоуправление; российское законодательство.*

BULATOV R.B.
BOER V.M.
ANDREYTSO S.YU.

MUNICIPAL POWER IN RUSSIA: FORMATION AND DEVELOPMENT (HISTORICAL AND LEGAL APPROACH)

The summary. A study of the formation of municipal power in Russia from Ancient Russia to the present day is being carried out. The most significant reformist transformations of the early 60s are highlighted. XIX century. When considering the current state of legal regulation of local self-government, there are many internal contradictions in the basic law and its inconsistency with some other federal laws, from which the objective need for transformations of the federal structure becomes obvious.

Key words: municipal authority; local government; government; Zemskaya reform of 1864; zemstvo self-government; Russian legislation.

Исторический аспект развития местного самоуправления раскрывается в значительном числе научных работ [8; 41]. В контексте нашего исследования рассмотрим становление муниципальной власти в России, которое проходило под влиянием формирования российской государственности.

«Нормативно-юридическую» базу древнерусского строя составляло обычное право. Это совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного, традиционного применения и санкционирования государством [36, стр. 925; 6; 7; 16]. Специфичны и источники обычного права (письменные памятники): тексты договоров Древней Руси, церковные уставы и т. д. Особый документ обычного права – «Русская правда» [13, стр. 13].

Общественная самодеятельность на уровне местных структур, вплоть до XVI в. не была нормирована законом и фактически развивалась на основе народного обычая, сложившихся традиций [31; 32; 33; 34].

Значительный вклад в развитие местного самоуправления внес указ Ивана IV под названием «Приговор царской о кормлениях и о службах» лета 7064 (1555–1556 гг.). Речь фактически шла о проведении земской реформы. Было отменено кормление, что способствовало повсеместному учреждению земских властей. В уездах и волостях, где не было помещичьего землевладения, черносошные и дворцовые

крестьяне и посадские люди получили право выбирать «излюбленных голов» (старост) и «лучших людей» – земских судей, целовальников. Делопроизводство вел выборный земский дьяк. В своей работе они опирались на выборных от крестьянской общины – сотских, десятских, пятидесятских.

В XVII в. был введен институт воевод как основного звена местного самоуправления. В 1625 г. в 146 городах с уездами появляются воеводы, назначенные Разрядным приказом и утвержденные царем. В XVII в. на большинстве территорий России существовали две формы «самоуправления» – губная и земская. Каждым округом – «губой» – управляли губной староста и его помощники – целовальники. В их ведении находились тюрьмы и тюремные служители, палачи, выборные от населения сотские и десятские. Свободное население выбирало губного старосту из дворян и детей боярских, целовальников – из черносошных крестьян или посадских [40].

18 декабря 1708 г. царь издал Указ «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов». Россия была разделена на 8 губерний (во главе с губернаторами). К 1727 г. Россия подразделялась на 14 губерний, 47 провинций и 250 уездов. Единственным органом управления и юстиции в губернии остался губернатор, в провинциях и уездах – воевода.

Особый интерес представляет «Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской

Империи», принятая Екатериной II в 1785 г. Она закрепляла право собственности города на принадлежавшие ему «земли, сады, поля, пастьбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустыя места, мельницы водяные или ветряные...». Города получили возможность иметь школы, мельницы, харчевни, корчмы, герберги, трактиры, устраивать ярмарки, устанавливать места и время для торговли. Горожане обязаны были нести установленные «тягости», то есть повинности и сборы, которые местные власти не могли увеличивать без разрешения правительства. От податей и служб полностью освобождались дворяне, военные и гражданские чиновники. Каждый город должен был иметь свой герб.

Наиболее значительные реформаторские преобразования были осуществлены в начале 60-х гг. XIX в. Земская (1864) и городская (1870) реформы преследовали цель децентрализации управления и развития начал местного самоуправления в России [19, стр. 134-151]. «1 января 1864 г., – читаем в двухтомном историческом очерке «МВД России 200 лет», – “Положение о земских учреждениях” получило силу закона и затем постепенно вводилось в 34 губерниях.

Согласно новым установлениям, на местах создавались выборные органы для заведования хозяйственной деятельностью: в уездах – уездные земские собрания и уездные управы, в губерниях – губернские земские собрания и губернские земские управы.

Уездные собрания (съезды) составлялись из гласных, избираемых населением, которое разделялось на три группы по имущественному цензу. К первой группе относились все землевладельцы, не входящие в сельские общества (общины), независимо от сословия. Ко второй группе – все городские жители, также независимо от сословий. Третью группу составляли собрания выборщиков от всех сельских общин, эти выборщики назначались волостными сходами из своей среды. Губернские собрания составлялись из гласных, которых избирали уездные земские собрания.

Как губернские, так и уездные собрания наделялись общей распорядительной властью и правом контроля по всем земским делам. Их исполнительными органами являлись управы, состав которых также избирался соответствующими собраниями из числа своих гласных» [19,

стр. 139].

Интересны были функции вновь созданных учреждений. Главной из них было заведование земскими повинностями и по существу всем местным хозяйством, в частности, это было:

- продовольственное дело;
- медицинская и санитарная часть;
- общественное призрение;
- местные пути сообщения;
- содействие начальному образованию;
- взаимное земское страхование, и др.

Предусматривалась материальная база для решения всех этих вопросов: по всем отраслям местного хозяйства земским учреждениям было предоставлено право обложения «своей местности специальными земскими сборами.

Наблюдалась также полная самостоятельность по решению хозяйственных вопросов земства. В частности, в Положении закреплялось: «Заведование земскими делами уездов и губерний предоставлено самому населению уезда и губернии на том же основании, как хозяйство частное предоставляется распоряжению частного лица, хозяйство общественное – распоряжению общества». При этом власть правительства, «в лице губернатора и министра внутренних дел, должна была лишь наблюдать за деятельностью земских органов, главным образом в области соблюдения ими законности» [19, стр. 139].

В основе реформ лежали две идеи. Первая – выборность власти: все органы местного самоуправления избирались и контролировались избирателями. Кроме того, эти органы были под контролем представительной власти, а обе ветви власти контролировал Закон. Земства были сторонниками государственной власти, поддерживали законность и стабильность в обществе. Так, например, Положение определяло право правительства по отдельным вопросам земской деятельности, которые конкретно указывались в законе, «входить в их рассмотрение» и при необходимости не утверждать постановления. В этих случаях «возражения губернаторов или министра внутренних дел по конкретным вопросам, – обращает внимание в указанном Историческом очерке, – вновь поступали на рассмотрение земских собраний, и если они подтверждали свое первоначальное постановление, то губернатор мог лишь приостановить его. Окончательное решение по этому делу

принималось Сенатом, причем отмена постановлений земских органов происходило лишь в случаях прямого нарушения существующих законодательных установлений» [19, стр. 139-140].

Вторая идея: местное самоуправление имело реальную финансовую основу своей деятельности. В XIX в. до 60% всех собираемых с территорий платежей оставалось в распоряжении земства, то есть городов и уездов, по 20% уходило в госказну и губернию. Например, в Историческом очерке, посвященном 200-летию МВД России, приводится такое сравнение: в 1869 году на развитие народного образования земство затрачивало в среднем по 34000 рублей на губернию. Через десять лет эта цифра возросла до 130700 рублей, увеличившись почти в четыре раза. Продовольственные капиталы губерний выросли, с учетом производившихся из них выдач, с 12 до 17 млн. рублей [19, стр. 140]

С середины XVI и до середины XVII вв. было задействовано земское движение (проводились земские соборы). В составе собора – Боярская Дума, «Освещенный Собор» («церковные иерархи»), посады («городское население», «посадские люди») и выборные от дворянства*. Кстати, Соборное уложение 1649 г. (Свод законов) было принято Земским собором 1648–1649 гг.

В результате реформ сложился земский строй [5], в основе которого было местное (земское) самоуправление. Эволюционное развитие российской государственности сменяло эпоху за эпохой. Последующее развитие выглядит так: Русское (Московское) государство (XV–XVIII вв.) – Российское самодержавие (XVII в. – начало XX в.). Очередность развития российской государственности: период абсолютизма, переход к конституционной монархии (начало XX в.).

Абсолютизм (*абсолют* – лат. слово – безусловный, неограниченный) – это форма государства, главе которого принадлежит неограниченная верховная власть [36, стр. 10]. Это видно из обращения к главе российского государства. В специальном акте, врученном Петру I 22 октября 1721 г., записано: «Всепресветлейший державнейший монарх, всемилостивейший наш самодержец». Россия стала империей [1]. Начиная с Петра Великого, в Российской империи различные стороны общественной жизни стали подвергаться правовому регулированию [12; 15; 23; 27]. Современные российские исследователи

усматривают в этом суверенный характер государственно-правовой идеологии [2; 10; 11; 20; 28; 30], русской философии права и суверенность нашей национальной правовой системы [14; 29].

Российская Империя. Её период в истории отечественной государственности занимает исключительное место [35, стр. 9].

Предусматривались модели сельской (местной) власти, рассчитанной на значительную часть населения (свободных крестьян) и обширные территории Российской Империи. Если к тому же учесть, что почти следом за «Манифестом» была введена Земская реформа (1864 г.), то становится очевидной тенденция на расширение возможностей населения на прямое участие россиян (подданных) в управлении мирными (мирскими) делами.

В научной литературе активное развитие местного самоуправления в России принято относить к середине XIX – началу XX вв. Именно в это время русские ученые обратили внимание на действующие в зарубежных странах модели местного самоуправления, стараясь осмыслить взаимоотношения государства с местной самоорганизацией и определить роль местного самоуправления в механизме государственной власти [8, стр. 319].

Однако к концу 70-х гг. XIX в. наступил кризис земских учреждений: земства практически прекратили своё функционирование, так как их перестали посещать «гласные», т.е. лица, имеющие право голоса в органах земского самоуправления. Интересы населения не реализовывались, а городские управы взяли земства под свой контроль, сделав их частью государственного управления. Как представляется Т.А. Дугарской и В.Н. Кузнецову, это произошло из-за того, что идеи самодержавия с единой сильной централизованной властью не были совместимы с идеями децентрализации, то есть с идеями наделения земств собственной, автономной от государства властью, и не подчинённой ему [8, стр. 320].

Начало XX столетия ознаменовалось историческим явлением в жизни России – учреждением новых «Основных государственных законов» (23.04.1906 г.) [22]. В отличие от прежних, принятых в 1832 г., они приобрели черты конституционности [24; 42].

Основные законы предусматривали главу четвертую «О Государственном совете и

Государственной думе и их образе действий» (ст. 56–74) [35, стр. 597-599].

В переходный период законодательно не замеченными не остались два проекта: «Проект Основного Закона Российской Империи» и «Проект Основного Закона Российской Империи, измененный земским бюро» [17].

Советское государство в лице Российской Республики возникло в результате Октябрьского переворота 1917 г. В тот же день (т. е. 25 октября, по новому стилю – 7 ноября) было опубликовано «Обращение II Всероссийского съезда Советов». А днем позже – Декрет о переходе власти Советам [21, стр. 28].¹

После Октябрьской революции началась повсеместная ликвидация земств (большевики считали земское самоуправление наследием буржуазного строя), которая завершилась к лету 1918 г. В стране сложилась такая система власти, по которой все представительные органы (сверху донизу) входили в единую систему государственной власти. Это, естественно, изменило существовавшие до революции представления о местном самоуправлении как самоуправлении населения. Иными словами, местное самоуправление в виде Советов народных депутатов, фактически, стало представлять из себя низовое звено единого государственного аппарата [40].

В Советах были созданы специальные органы (коммуноотделы) для руководства «коммунальным хозяйством». В 1920 г. был создан центральный регулирующий орган – Главное управление коммунального хозяйства.

Вопрос о времени возникновения в нашем отечестве местного самоуправления остается спорным. Вплоть до принятия «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.) и «Городового положения» (1870 г.) общественное управление не обладало самостоятельностью. В дореформенный период выборные органы в основном обслуживали потребности государства, в первую очередь фискального характера. Кроме того они строились строго по сословному принципу, что вело к разобщенности сословий. Реформы 60-х – 70-х гг. XIX в. демократизировали местное самоуправление: земские и городские учреждения стали формироваться на основе многосословного принципа путем выборов, они приобрели относительную самостоятельность и управленческие функции. Однако выборные должности замещались на

основе имущественного ценза.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила систему органов власти, которая стала строиться по принципу демократического централизма. Местное самоуправление не рассматривалось в качестве самоуправления населения. Представительные органы (Советы народных депутатов) образовали единую систему государственной власти. В условиях административно-командной системы местные органы лишь исполняли решения центрального государственно-партийного аппарата и не обладали самостоятельностью [9].

Рассматривая современное состояние правового регулирования местного самоуправления, необходимо отметить множество внутренних противоречий в базовом законе, его несогласованность с некоторыми другими федеральными законами. Так, с момента принятия Федерального закона 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и до сегодняшнего дня в него уже внесено 87 изменений и дополнений. Такие факты являются неоспоримым свидетельством крайне слабой предварительной подготовки проводимой реформы, стремления в спешном порядке заставить субъекты федерации жить по новым правилам. Необходимость поэтапного проведения реформы местного самоуправления, активно поддерживаемая регионами, привела к поправкам в базовый Федеральный закон, наделивший субъекты федерации правом самостоятельно определять порядок решения вопросов местного значения на переходный период.

По мнению Н.А. Трусова, особым объектом выступают вопросы местного значения. На органы местного самоуправления законом также может быть возложено и исполнение отдельных государственных полномочий. Особым субъектом выступает население муниципальных образований, то есть сообщество граждан, постоянно или временно проживающих на определенной территории и составляющих ее население. Территориальные рамки управленческой деятельности низовых коллективов жителей по решению вопросов местного значения законодатель устанавливает с помощью категории «муниципальное образование».

Важнейшей чертой местного самоуправления является собственная ответственность. Практическое значение категории «под свою ответственность» состоит в том, что государство

в определенном смысле дистанцируется от последствий, являющихся результатом самостоятельных действий населения по решению вопросов местного значения, то есть бремя последствий за решение вопросов, принятых к собственному ведению, ложится в полной мере на местное самоуправление.

Характерной чертой местного самоуправления является двойственная природа. В нем одновременно сочетаются два начала – общественное и государственное. Муниципальная деятельность строится на сочетании местных и государственных интересов, взаимодействии органов местного самоуправления и государственной власти. Самостоятельно решая вопросы местного значения, органы местного самоуправления действуют в русле единой государственной политики, могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями, обладают комплексом полномочий государственно властного характера. Все это свидетельствует о том, что местное самоуправление одновременно содержит в себе элементы и государственного и общественного института [4; 25; 26; 37; 38; 39; 40].

В результате могут быть сформулированы следующие выводы [9]:

1. В последнее время в российском законодательстве о местном самоуправлении произошли значительные изменения. Новые или обновленные правила осуществления публичной власти на местах затронули практически все ключевые основы местного самоуправления. В целом они были направлены на усиление гарантий прав граждан в рассматриваемой области.
2. Сравнительно-правовой анализ положений отечественного законодательства и норм международно-правовых актов, содержащих международные стандарты местного самоуправления, позволяет сделать вывод, что российские

муниципально-правовые акты, с учетом всех новелл, полностью соответствуют указанным стандартам.

3. Некоторые новые правила осуществления местного самоуправления породили неоднозначную практику их реализации. Зачастую она имеет проблемный и даже конфликтный характер. В этой связи имеется необходимость в выявлении причин таких проблем, осуществлении их всестороннего анализа и формулировании научно обоснованных предложений по их разрешению.

Итак, более двух десятилетий реформ ушли в прошлое. Безусловно, не бесследно: в стадии становления находятся демократические институты правовой государственности, элементы гражданского общества; сюда же относится признание России правопреемником Советского Союза в международном сообществе и т. д. Однако беспокоит главное: разительное отставание в сфере жизненного уровня людей и, в связи с этим, небывалое ранее расслоение социальных слоев населения. «В России, несмотря на принимаемые меры, сохраняется высокий уровень неравенства, который является проблемой для экономического развития страны», – заявил глава Минэкономразвития РФ Максим Орешкин в ходе лекции в НИТУ «МИС и С» [43]. Еще одна тревожная тенденция – углубляющееся отторжение властей от населения.

Отсюда совершенно очевидна объективная потребность преобразований федерального устройства. И, конечно же, на базе отечественного опыта, включая советский и более ранний опыт, но без «шоковых» реформ, предварительно разработав генеральную концепцию обустройства многонационального народа России. Нуждается в реформировании и федеральная конституция с сохранением сложившихся демократических институтов или же учрежденных, но не действующих.

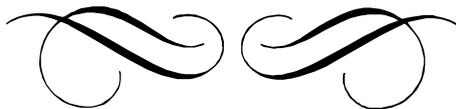
Примечания

* В X–XVI вв. в русских княжествах существовали торгово-промышленные поселения, вне городских стен. Иногда они делились на «слободы» и «сотни» [3, стр. 20; 18].

Список литературы

1. Акт поднесения государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца отечества // Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации. Т. V. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 1999. – С. 15–17.
2. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186-194.
3. Богоявленский. С.К. Московские слободы и сотни в XVII веке. – М.: б.и., 1930. – 22 с.
4. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
5. Вдовин И. А. Земское самоуправление в Российском государстве (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 211 с.
6. Дашин А.В. «Обычное право» как феномен: генезис и эволюция // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 25-38.
7. Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А. Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42-58.
8. Дугарская Т.А., Кузнецов В.Н. Влияние различных теорий местного самоуправления на процесс становления местного самоуправления в России // Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Красково: Гуманитарно-социальный институт, 2015. – С 318-322. – в сб. 531 с.
9. Жиляев А. В., Кошелев Е. В., Шевченко С. В. Муниципальное право России. – Омск: б.и., 2011. – 315 с.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
11. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
12. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
13. Исаев И.А. История государства и права России. – М.: Юрист, 1994.
14. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
15. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
16. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. В двух томах. – Майкоп: Афиша, 2006. – 528 с.
17. Конституционное государство: Сборник статей. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – [4], IV, 366 с.
18. Лаптева Л. Е. Земская реформа в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 22 с.
19. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
20. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
21. О новом названии существующей верховной государственной власти // Сборник нормативных актов по советскому государственному праву / Сост.: С. А. Авакьян. – М.: Юрид. лит., 1984. – 830 с.
22. Основные государственные законы // Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации (т. V). – Екатеринбург: Урал. рабочий, 1999. – С. 591–599.
23. Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.: ил. (Серия «Великий правитель»).
24. Подробное описание состава российского законодательства. А. Свод Законов Российской Империи. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб., 1906.
25. Покровский И.Ф., Булатов Р.Б. Некоторые вопросы становления муниципальной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 4. – С. 40-44.

26. Рожнецев С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.
27. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С. 219-230.
28. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
29. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
30. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
31. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
32. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
33. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
34. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
35. Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации. Т. V. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 1999. – С. 597–599.
36. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с., ил.
37. Точиев И.Б. Муниципальное управление в современной России: специфика функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 66-81.
38. Точиев И.Б. Политическая модернизация российского общества и демократизация системы муниципального управления: актуальность проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 34-46.
39. Точиев И.Б. Система муниципального управления в Российской Федерации: пути демократизации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 72-86.
40. Трусов Н. А. Муниципальное право. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 287 с.
41. Упоров И.В. Развитие института местного самоуправления в новейшей России: основные тенденции и проблемы несбывшихся надежд // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 1. – С. 163–168.
42. Щендригин Е.Н. Основные законы 1906 года как опыт конституционного строительства в России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 38-42.
43. URL: <https://www.interfax.ru/business/683578>

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ИМОМОВА Нилуфар Махмайсифовна,
заведующая кафедрой международного права и
сравнительного правоведения Российско-Таджи-
кского (Славянского) университета, кандидат
юридических наук, доцент (г. Душанбе, Таджи-
кистан)

E-mail: nilufar-2010@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ОРГАНЫ ЗАГСА И ЗАЩИТА СЕМЕЙНЫХ ПРАВ РЕБЕНКА

***Аннотация.** Анализируется место и роль органов записи актов гражданского состояния в системе защиты семейных прав ребенка на примере действующего законодательства Республики Таджикистан. Формулируется положение о том, что ЗАГС – это институт права, имеющий свои собственные принципы, которые содержатся в нормативно-правовых актах, и обеспечивающий охрану законных прав и интересов граждан.*

***Ключевые слова:** органы ЗАГС; семейные права ребенка; государственная регистрация актов гражданского состояния; свидетельство о рождении; брачные правоотношения; Республика Таджикистан.*

IMOMOVA N.M.

REGISTRY OFFICE AND PROTECTION OF FAMILY RIGHTS OF THE CHILD

***The summary.** The place and role of civil registration authorities in the system of protection of child's family rights is analyzed on the example of the current legislation of the Republic of Tajikistan. A provision is formulated that the Civil Registry Office is an institution of law that has its own principles, which are contained in regulatory legal acts, and ensures the protection of the legitimate rights and interests of citizens.*

***Key words:** registry office; family rights of the child; state registration of acts of civil status; birth certificate; marriage legal relationship; The Republic of Tajikistan.*

В системе защиты семейных прав ребенка важное место отводится органам Записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС). Органы ЗАГС – центральный институт семейного права, официальный уполномоченный орган государства по установлению и порядку оформлению

юридических фактов.

В юридической науке имеются различные подходы к определению записи актов гражданского состояния. Так при выяснении вопроса «акты гражданского состояния» ученые не только акцентируют внимание, но и выделяют из него

дефиницию «состояния» как правоотношения. В частности, С.С. Алексеев считает, что «состояния нередко выражаются в виде правоотношений» [1, стр. 360]. О.А. Красавчиков также рассматривает юридические состояния как правоотношения [18, стр. 83]. Однако О.Ю. Юрченко полагает, что для определения ЗАГСа базовым понятием является не правоотношение, а в целом «акты гражданского состояния» – это юридические характеристики физического лица, отражающие его гражданско-правовое и семейно-правовое положение и позволяющие индивидуализировать правовое состояние гражданина вследствие наступления юридически значимых фактов, а также при реализации нормативно закрепленных прав и обязанностей» [37, стр. 8]. Н.В. Беглова, обобщая значимости ЗАГСа, подчеркивает, что значение работы органов ЗАГС выражается не только в контексте создания определенной информационной базы (как банков статистических данных) о правовом состоянии граждан, но и как непосредственных субъектов реализации конкретных мероприятий семейной политики [7, стр. 247]. В этом смысле О.Ю. Ильина и И.П. Бахтиаров, придавая семейно-правовым аспектам актов гражданского состояния и называя его семейно-правовым институтом, подчеркивают: «Заключение и расторжение брака, рождение, установление отцовства, усыновление, перемена имени и смерть гражданина представляют собой такие акты гражданского состояния, которые в большей степени оказывают влияние на процесс возникновения, изменения или прекращения прав граждан именно в семье и характеризуют правовое состояние лица именно в семейных отношениях» [13]. Более того, О.Г. Барткова полагает, что понятие «акты гражданского состояния» имеет многоаспектный характер, а правовые нормы, закрепляющие такие акты, порядок их государственной регистрации, правовые последствия, связанные с ними содержатся в правовых институтах различных отраслей права [6, стр. 64].

На наш взгляд таковым является гражданское и семейное право, где в особом порядке больше элементов предлагающих соблюдение порядка юридического оформления фактов государственной регистрации. Примером может послужить отражение происхождения ребенка от матери и отца в акте государственной регистрации рождения [34, стр. 143], или заключение

брака осуществляется органами ЗАГСа на основе письменного заявления заинтересованных лиц [35, стр. 19], также расторжение брака в органах ЗАГСа [5, стр. 129] и т.д. Основная форма деятельности органов ЗАГСа связана с реализацией субъективного права. По этому поводу Д.Т. Яькуби отмечает, что «реализацию прав и свобод граждан органами записи актов гражданского состояния следует считать законодательно установленным порядком деятельности уполномоченных государственных органов в форме применения нормативных юридических предписаний по установлению юридических фактов государственной регистрации рождения, заключения брака, расторжения брака, усыновления (удочерения), установления отцовства, перемены фамилии, имени, отчества, смерти» [38, стр. 127].

В целом таковыми могут стать только юридические факты, оказавшие влияние на возникновение, изменение и прекращение правоотношений [29, стр. 190]. Имеются и другие подходы ученых, но вместе с тем при раскрытии понятие ЗАГСа одни настойчиво обращаются к дефиниции «акты гражданского состояния». В другом случае акты гражданского состояния как таковыми не определяются, а их расчетливо связывают с понятием «состояние субъекта права» и «правоотношения» (С.С. Алексеев., О.А. Красавчиков и др.), или рассматривая их как институт семейного права (О.Ю. Ильина., И.П. Бахтиаров), называют не только юридическим фактом, но и способом защиты прав и законных интересов граждан.

Безусловно, установление фактов и их правовое оформление, документирование посредством фиксации, регистрации, предписания или осуществления иных действий в целях определения гражданского состояния категорий физических лиц (детей и взрослых) ярко демонстрирует о присущности деятельности ЗАГСа. Одновременно ЗАГС – это институт права, имеющий свои собственные принципы, которые содержатся в нормативно-правовых актах применительно к конкретным ситуациям, обеспечивает охрану законных прав и интересов граждан. Также ЗАГС описывается как орган исполнительной власти, производящий в определенной форме регистрацию и документирование, важные жизненные этапы граждан (как рождения, так и смерти). Можно сказать, что ЗАГС также является институтом частного права, который обстоятельно осуществляет констатацию самых

важных и значимых моментов юридических фактов (события и действия, правоспособность и дееспособность, рождение, смерть, установление имени, отчества и фамилии, брак, развод, усыновление и др.), которые больше всего ближе к общим чертам и началам как гражданского, так и семейного права. Поэтому действия и события, связанные с возникновением, изменением или прекращением в праве, характеризуются как гражданское состояние человека, а их обязательная регистрация в органах ЗАГСа позволяет рассматривать их как акты гражданского состояния.

Следует отметить, что нормы о защите семейных прав ребенка наряду с определением объема права и обязанностей органов ЗАГС содержатся в СК РТ. К числу таких норм относятся:

- признание брака, заключенного только в государственных органах записи актов гражданского состояния (ч.3 ст.1 СК РТ);
- осуществление государственной регистрации актов гражданского состояния на основе Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния» (ч.3 ст.3 СК РТ);
- осуществление защиты семейных прав судом, органами опеки и попечительства, записи актов гражданского состояния и другими государственными органами (ч.1 ст.8 СК РТ);
- заключение брака в государственных органах записи актов гражданского состояния (ч.1 ст.10 СК РТ);
- недопущение заключения брака между усыновителями и усыновленными (ч.8 ст. 14 СК РТ);
- недопущение возбуждения дела мужем без согласия жены в суде о расторжении брака вовремя беременности жены и в течение полутора лет после рождения ребенка (ч.1 ст.17 СК РТ);
- признание брака недействительным заключенным с лицом, не достигшим брачного возраста (ч.1 ст. 29 СК РТ);
- вступление брачного договора в силу со дня государственной регистрации заключения брака (ч.1 ст. 41 СК РТ);
- установление материнства (ч.1 ст.49 СК РТ);
- установление отцовства, не состоящего в

браке с матерью ребенка (ч.4 ст. 49 СК РТ);

- запись родителей в книге регистрации рождения, являющимся доказательством о факте происхождения ребенка (ч.1 ст. 58 СК РТ) и др.

В Главах 2, 4, 5, 6, 7, Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния» от 12 апреля 2006 года № 299 просматриваются вопросы, касающиеся института защиты семьи и ребенка. Регистрация актов гражданского состояния, в особенности рождения ребенка, имеет важное правообразующее значение, как для самого ребенка, так и для установления материнства и отцовства. По словам В.П. Лебединской, «происхождение удостоверяется записью в книге актов гражданского состояния, о чем выдается свидетельство, о рождении – документ, удостоверяющий происхождение ребенка. Сотрудник органа ЗАГСа, производящий регистрацию рождения ребенка, должен удостовериться, что данные лица действительно являются родителями ребенка. Прежде всего, необходимы документы, удостоверяющие личность родителей и документ удостоверяющий факт состояния данных лиц в государственно зарегистрированном браке – свидетельство о браке» [20, стр. 469].

В ст. 16 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния» установлены виды и перечень оснований для государственной регистрации рождения ребенка. Основными видами государственной регистрации рождения ребенка являются:

- 1) медицинское документирование о рождении ребенка (выданный медицинской организацией, в которой происходили роды или выданный врачом, либо лицом, занимающимся частной медицинской деятельностью при родах вне медицинской организации);
- 2) заявление лица о родах (вне медицинской организации или без оказания медицинской помощи);
- 3) документы о подкинутом ребенке (выданные органами внутренних дел, органами опеки и попечительства и медицинской организацией);
- 4) судебный порядок (решение) установления факта рождения ребенка.

Следует отметить, что в каждом из

перечисленных оснований регистрации факта рождения ребенка содержатся способы защиты его семейных прав. В записи акта о рождении указывается фактическое место рождения ребенка или наименование места, в котором ребенок был найден (ч.2 ст.17). Основанием обращения родителей о факте регистрации рождения ребенка ЗАГСа является заявление (письменное), которое должно быть представлено не позднее трех месяцев со дня рождения ребенка. Пропуск установленного срока не может служить основанием для отказа в регистрации рождения органами записи актов гражданского состояния (ч.4 ст.18). Однако, при пропуске указанного срока родители ребенка несут ответственность. Право на фамилию, имя, а также отчество – это субъективное право граждан. Поэтому каждое лицо при государственной регистрации рождения имеет право на фамилию, имя, а также отчество, обоснованное историческими ценностями и таджикской национальной культурой. Присвоение имен и их правильное написание в Республике Таджикистан осуществляется согласно культуре, национальным традициям и Реестру таджикских национальных имен, утвержденным Правительством Республики Таджикистан (ч.1 ст.20). Право национальных меньшинств на имя в Республике Таджикистан гарантируется согласно их национальным традициям (ч.11 ст.20). Сведения о фамилии, имени и отчестве найденного (подкинутого) ребенка вносятся в запись акта о его рождении по указанию органа или организации. Сведения о родителях найденного (подкинутого) ребенка в запись акта о его рождении не вносятся (ч.3 ст.21). Следовательно, свидетельство о рождении ребенка, родившегося мертвым, не выдается. По просьбе родителей (одного из родителей) выдается документ, подтверждающий факт государственной регистрации рождения мертвого ребенка, так как государственная регистрация смерти ребенка, родившегося мертвым, не производится (ч.1 ст.22). Однако если ребенок умер на первой неделе жизни, производится государственная регистрация его рождения и смерти (ч.2 ст.22). Основанием такой формы регистрации ребенка является медицинский документ о рождении по перинатальной смерти.

Также органами ЗАГСа производится регистрация рождения следующих категорий понятия «ребенок», на что они имеют право:

- 1) ребенка, достигшего возраста одного года и более;
- 2) ребенка, достигшего совершеннолетия.

Основанием для выдачи свидетельства о рождении (государственная регистрация рождения) может служить заявление родителей и представление перечня документов, подтверждающих отсутствие факта регистрации о рождении, необходимым являются архивные справки и др. Процедура государственной регистрации рождения ребенка, достигшего совершеннолетия – иная, т.е. она отличается по соотношению с другими категориями понятия «ребенок». Главное основание государственной регистрации рождения ребенка, достигшего совершеннолетия – это обращение в органы ЗАГСа. Обращение производится в форме предъявления заявления.

Важным аспектом осуществления выдачи свидетельства о рождении ребенка является содержание следующих сведений:

- фамилия, имя, отчество, пол, дата и место рождения ребенка;
- фамилия, имя, отчество, национальность и гражданство родителей (одного из родителей);
- дата составления и номер записи акта о рождении;
- место государственной регистрации рождения (наименование органа записи актов гражданского состояния);
- серия, номер и дата выдачи свидетельства о рождении (ст.25).

Свидетельство о рождении выдаётся заявителю после государственной регистрации записи акта о рождении и его подписания органом записи актов гражданского состояния (ч.1 ст.26). В процессе выдачи свидетельства о рождении по просьбе заявителя ему также выдаётся справка о рождении для получения пособия по рождению ребёнка.

Важным средством защиты семейных прав ребенка является регистрация брака. Брак – основная форма создания семьи, традиций нравственных устоев, передающихся из поколения в поколение. Безусловно, что право на заключение брака и порядок его заключения имеют огромное значение не только для граждан, желающих вступить в брак, но и для общества, в целом [25, стр. 3; 2]. Брак заключается в целях создания семьи. Семья рассматривается в теории и методике воспитания как фактор формирования и

развитии личности ребенка. Родители – это члены семьи, законные представители и в случаях, предусмотренных законом, осуществляют защиту прав, свобод и законных интересов ребенка в суде и иных административных органах. Даже прием в школу осуществляется по личному заявлению родителей. Также по другим важным правообразующим, правоизменяющим и правопрекращающим факторам родители без специального разрешения осуществляют функции защиты прав ребенка.

Ядром семейных отношений являются брачные правоотношения, отражающие духовно-нравственное единство супругов [12, стр. 130]. То есть, брак – это и есть основы укрепления семьи и защиты прав ребенка. Поэтому в ч.2 ст.55 СК РТ подчеркивается: «Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье». Под «браком» понимается официально зарегистрированная форма семейного союза [28, стр. 336]. Поэтому закон чаще всего защиту прав и охрану интересов представляет тем супружеским отношениям, которые соответствуют всем формам и правилам заключения брака в органах записи актов гражданского состояния. Таким образом, органы ЗАГСа – это гарантия обеспечения государством не только существования брака, но и надежности основы формирования и развития семейных отношений.

Как и другие акты гражданского состояния, регистрация института брака осуществляются органами ЗАГСа, что по этому поводу определено в ч.1 ст.10 СКРТ: «Брак заключается в государственных органах записи актов гражданского состояния». Брак – это действия граждан, который носят волевой характер. Для совершения такого действия следует пройти регистрацию брака в органах ЗАГСа. В этом случае регистрация брака в соответствии со ст.33 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния» производится на основании совместного заявления лиц, вступающих в брак. Лица, вступающие в брак, подают в письменной форме совместное заявление о заключении брака в орган записи актов гражданского состояния. В совместном заявлении должно быть подтверждено взаимное согласие на заключение брака, а также отсутствие обстоятельств, препятствующих заключению брака (ч.1 ст.35 СК РТ). Условия государственной регистрации заключения брака

установлены в семейном законодательстве (ст. ст.11, 12,13, 14, 15 СК РТ), соблюдение которых для лиц, вступающих в брак, необходимо и обязательно. Государственная регистрация заключения брака производится в присутствии лиц, вступающих в брак (ч.5 ст.36 СК РТ).

Согласно ч.1 ст.13 СК РТ брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет. По просьбе лиц, желающих вступить в брак, суд вправе снизить брачный возраст. Суд также может применить ст.28 ГК РТ (эмансипацию) как основу снижения брачного возраста, т.е. брак может быть разрешен лицам по достижении ими 16 лет. Основным документом, удостоверяющим действительность брака, является «Свидетельство о заключении брака» (ст.39 СК РТ).

Лица перед вступлением в брак должны соблюдать правила, предусмотренные в ст. 13 СК РТ, условия заключения брака и условия, препятствующие заключению брака (ст. 14 СК РТ). В случае нарушения этих правил брак признается недействительным (ст. 28 СК РТ и ст. 40 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния»). Основанием является обращение одного из лиц, вступившего в брак. Для признания брака действительным достаточно решения суда. Орган записи актов гражданского состояния каждому из лиц, расторгнувших брак, выдает «Свидетельство о расторжении брака» (ч.2 ст.47 СК РТ).

На фоне всего этого ввиду особой значимости представляется государственная регистрация усыновления (удочерения) как специфического института защиты семейных прав ребенка. Усыновление (удочерение) по своей природе является своеобразно сложным правоотношением как родительским, однако, не схожим с ним. По своей природе государственная регистрация усыновления (удочерения) существенно отличается от иных процедур государственной регистрации институтов защиты семейных прав ребенка. Это связано с позицией и ролью государства не только его признания, но и оглашения как приоритетной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Порядок и пределы функционирования института усыновления (удочерения) может и должно устанавливать только государство. По словам Н.А. Аблятиповой и А.С. Форостяна: «Одним значимым выводом для всех специалистов семейного права является факт того, что усыновление

наиболее преимущественная форма устройства детей. В юридическом отношении при усыновлении ребенок полностью приравнивается в своих правах к родным детям усыновителя, приобретает в лице усыновителей родителей. Здесь следует отличить два момента:

- 1) Усыновление (удочерение) устанавливается в судебном порядке. Решение суда, вступившее в законную силу, служит основанием для регистрации этой формы устройства детей, утративших родительскую опеку.
- 2) Органы записи актов гражданского состояния производят регистрацию решения суда об усыновлении (удочерении) ребенка. Основанием для утверждения указанного момента служат правила ст.126 СК РТ и ст. 48 и 49 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния».

Усыновление (удочерение) как способ защиты семейных прав ребенка вытекает и основывается на нормах гражданского и семейного законодательства. Но их реализация решающим образом зависит от иных законодательных актов. В этом плане приоритет отдается Закону Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния».

Деятельность органов актов гражданского состояния включает в себя два направления защиты семейных прав ребенка:

- а) материально-правовое;
- б) процессуально-правовое.

Первое связано с реализацией приоритетных начал политики государства в сфере защиты прав и охраны интересов детей и детей-сирот, лишенных родительской опеки (вопросы реализации их конкретных прав и их защиты, обязанности усыновителей, вопросы ответственности и т.д.) в ракурсе деятельности органов ЗАГСа. Во втором случае речь идет о процессуальных нормах и принципах, регулирующих отношения по непосредственному осуществлению деятельности органов актов гражданского состояния, исходящих из материальных правовых норм.

Для достижения целей данного исследования очень важным является также выяснение деятельности органов ЗАГСа по вопросу государственной регистрации установления отцовства. Это объясняется тем, что, с одной стороны, речь идет о самой деятельности органов ЗАГСа,

регламентируемым правом, а с другой стороны, данная деятельность рассматривается как способ защиты семейных прав ребенка.

Институт отцовства является предметом целого ряда наук: философии, социологии, педагогики, психологии, права, медицины и др., чем и подтверждает многоаспектность указанного института в науке.

Правовой основой установления отцовства являются нормы семейного законодательства. В ст.48 СК РТ отмечается, что «Права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». Несмотря на долгую историю существования и развития этого института семейного права дефиниция «отцовство» в семейном законодательстве отсутствует. Понятие «отцовство» ограничивается предусмотренным в законе условиями и способами фактом его установления.

В Толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под «отцовством» понимается кровное родство между отцом и его ребенком (детьми) [26, стр. 421]. В юридическом энциклопедическом словаре «отцовство» – в праве факт биологического и (или) социального происхождения ребенка от мужчины. Там же отмечается, что «отцовство» юридически удостоверяется в органах ЗАГСа при рождении [36, стр. 376]. Здесь важно подчеркнуть, что в научной литературе однозначного подхода к понятию и терминологической формулировке «отцовство» еще не разработано. Так, М.В. Бутаев под «отцовством» определяет «социальное явление, исторически возникшее в моногамной семье, сущность которого состоит в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и воспитание своих детей» [9, стр. 7]. Также автором отмечается, что феномен отцовства обладает и собственной спецификой, выражающейся в двойственности его функций: с одной стороны, – личностный вклад отцов в развитие ребенка/детей и функция личностной самореализации мужчины как отца, и, с другой стороны, – социальная направленность деятельности института отцовства [10, стр. 7-8]. По словам И.С. Кона термин «отцовство» (fathering) – реальная практика, т.е. деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей [17, стр. 79]. Феномен отцовства Ю.В. Борисенко и А.Г. Портнова рассматривают как обеспечение условий развития

ребенка и как часть личностной сферы мужчины [8, стр. 122]. По словам С.С. Пробина, «отцовство – это факт биологического происхождения ребенка от отца. При этом определение термина «отцовства» в законодательстве отсутствует» [27, стр. 51]. У.Ю. Севастьянова подчеркивает, что «отцовство выступает системой взаимоотношений между мужчиной и ребенком, способствующей развитию личности и эмоциональному благополучию обоих» [33, стр. 40]. В этом смысле мы полагаем, что значимость термина «отцовство» заключается в его признании и установлении.

При отсутствии, как первого, так и второго, сущность указанного термина вообще отпадает. Поэтому, как считает Д.В. Мальцева, «признание и установление отцовства влекут за собой необходимость реализации мужчиной, выступающим в качестве отца, системы прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и структуре семьи» [21, стр. 273]. В современной психологии семьи используется термин «новый отец», оно используется для уяснения роли отцовства в становлении и развитии личности мужчины. По словам Е.В. Куфтяк, «новый отец» – это тот, кто принимает активное участие в воспитании ребенка, эмоционально взаимодействует с ним, общается, выполняет все родительские функции наравне с матерью. Став отцом, мужчина не просто меняет свой образ жизни, но и изменяется лично, а именно развивается. Этот опыт дает человеку возможность быть терпеливым, ответственным, стрессоустойчивым» [19, стр. 151]. Из вышеизложенного следует, что в научной литературе отцовство рассматривается не только как взаимодействие мужчины и ребенка, но при определении его содержания вкладывают в него условия, способствующие развитию ребенка и личности самого отца. Кроме того, переход к отцовству предполагает преодоление как нравственной, психологической, экономической и, в целом, правовой констатации проблем.

В науке встречаются и другие подходы к пониманию сущности и связанных с ним правовых аспектов государственной регистрации. При этом под отцовством можно понимать юридическую связь между отцом и ребенком (детьми), по признаку «кровное родство», предполагающее биологическое или социальное происхождение

ребенка от мужчины. В свою очередь, понятие установление отцовства отличается от дефиниции отцовства тем, что установление – это юридическая связь и необходимые условия не только для признания мужчиной отцом ребенка, но и реализация семейного права ребенка посредством осуществления деятельности ЗАГСа.

В научной литературе конструирование значения феномена «отцовство» обозначено как устойчивый институт семейного права. В этом смысле мы полагаем, что «отцовство» – это устойчивый институт права (публичного и частного) как первичная правовая общность, представляющая собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие только между органами ЗАГСа, отцом и ребенком и находящее свое выражение в конкретных законодательных и иных нормативных актах. Установление отцовства позволяет определить официальный факт происхождения ребенка от мужчины и его признание посредством регистрации в государственном документе.

В научной литературе «отцовство» рассматривается в узком и широком смысле. В этой связи если первый подход предполагает и ориентирован на факт происхождения ребенка от данного мужчины, то второй предусматривает реализацию прав и обязанностей мужчины по отношению к ребенку из кровного или юридического смысла родства.

Соглашаясь с высказанными мнениями относительно понятия «отцовство» и «установление отцовства», его регистрацией органами ЗАГСа отметим, что нормы, условия и порядок государственной регистрации указанного института закреплены в Законе Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния». При любых обстоятельствах отцовство устанавливается в органах ЗАГСа (ч.4 ст.49 СК РТ), а также в судебном порядке (ст.50 СК РТ). Отцовство устанавливается:

- а) при рождении ребенка от лиц (мужчина и женщина), состоящих между собой в браке;
- б) при рождении ребенка, если лица (мужчина и женщина) не состояли в браке между собой (в органы ЗАГСа подается совместное заявление отца и матери ребенка).

Если ребенок родился от лиц, состоящих между собой в зарегистрированном в органах записи актов гражданского состояния браке, а

также в течение трехсот дней с момента расторжения брака признания его недействительным или смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано обратное (ч.2 ст. 49 СКРТ). Основанием для государственной регистрации установления отцовства являются:

- совместное заявление об установлении отцовства отца и матери ребенка, не состоящих между собой в браке на момент рождения ребенка;
- заявление отца ребенка об установлении отцовства, не состоящего в браке с матерью ребенка на момент его рождения;
- решение суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства, вступившее в законную силу (ст.57 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния»).

Осуществление права ребенка и мужчины на установление отцовства производится органом записи актов гражданского состояния по месту жительства отца или матери ребенка. После завершения государственной регистрации установления отцовства родителям (одному из родителей) бесплатно выдается Свидетельство об установлении отцовства.

При этом в Законе Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния» установлено, что руководитель органа записи актов гражданского состояния отказывает в государственной регистрации установления отцовства при наличии сведений об отце в записи акта о рождении ребенка, за исключением случая, если запись об отце ребенка составлена по заявлению матери (ст.62). Также в законе предусмотрен порядок внесения изменений в запись акта о рождении ребенка в связи с установлением отцовства (ст.66). В этой связи органы записи актов гражданского состояния обязаны сообщить о внесении исправлений и изменений в запись акта о рождении ребенка в связи с установлением отцовства органу социальной защиты населения по месту жительства матери ребенка в трехдневный срок со дня государственной регистрации установления отцовства (ч.2 ст.66 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния»). В тесной связи с институтом установления отцовства находятся и другие

отношения, вытекающие из семейного права, в частности, ребенка (перемена имени, отчества, фамилии лица, достигшего возраста шестнадцати лет (ч.1 ст.67 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния») или лицом, не достигшим совершеннолетия, производится при наличии согласия родителей, усыновителей или попечителя (ч. 4 ст.67 Закона Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния») и др.

К сожалению, в Западной Европе и США наблюдаются активные тенденции к ликвидации традиционной семьи и устранению правовой регламентации институтов материнства, отцовства и классической семьи в целом [3; 4; 11; 15; 23]. Принимаются законодательные акты, разрешающие однополый брак [14; 16] и насаждение понятий «супруг-1» и «супруг-2». Традиционная семья цивилизованного мира как важная социальная ценность общества и государства [22; 24] и значимая политико-правовая традиция России [30; 31; 32] и государств Средней Азии, подвергаются жесточайшим нападкам объединенной Европы. Традиционная семья, брачные отношения мужчины и женщины нуждаются в идеологической и правовой защите.

Таким образом, можно сделать соответствующие выводы:

1. Изучение вопросов участия органов записи актов гражданского состояния чрезвычайно актуально, т.к. посредством актов, подлежащих регистрации с выдачей свидетельства затрагиваются отношения, вытекающие из защиты семейных прав ребенка. Например, факт о регистрации рождения ребенка органами ЗАГС после внесения записи в актовую книгу родителям новорожденного ребенка выдается свидетельство о рождении. Это обстоятельство можно характеризовать не только способом реализации права ребенка, но защитой его охраняемых интересов.

2. Семья – это высочайшая и одна из значимых ценностей в жизни общества и государства. Цель создания семьи – это рождение, воспитание и приобщение ребенка к человеческой культуре. Семья всегда находится под защитой государства. Поэтому главное условие создания семьи – это заключение брака и признание его действительности. Именно с момента внесения в книгу записи актов гражданского состояния брак становится не только действительным, но и гарантом

стабильности его охраной законом. В этой связи внесение записи в книгу о государственной регистрации брака и выдача свидетельства о заключении брака может стать фактором доказательства не только существования брака, но и приобретения комплекса прав, природа которых напрямую связывает их осуществление с защитой и охраняемой законом интересов родителей и ребенка.

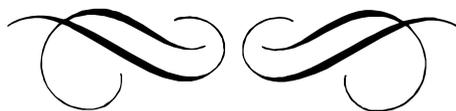
3. Брачные отношения порождают и другие

правовосстановительные юридические факты (рождение ребенка, усыновление или удочерение, установление отцовства, перемена фамилии, имени, отчества ребенка и др.) подлежащие обязательной государственной регистрации. Именно поэтому органам записи актов гражданского состояния по специфике формы их деятельности особое место отводится в системе юрисдикционных-административных способов защиты семейных прав ребенка.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: Курс лекций в 2-х томах. Т. 1 / Науч. ред.: Русинов Р.К.; Отв. за вып.: Семенов В.М. – Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1972. – 251 с.
2. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
3. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
4. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
5. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник.. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 431 с.
6. Барткова О.Г. Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния: Монография / Тверской государственный университет; Тверское региональное отделение Ассоциации юристов России. – Тверь: издатель А.Н. Кондратьев, 2017. – 248 с.
7. Беглова Н.В. Роль органов ЗАГС в совершенствовании семейной политики // Экономика и управление. – 2009. – № 9 (58). – С.247-249.
8. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 122-130.
9. Бутаев М.В. Отцовство как социально-философская проблема // Известия Саратовского университета: Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 2. – Т. 12. – С.7-10.
10. Бутаев М.В. Проблема отцовства в социальной философии: Автореф. дис. ...канд. филос. Наук. – Саратов, 2013. – 17 с.
11. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
12. Закирова С.А. Особенности правового регулирования брачного правоотношения // Власть Закона. – 2015. – № 4. – С. 127-134.
13. Ильина О.Ю., Бахтияров И.П. Регистрация актов гражданского состояния как способ индивидуализации субъектов семейных правоотношений // Гражданское право. – 2009. – № 3. – С. 20-24.
14. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
15. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123.
16. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
17. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.

18. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве – М.: Госюриздат, 1958. – 182 с.
19. Куфтяк Е.В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализация личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума, Кострома, 28–29 октября 2004 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин. – М.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – С.150–152.
20. Лебединская В.П. Рождение ребенка – начало «родительской работы» // Молодой ученый. –2015. – № 4. – С.468-470.
21. Мальцева Д. В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг. –2010. – № 5(99). – С. 279–289.
22. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
23. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
24. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 21-30.
25. Наумов Я. В. Условия и порядок заключения брака в российском семейном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М, 2017. – 226 с.
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4–е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
27. Пробина С.С. Правовой статус отца по российскому законодательству // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2(42). – С.49–54.
28. Прохоренко Ю. И. Институт брака: проблемы трансформации // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – Том 8. – № 4. – С.336-338.
29. Разбейко Н. В. Теория юридических фактов–состояний на современном этапе развития правовой науки // Вестник КРУ МВД России. – 2016. – № 3 (33). – С. 187–192.
30. Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.
31. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
32. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
33. Севастьянова У.Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем // Вестник Костромского государственного университета. Сер: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – № 4. – С.39–42.
34. Семейное право: Учебник / Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А.; Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2008. – 302 с.
35. Семейное право: Учебник / Под ред. Р.А. Курбанова. – М.: Проспект, 2015. – 232 с.
36. Юридический энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. – 3–е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА–М, 2004. – 450 с.
37. Юрченко О.Ю. Акты гражданского состояния как юридические факты в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 25 с.
38. Яькуби Д.Т. Реализация прав и свобод граждан органами записи актов гражданского состояния в Республике Таджикистан // Вестник ТГУПБП. – 2018. – № 1. – С. 132–138.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

АКСЕНОВ Дмитрий Васильевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ЛГУ им. А.С. Пушкина, кандидат юридических наук (Ленинградская область, Россия)
E-mail: dima6022738@gmail.com

СОКОЛЬСКИЙ Георгий Юрьевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ЛГУ им. А.С. Пушкина (Ленинградская область, Россия)
E-mail: 9964998@gmail.com

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В СПОРТЕ

Аннотация. Анализируется современное состояние преступности, связанной со спортивной деятельностью, в частности, с незаконным оборотом сильнодействующих веществ, применяемых в спорте. Приводятся статистические данные по уровню преступности в данной сфере. Отмечается, что для определенных видов спорта характерно употребление анаболических стероидов, что диктует необходимость дальнейшего уголовно-правового и криминологического исследования их незаконного оборота.

Ключевые слова: спортивная деятельность; сильнодействующие вещества; незаконный оборот; статистические данные; анаболические стероиды.

AKSENOV D.V.
SOKOLSKY G.Yu.

THE STATE OF CRIME IN THE SPHERE OF ILLEGAL CIRCULATION OF POTENT SUBSTANCES USED IN SPORTS

The summary. The current state of crime associated with sports activities, in particular, with the illegal circulation of potent substances used in sports is analyzed. Provides statistical data on the level of crime in this area. It is noted that certain sports are characterized by the use of anabolic steroids, which dictates the need for further criminal law and criminological research of their illegal turnover.

Key words: sports activity; potent substances; illegal traffic; statistical data; anabolic steroid.

Современная преступность постепенно проникает во все сферы жизни общества. Не исключением в этом отношении является и сфера спорта. При этом спорт тесно взаимосвязан с другими, охраняемыми уголовным законом сферами, такими как экономика, здравоохранение, культура, образование и др. [3; 5; 6; 8; 9; 11; 12; 23].

Следует отметить, что преступность – это массовое социальное явление. Так, за 2019 год в Российской Федерации было зарегистрировано более 2000 тысяч преступлений [22, стр. 36].

Состояние преступности характеризует общее количество преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени [10, стр. 42].

Из числа совершаемых преступлений определенную долю в структуре преступности составляют преступления в сфере спорта.

Так, согласно А.П. Алексеевой преступность в сфере спорта можно определить как вид преступности, слагающийся из всей совокупности преступлений спортсменов как связанных, так и не связанных с их непосредственной деятельностью, также преступлений иных лиц, связанных со спортивной деятельностью спортсменов, совершенных на определенной территории, за определенный промежуток времени [4, стр. 45].

В рамках данного исследования определенный интерес представляют именно преступления, связанные с непосредственной спортивной деятельностью спортсменов, в частности, когда речь идет о незаконном обороте сильнодействующих веществ, применяемых в спорте.

Вместе с тем, по исследуемой нами проблеме официальных статистических данных нет. Однако Е.Г. Шмелева в своем диссертационном исследовании утверждает, что «значительный объем незаконного оборота сильнодействующих веществ приходится на их оборот в составе анаболических стероидов» [27, стр. 21].

Таким образом, из общей массы незаконного оборота сильнодействующих веществ значительный объем приходится на анаболические стероиды, которые как известно, применяются для увеличения мышечной массы тела [26, стр. 26-27; 24; 25].

Анаболические стероиды в большинстве своем являются сильнодействующими веществами и указаны в списке сильнодействующих веществ для целей ст. 234 УК РФ, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 29 декабря

2007 г. № 964 [2].

Кроме этого, следует отметить, что сильнодействующие вещества, в частности анаболические стероиды, впервые были включены в списки ПККН только в 2001 году и до выхода указанного Постановления правительства включали в себя лишь 13 позиций, что составляло около 10 % от всей массы сильнодействующих веществ.

Проведенный подробный анализ действующего списка сильнодействующих веществ для целей ст. 234 УК РФ показывает, что анаболические стероиды составляют уже более 50% от всей массы сильнодействующих веществ.

Это обстоятельство обостряет проблему не только в области спорта, но и незаконного оборота сильнодействующих веществ, статистические данные по которому также вызывают опасения.

Так, за последние 10 лет в период с 2010 по 2019 года было зарегистрировано более 25 тыс. таких преступлений:

- за 2010 год 4299 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 3144, передано в суд 2992, выявлено лиц 1478) [13, стр. 20].
- за 2011 год 4329 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 2964, передано в суд 2890, выявлено лиц 1640) [14, стр. 20].
- за 2012 год 4090 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 2691, передано в суд 2615, выявлено лиц 1692) [15, стр. 24].
- за 2013 год 3970 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 2356, передано в суд 2216, выявлено лиц 1701) [16, стр. 24].
- за 2014 год 3435 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 2257, передано в суд 2173, выявлено лиц 1699) [17, стр. 24].
- за 2015 год 1179 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 674, передано в суд 641, выявлено лиц 534) [18, стр. 22].
- за 2016 год 650 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 371, передано в суд 349, выявлено лиц 284) [19, стр. 22].
- за 2017 год 894 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 515,

передано в суд 479, выявлено лиц 341) [20, стр. 22].

- за 2018 год 1053 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 496, передано в суд 466, выявлено лиц 318) [21, стр. 30].
- за 2019 год 1314 зарегистрированных преступлений (из них раскрыто 715, передано в суд 695, выявлено лиц 415) [22, стр. 36].

В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что наблюдавшийся в 2015 году резкий спад данного вида преступности оказался временным и показатели снова стали увеличиваться, а за последние годы передается в суд чуть более половины таких дел, также количество выявленных лиц вообще не соизмеримо мало в сравнении с количеством зарегистрированных преступлений.

Следует помнить, что доля анаболических стероидов в незаконном обороте сильнодействующих веществ является значительной, а список сильнодействующих веществ для целей ст. 234 УК РФ, утвержденный постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 [2] содержит в себе большинство субстанций, используемых в спорте.

Так, согласно п. 12 ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» спорт – сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним [1].

Таким образом, из законодательного определения видно, что спорт, представляя собой сферу социокультурных общественных отношений, подразделяется на виды, которые в соответствии с п. 2 ст. 2 названного Федерального закона являются частью спорта, которая признана в соответствии с требованиями ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» обособленной сферой общественных отношений, имеющей соответствующие правила, утвержденные в установленном ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» порядке, среду занятий, используемый спортивный инвентарь (без учета защитных средств) и оборудование [1].

Как общеизвестно, для определенных видов спорта свойственно употребление

сильнодействующих веществ при проведении соревнований и подготовки к ним.

Так, п. 18 ст. 2 указанного Федерального закона определяет спортивное соревнование как состязание (матч) среди спортсменов или команд спортсменов по различным видам спорта (спортивным дисциплинам) в целях выявления лучшего участника состязания (матча), проводимое по утвержденному его организатором положению (регламенту) [1].

Вместе с тем п. 15.1 ст. 2 определяет спортивную подготовку как тренировочный процесс, который подлежит планированию, включая в себя обязательное систематическое участие в спортивных соревнованиях, направлен на физическое воспитание и совершенствование спортивного мастерства лиц, проходящих спортивную подготовку, и осуществляется на основании государственного (муниципального) задания на оказание услуг по спортивной подготовке или договора оказания услуг по спортивной подготовке в соответствии с программами спортивной подготовки [1].

Именно на соревнованиях и подготовки к ним спортсмены используют исследуемые нами сильнодействующие вещества, что подрывает спорт как положительную социальную деятельность.

Исходя из вышеизложенного, следует, что для определенных видов спорта с целью улучшить спортивные показатели на тренировках и победы на соревнованиях характерно употребление сильнодействующих веществ, оборот которых составляет значительную долю анаболических стероидов, а список сильнодействующих веществ для целей ст. 234 УК РФ, утвержденный постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 содержит в себе большинство субстанций, используемых в спорте.

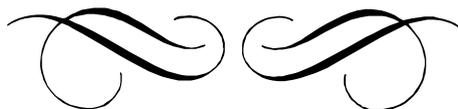
С 2016 года вновь наблюдается рост данного вида преступности, а выявленные лица, совершившие преступление, предусмотренное ст. 234 УК РФ, например, в 2018 году, составляют менее половины от общей массы этих преступлений.

Таким образом, дальнейшее уголовно-правовое и криминологическое исследование незаконного оборота сильнодействующих веществ в спорте вызывает научный интерес. Кроме того, возникает необходимость анализа законопроектов, связанных с физической культурой и спортом, на предмет их потенциальной коррупционности [7].

Список литературы

1. Федеральный закон от 4 декабря 2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2008. – 16 января.
3. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
4. Алексеева А.П. Спортивная криминология: Монография. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2014. – 404 с.
5. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
6. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
7. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
8. Девликамова М.И. Проблемы противодействия международной организованной преступности в кредитно-финансовой сфере // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 92-96.
9. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гишинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова; Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский университет МВД России, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет». – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – 554 с.
10. Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии: Курс лекций. – М.: Юрист, 2005. – 188 с.
11. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
12. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гишинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2010 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2010. – 48 с.
14. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2011. – 48 с.
15. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2012. – 55 с.
16. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2013. – 54 с.
17. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2014. – 56 с.
18. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2015. – 53 с.
19. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2016. – 52 с.
20. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2017. – 51 с.
21. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2018. – 60 с.
22. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. – М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2019. – 63 с.
23. Третьяков И.Л. Криминальные поджоги: уголовно-правовой и криминологический анализ проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 106-114.

24. Федоров А.В. Допинг и наркотики // Наркоконтроль. – 2017. – № 2. – №. 10-21.
25. Федоров А.В. Спортивное уголовное право: основания и пределы криминализации деяний, связанных с допингом // Юридический мир. – 2018. – № 7. – С. 28-35.
26. Чистова Л.Е. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 226 с.
27. Шмелева Е.Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – 24 с.

ВЛАДИМИРОВ Владимир Юрьевич,

главный научный сотрудник ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения Российской Федерации, академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

E-mail: vladimirov@rc-sme.ru

ЗАСЛАВСКИЙ Григорий Иосифович,

заместитель председателя правления РОО «Врачебная палата Ленинградской области», академик РАЕН, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: gis1932@mail.ru

КОВАЛЕВ Андрей Валентинович,

директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, заведующий кафедрой судебной медицины Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Министерства здравоохранения Российской Федерации, главный внештатный специалист по судебно-медицинской экспертизе Министерства здравоохранения Российской Федерации, главный внештатный консультант по судебно-медицинской экспертизе Управления делами Президента Российской Федерации, доктор медицинских наук (г. Москва, Россия)

E-mail: forensdeprmanpo@gmail.com

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,

главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», председатель секции «Безопасность человека, общества и государства» Санкт-Петербургского регионального отделения РАЕН, академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: fonduniver@bk.ru

ЧЁРНЫЙ Ярослав Андреевич,

директор медико-правового агентства Балтийской коллегии адвокатов имени Анатолия Собчака, адвокат, советник РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mrcherny@bk.ru

РОМАНЕНКО Гульнара Хамидуллаевна,

заведующий учебной частью кафедры судебной медицины ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат медицинских наук, доцент (г. Москва, Россия)

E-mail: forensdeprmanpo@gmail.com

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПУТИ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Аннотация. *Исследуются способы фальсификации при проведении судебных экспертиз, пути ее выявления и предотвращения. Приводятся основные побудительные мотивы к фальсификации судебно-медицинских экспертных заключений, анализируются конкретные случаи подобной практики при исследовании медицинских документов, экспертных заключений, результатов лабораторных и инструментальных тестов и т.д. Предлагаются конкретные меры по предупреждению и выявлению проявлений фальсификации в судебно-медицинской экспертной деятельности.*

Ключевые слова: *судебные экспертизы; фальсификация; судебно-медицинская экспертная деятельность; медицинские заключения; лабораторные исследования.*

VLADIMIROV V.Yu.
ZASLAVSKY G.I.
KOVALEV A.V.
SAL'NIKOV V.P.
CHERNY YA.A.
ROMANENKO G.Kh.

FALSIFICATIONS IN FORENSIC MEDICAL EXPERT ACTIVITY: WAYS OF DETECTING AND PREVENTING THEM

The summary. *The methods of falsification during forensic examinations, ways of its detection and prevention are investigated. The main incentives for falsification of forensic medical expert opinions are given, specific cases of such practice are analyzed in the study of medical documents, expert opinions, the results of laboratory and instrumental tests, etc. Concrete measures are proposed to prevent and identify manifestations of falsification in forensic medical expert activity.*

Key words: *forensic examination; falsification; forensic expert activity; medical reports; laboratory research.*

Под «фальсификацией» в юридической науке принято понимать сознательное, преднамеренное искажение первичных данных или заведомо неверное их толкование с целью получения какой-либо выгоды – например, фальсификация (или заведомо ложная интерпретация) научных данных, материалов следствия, медицинских и иных документов, результатов судебных экспертиз. Фальсификация последних подлежит уголовному преследованию по ст. 307 УК РФ («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод») [35, стр. 965-966].

Несмотря на очевидную актуальность этой проблемы, исследованию способов фальсификации, путей ее выявления и предотвращения при проведении судебных экспертиз до настоящего времени не уделялось достаточного внимания.

Впервые случаи фальсификации некоторых видов криминалистических экспертиз были

описаны и проанализированы одним из авторов настоящей статьи, профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации, генерал-лейтенантом полиции В.Ю. Владимировым (2018). Он подробно рассмотрел примеры имевших место в практике судебной экспертизы способов и методов фальсификации доказательств. В работе приводятся конкретные примеры дачи заведомо ложных заключений судебными экспертами, фальсификации вещественных доказательств и других материальных носителей криминалистически значимой информации. Справедливо отмечается, что вопросы, связанные с проблемами возможного привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, должны рассматриваться в учебных заведениях правоохранительного профиля не только с профессиональных следственно-криминалистических позиций, но и в социолого-психологическом аспекте.

В средствах массовой информации периодически появляются публикации журналистов и адвокатов о случаях фальсификации, с их точки зрения, судебно-медицинских экспертных заключений. Однако до настоящего времени не проведена четкая научно обоснованная грань между достоверно установленными фактами фальсификации экспертных заключений и возможными, как и в любой медицинской специальности, ошибками судебно-медицинских экспертов, всесторонне изученными многими авторами (Вермель И.Г., 1967 [13]; Макушкина Г.Е., Вермель И.Г., Кочнева А.В., 1985 [37]; Заславский Г.И., 1997 [19]; Федченко Т.М., Гагаров Н.Н., Дмитриева О.А., 2000 [39]; Ковалев А.В., Молин Ю.А., Шевалдышев Д.И., 2003 [30]; Лобан И.Е., Попов В.Л., 2010 [36]; Ковалев А.В., 2013 [23]; Теньков А.А., 2013 [38]; Ковалев А.В., Плетянова И.В., 2015 [25]; Ковалев А.В., 2015 [21], 2017 [22]; Ковалев А.В., Шмаров Л.А., Теньков А.А., 2016; Ковалев А.В., Налетова Д.М., Белянский К.Д., 2016 [31]; Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Горбулинская И.Н., Романенко Г.Х., 2017 [32]; Баринев Е.Х., Добровольская Н.Е., Михеева Н.А. и др., 2018 [12]; Владимиров В.Ю., 2018 [14]; Владимиров В.Ю., Ковалев А.В., Романенко Г.Х., Забродский Я.Д., 2018 [17]; Ковалев А.В., Лобан И.Е., 2018 [24]; Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Савчук С.А., Романенко Г.Х., 2018 [33]; Владимиров В.Ю., Ковалев А.В., Горбулинская И.Н., 2018 [16]; Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Минаева П.В., 2019 [27; 29; 28]; Ковалев А.В., Макаров И.Ю., Владимиров В.Ю., Забродский Я.Д., 2019 [34]; Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Макаров И.Ю., 2019 [26]; Заславский Г.И., Захарцев С.И., Ковалев А.В., Сальников М.В., Черный Я.А., 2019 [20]; Владимиров В.Ю., Заславский Г.И., Ковалев А.В., Сальников М.В., Чёрный Я.А., 2019 [18] и др.).

Авторы данной статьи, рассматривающей вопросы обнаружения и предотвращения фальсификации в судебно-медицинской экспертной деятельности, обобщают собственные наблюдения последних десятилетий, накопленные в ходе проведения проверок судебно-медицинской экспертной документации в государственных судебно-медицинских экспертных учреждениях, личного участия в проведении дополнительных и повторных судебно-медицинских экспертиз, экспертиз (исследований) и допросов в качестве экспертов (специалистов) в судебных

заседаниях, рассмотрения обращений правоохранительных органов и граждан, изучения материалов уголовных, гражданских и административных дел, а также изучения «консультативных заключений специалистов в области судебной медицины».

Фальсификация – юридическое понятие. Определяя конкретные случаи как фальсификацию, мы исходили из личного профессионального опыта, данных проведения квалифицированных служебных проверок, а при ее наличии – анализа материалов дознания и предварительного и судебного следствия.

Чаще всего, побудительными мотивами к фальсификации судебно-медицинских экспертных заключений в наших наблюдениях являлись:

- корыстные цели;
- вовлечение сотрудниками правоохранительных органов судебно-медицинских экспертов в сокрытие и укрывательство преступлений, направленных против личности;
- корпоративные связи;
- исполнение устных «указаний властных структур»;
- ложно понимаемые «интересы службы».

Фальсификация выявлялась при проведении всех видов судебно-медицинских экспертиз, включая экспертизы и исследования трупов, экспертизы и обследования живых лиц, экспертизы вещественных доказательств и биологических объектов, а также экспертизы по материалам дела, в том числе дополнительные и повторные.

Фальсификация в наших наблюдениях осуществлялась на всех этапах проведения судебно-медицинских экспертиз: при исследовании медицинской документации, в ходе проведения иных экспертных исследований, забора и направления объектов для проведения дополнительных лабораторных и инструментальных исследований, а так же самого их проведения, при формулировании судебно-медицинского диагноза, формулировании и обосновании выводов экспертного заключения. Также была характерной фальсификация при оформлении иллюстративных приложений к экспертному заключению (фотоснимков).

Фальсификация при исследовании медицинских документов

Нами был выявлен ряд случаев, в которых

судебно-медицинскими экспертами при исследовании медицинских карт стационарного и амбулаторного больного в экспертных заключениях частично или полностью «исключались» (не фиксировались) клинические, лабораторные и инструментальные данные о наличии повреждений и патологических состояний, имеющие принципиальное значение для установления факта травмы и механизма ее образования, заболевания и их осложнений, патологического состояния.

Так, например, в случае нанесения удара потерпевшему с последующим его падением с высоты собственного роста и образованием в результате данного падения с приданным телу предшествующим ускорением перелома шейки бедренной кости комиссия судебно-медицинских экспертов в ходе проведения повторной экспертизы сознательно ставя под сомнение наличие «свежего» перелома шейки бедренной кости, и фальсифицируя заключение с целью формулировки вывода о якобы «старом, давно консолидированном переломе, не связанном с данной травмой», целенаправленно «исключила» в своем заключении из медицинской карты стационарного больного сведения о существенном укорочении конечности сразу после причинения повреждения, необходимые данные из протокола операции, в котором был отражен факт наличия «свежего» перелома кости (наличие обширного кровоизлияния, состояние костных отломков, указывающие на отсутствие признаков консолидации краев и плоскостей перелома), подробное описание цифрового рентгеновского изображения перелома, существенно видоизменила в фототаблице к экспертному заключению цифровое изображение перелома «в пользу» якобы имевшего место «старого» перелома, и якобы не связанного с данным эпизодом преступного деяния.

В другом случае, судебно-медицинский эксперт, проводя экспертизу по определению у пострадавшего при ДТП степени тяжести вреда, причиненного его здоровью, сознательно не включил в свое экспертное заключение объективные клинические признаки «свежего» открытого перелома большеберцовой кости, зафиксированные в медицинской карте стационарного больного. Любопытно, что к архивной копии этого экспертного заключения, хранящейся в районном судебно-медицинском отделении,

оказался приложенным ранее выполненный акт судебно-медицинского исследования. В нем клинические данные были отражены полностью, без искажений, а причиненные повреждения этим же экспертом были правильно квалифицированы как причинившие тяжкий вред его здоровью. Начальник бюро судебно-медицинской экспертизы после проведенной служебной проверки направил ее материалы прокурору для принятия процессуального решения, но никакой реакции не последовало. Как затем оказалось, ДТП произошло по вине одного из руководителей муниципального образования.

Бывает крайне сложно установить факты фальсификации экспертных заключений в тех случаях, когда они совершаются одновременно с фальсификацией медицинской документации по предварительному сговору виновного лица, потерпевшего, дознавателя или следователя, лечащего врача и судебно-медицинского эксперта.

Так, например, в ходе проведения комиссией Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава РСФСР плановой служебной проверки деятельности бюро судебно-медицинской экспертизы одного из субъектов Российской Федерации при ознакомлении с заключением судебно-медицинского эксперта, выполненного по факту ДТП, отнесение полученной травмы у потерпевшего к повреждениям, повлекшим кратковременное расстройство здоровья (легкий вред здоровью), не вызывало сомнений. Оно полностью соответствовало приведенным в экспертном заключении клиническим и инструментальным данным. Однако к копии экспертного заключения (хранящемуся в бюро архивному экземпляру) вместе с постановлением о назначении экспертизы оказался приложенным сопроводительный лист станции скорой медицинской помощи с полным квалифицированным описанием перелома плечевой кости. В постановлении о назначении экспертизы этот медицинский документ не был указан как направленный на экспертизу, он также не нашел своего отражения и в истории болезни, и в экспертном заключении. На условиях анонимности, в частном порядке, членам комиссии сотрудники данного бюро поведали о том, что «подобные случаи» периодически имели место при обоюдовыгодном «примирении» виновников ДТП и пострадавших. По результатам проведенной служебной проверки начальник Бюро был отстранен от занимаемой должности.

Широкую общественную огласку получил случай уникальной фальсификации всего комплекса медицинской документации в одной из крупных и весьма уважаемых клиник, включая медицинскую карту стационарного больного, результаты многочисленных лабораторных и инструментальных исследований у осужденного, временно освобожденного региональным УФСИН от отбывания наказания для прохождения лечения в связи с тяжелым течением редкого заболевания. В результате почти месячного «обследования» у него была выявлена «терминальная стадия течения данного тяжелого заболевания», подпадающего под перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. На основании этих клинических данных негосударственная судебно-медицинская экспертная комиссия дала соответствующее экспертное заключение. Однако следствием было установлено, что весь указанный период времени пациент в клинике не находился, вел свободный и праздный образ жизни. Первоначально следствием активно отрабатывалась версия об участии в фальсификации не только лечащих врачей, но и судебно-медицинского эксперта. Однако доказательств последнему не было получено.

Допускаем, что приведенный случай фальсификации медицинских документов при всей его уникальности не единичен. Именно поэтому так важно проведение очного обследования подэкспертного и сопоставление предъявляемых им жалоб, данных анамнеза и объективных клинических, лабораторных и инструментальных данных, в том числе полученных совместно с экспертом-клиницистом, с данными представленных на экспертизу медицинских документов.

Фальсификация исследовательской части экспертных заключений

По нашим данным фальсификация в этой группе наблюдений чаще всего происходила по инициативе оперативных сотрудников органов внутренних дел, имеющих тесные «товарищеские» контакты с некоторыми районными судебно-медицинскими экспертами, в целях сокрытия преступлений, в том числе совершенных данными оперативными сотрудниками.

В качестве одного из демонстративных примеров приводим следующий случай. Опытный заведующий районным судебно-медицинским

отделением провел исследование трупа молодого человека, получившего, как указывалось в направлении органа дознания, в процессе групповой драки с применением холодного оружия, ранение в область груди. Драка была пресечена прибывшим нарядом милиции после нескольких предупредительных выстрелов. Судебно-медицинским экспертом на вскрытии было установлено проникающее колото-резаное ранение груди, сопровождавшееся повреждением сердца.

Данные протокола осмотра места происшествия при даче заключения экспертом не использовались, наружные и внутренние повреждения были описаны поверхностно, не фиксировались на фотоснимках, на дополнительные лабораторные и инструментальные исследования не направлялись.

Через год областному бюро судебно-медицинской экспертизы соседнего региона органом следствия было поручено проведение повторного исследования этого трупа по вновь открывшимся обстоятельствам: от одного из осужденных участников драки оперативным сотрудникам исправительной колонии поступила информация, что убийство произошло в результате выстрела, произведенного милиционером.

В ходе проведения повторного судебно-медицинского исследования эксгумированного трупа с применением переносного рентгеновского аппарата в мягких тканях поясничной области была обнаружена пуля размерами 9x18 мм. Было установлено направление раневого канала – спереди назад и несколько сверху вниз, под острым углом (при вертикальном положении тела). Баллистическая экспертиза пришла к категорическому выводу о том, что выстрел был произведен из табельного оружия – пистолета Макарова, закрепленного за сотрудником милиции, участвовавшим в пресечении драки. Уголовное дело в отношении него было прекращено в связи с доказанностью применения огнестрельного оружия в пределах необходимой обороны. Следствием было доказано, что сотрудник милиции был сбит с ног и нападавший, навалившись на него, изготовился для нанесения удара ножом. Предотвращая удар, сотрудник милиции в положении лежа на спине произвел выстрел, что подтвердилось данными об указанном выше направлении выстрела, установленными при проведении повторной

судебно-медицинской экспертизы.

Хотя, с нашей точки зрения, в данном конкретном случае, наиболее вероятно, имела место явная фальсификация результатов первичной экспертизы, вопрос об уголовной ответственности судебно-медицинского эксперта за дачу им заведомо ложного заключения не рассматривался.

Нами дважды при анализе случаев убийств было установлено, что судебно-медицинские эксперты при исследовании гнилостно измененных трупов умышленно не описали наличие на коже шеи замкнутой, узкой странгуляционной борозды, отчетливо зафиксированной на фотоснимках при осмотре трупов на месте их обнаружения. Следствие, удовлетворившись выводами повторных комиссионных экспертиз, подтвердивших на основании проведения повторного судебно-медицинского исследования трупов, лабораторных и инструментальных исследований наличие и прижизненное происхождение указанных странгуляционных борозд, не смогло привлечь к уголовной ответственности судебно-медицинских экспертов, поскольку они не были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, так как судебно-медицинские исследования проводили на основании письменного направления органа дознания – сотрудников органов внутренних дел.

Фальсификация при направлении биологических объектов на дополнительные лабораторные и инструментальные исследования

В нескольких случаях целью фальсификации являлось «исключение» объективных медицинских данных об употреблении умершим незадолго до наступления смерти алкогольных напитков. Такая потребность в фальсификации чаще всего возникала в случаях производственной травмы, в иных страховых случаях, а также для устранения негативной общественной реакции при смерти некоторых категорий граждан. Фальсификация обеспечивалась подменой образцов крови и мочи, изъятых от трупа, – судебно-медицинским экспертом, лаборантом или санитаром. При этом лицами, осуществившими фальсификацию, не было учтено, что органы дознания, следствия или трудовой инспекции располагали достоверными сведениями о приеме погибшим в результате травмы

или умершим от заболевания перед смертью алкогольных напитков.

Следует отметить, что подмена образцов мочи и крови, изъятых из трупов, осуществлялась, в том числе, доставлявшими данные объекты лицами на этапе транспортировки объектов из моргов районных отделений в судебно-химическое отделение. Нередко наблюдалась подмена образцов крови и мочи от живых лиц при медицинском освидетельствовании и экспертизе алкогольного опьянения, проводимыми в медицинских организациях, как непосредственно в приемном покое, так и на этапе транспортировки объектов в судебно-химические отделения государственных судебно-медицинских экспертных учреждений, выполняющих функции химико-токсикологических лабораторий для медицинских организаций, в частности, наркологических диспансеров.

Также для осуществления фальсификации судебно-медицинского диагноза и экспертных выводов использовали целенаправленную подмену биологического материала, изъятого из трупа и направленного на судебно-гистологическое исследование.

В качестве примера приводим случай ДТП, в ходе которого пожилая женщина, перебежавшая проезжую часть в направлении трамвайной остановки, была сбита продолжавшим свое движение автомобилем. Этот факт был подтвержден рядом свидетелей (очевидцев), в том числе водителем трамвая.

На основании судебно-медицинского исследования трупа и данных дополнительного судебно-гистологического исследования судебно-медицинский эксперт пришел к выводу, что смерть потерпевшей, страдавшей при жизни гипертонической болезнью, наступила от «острой сердечной недостаточности» (!). Повреждение мягких тканей плеча, по мнению эксперта, могло образоваться при касательном воздействии зеркала бокового вида.

В ходе предварительного следствия все свидетели, включая водителя трамвая, отказались от своих первоначальных показаний, и уголовное дело было прекращено.

Одновременно, против водителя, совершившего ДТП, в соседнем регионе следователем по особо важным делам прокуратуры расследовалось уголовное дело в связи с серьезным экономическим преступлением. К сотрудникам,

осуществлявшим оперативное сопровождение предварительного следствия, поступила информация об имевших место контактах лица, подозреваемого в совершении ДТП, со свидетелями и судебно-медицинским экспертом.

Постановление следователя о прекращении уголовного дела было отменено. Его принял к производству следователь по особо важным делам прокуратуры, который назначил повторную комиссионную судебно-медицинскую экспертизу в бюро судебно-медицинской экспертизы своего региона.

Произвести эксгумацию для проведения повторного судебно-медицинского исследования трупа оказалось невозможным, поскольку с согласия следователя, первоначально расследовавшего ДТП, труп был кремирован. При изучении представленного заключения судебно-медицинского эксперта в ходе проведения повторной экспертизы были выявлены противоречия между его исследовательской частью и перечнем биологического материала, направленного на дополнительное судебно-гистологическое исследование. Так, на судебно-гистологическое исследование была направлена часть спинного мозга, в то время как в тексте экспертного заключения не было описано состояние спинномозгового канала, не был зафиксирован сам факт изъятия спинного мозга и не были приведены результаты его макроскопического исследования. Более того, заведующий кафедрой нормальной анатомии, изучив сохранившийся в архиве судебно-гистологического отделения фрагмент спинного мозга, пришел к выводу о полном несоответствии его размеров антропометрической характеристике трупа.

В связи с этим, следователь заподозрил подмену биологического материала, направленного на судебно-гистологическое исследование. В ходе обыска морга были выявлены маркированные должным образом подлинные кусочки внутренних органов от данного конкретного трупа. Судебно-медицинский эксперт и руководство бюро возложили ответственность за подмену объектов на младший медицинский персонал.

Исследование гистологических препаратов в рамках проведения повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы дало основание прийти к категоричному выводу о том, что смерть потерпевшей последовала в результате автомобильной травмы от ее столкновения с

движущимся транспортным средством. Водитель транспортного средства был осужден. Каких-либо последствий для судебно-медицинского эксперта не последовало.

Заметим, что в настоящее время в подозрительных случаях подмены биологических объектов, направленных в лабораторные подразделения, имеется возможность установления с применением современных высокотехнологичных методов молекулярно-генетического исследования их достоверной принадлежности данному конкретному лицу, в том числе, используя в качестве объектов исследования, фиксированный в формалине биологический материал, микропрепараты внутренних органов на предметных стеклах и кусочки внутренних органов, залитые в парафин.

В этой связи, приводим следующий показательный пример из нашей практики. В ходе драки молодому человеку, в возрасте около 25 лет, были нанесены множественные удары кулаком в область лица, в результате чего он упал на асфальтовое покрытие, а нападавший прыгнул обутыми стопами на его живот и произвел еще несколько «подпрыгиваний» всем своим весом на теле потерпевшего. Смерть потерпевшего наступила на месте происшествия, что было зафиксировано прибывшей на место происшествия бригадой скорой медицинской помощи. Причиной смерти, указанной в «акте» судебно-медицинского исследования трупа, послужила «алкогольная кардиомиопатия». Это послужило основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. При этом следует отметить, что врач – судебно-медицинский эксперт, проводивший судебно-медицинское «исследование» трупа, не предупреждался об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения, поскольку и само исследование трупа, как впрочем, и биологических образцов от него, было проведено вне процессуальных рамок «экспертизы».

По результатам рассмотрения жалобы потерпевшей, поданной в Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, постановление следователя об отказе возбуждения уголовного дела было отменено. При проведении повторного судебно-медицинского исследования эксгумированного трупа установить причину смерти потерпевшего не представилось возможным в виду развития выраженных

поздних трупных изменений мягких тканей и внутренних органов. Каких-либо повреждений на костях трупа выявлено не было.

В ходе допроса в судебном заседании в качестве специалиста один из авторов данной статьи обратил внимание суда на тот факт, что в материалах уголовного дела имеется хорошего качества узловой цветной фотоснимок лица потерпевшего анфас, выполненный родственниками, когда тело уже находилось в гробу перед захоронением, на котором отобразились множественные повреждения лица в виде кровоподтеков и ссадин. Они занимали практически всю площадь поверхности лица. В то же время, при описании гистологических препаратов головного мозга судебно-медицинский эксперт-гистолог отметил наличие лишь единичных диапезных кровоизлияний, что противоречило как обстоятельствам дела, так и представленному в материалах уголовного дела фотоснимку лица (так называемые «негативные обстоятельства»). В материалах уголовного дела также имелась высокого качества видеозапись с камеры наружного наблюдения, на которой был полностью отображен эпизод драки – от ее начала до фиксации факта наступления смерти врачом скорой медицинской помощи.

В ходе проведения назначенной уже судом повторной комплексной судебно-медицинской экспертизы на основании проведенных молекулярно-генетических исследований предметных стекол с микропрепаратами внутренних органов и парафиновых блоков было установлено, что все они принадлежат женщине (!), что достоверно исключало их принадлежность умершему молодому мужчине. Допросить эксперта, проводившего судебно-медицинское исследование трупа и поставившего диагноз алкогольной кардиомиопатии, в ходе судебных заседаний и на этапе проведения повторных судебно-медицинских экспертиз не представилось возможным в связи с наступлением смерти уже самого эксперта. В своих выводах, сделанных в рамках проведения двух повторных комплексных судебно-медицинских экспертиз, эксперты отметили, что по причине полной подмены образцов внутренних органов от трупа установить причину смерти потерпевшего не представилось возможным.

Тем не менее, следует особо отметить, что ни одно из доказательств, в том числе и заключение

эксперта, не имеет заранее установленной силы. Оценив, и основываясь на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, несмотря на не установление по объективным причинам в ходе проведения повторных судебно-медицинских экспертиз причины смерти потерпевшего, суд вынес обвинительный приговор по ст. 105 УК РФ («Убийство») и приговор вступил в законную силу.

В целях фальсификации результатов судебно-медицинских экспертиз трупов эксперты зачастую сознательно не направляли для проведения дополнительных лабораторных и инструментальных исследований необходимые биологические объекты.

Так, например, по настоятельной просьбе инспектора пожарного надзора судебно-медицинский эксперт, исследовав труп женщины, обнаруженный в очаге пожара, пришел к выводу о наступлении ее смерти от «заболевания». И это при том, что при наличии розовато-красной окраски кожных покровов, характерной для отравления монооксидом углерода, кровь с целью фальсификации экспертного заключения не была направлена в судебно-химическое отделение для установления в ней карбоксигемоглобина.

Фальсификация результатов лабораторных и инструментальных исследований

Приводим случай фальсификации результатов судебно-гистологического исследования в целях «исключения» насильственного характера смерти.

В ходе ссоры одному из ее участников были нанесены удары тупыми предметами по голове. От полученной черепно-мозговой травмы он скончался на месте происшествия. При судебно-медицинском исследовании трупа и последующем судебно-гистологическом исследовании были выявлены морфологические признаки ушиба головного мозга. Гистологическим исследованием кровоподтека бедренной области была обнаружена лейкоцитарная реакция, свидетельствующая о причинении тупой травмы нижней конечности более чем за один час до получения черепно-мозговой травмы.

В судебном заседании адвокат подсудимого высказал сомнение в обоснованности выводов проведенной судебно-медицинской экспертизы и заявил ходатайство о назначении повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы, назвав конкретное учреждение,

не входящее в систему Минздрава России. Без вызова в судебное заседание и допроса судебно-медицинского эксперта, производившего исследование трупа, ходатайство адвоката было судом удовлетворено.

При повторном исследовании гистологических препаратов с участием профессора-патологоанатома был диагностирован массивный инфаркт миокарда с наличием лейкоцитарной реакции, который, по мнению комиссии экспертов, и явился причиной смерти. Черепно-мозговую травму экспертная комиссия отнесла к сопутствующим повреждениям.

На основании этого экспертного заключения подсудимый был оправдан. Начальником бюро судебно-медицинской экспертизы, где была проведена первичная экспертиза трупа, было направлено служебное письмо прокурору области, в котором обращалось внимание на ряд следующих важных обстоятельств. Во-первых, судебно-медицинский эксперт, производивший исследование трупа, не изымал и не направлял на судебно-гистологическое исследование фрагменты сердца, что подтверждается и перечнем объектов, перечисленных при поступлении в судебно-гистологическое отделение. Во-вторых, на микрофотографии, обозначенной как участок с инфарктом миокарда, отчетливо прослеживается структура поперечнополосатой скелетной (!), а не сердечной мышечной ткани.

Оправдательный приговор суда был отменен, а затем новым составом суда был вынесен обвинительный приговор.

Невозможно себе представить, чтобы высококвалифицированный патологоанатом мог допустить подобную грубую диагностическую «ошибку», но какого-либо расследования со стороны следственных органов не последовало. Это еще один из типичных примеров фальсификации экспертного заключения.

Фальсификация результатов судебно-химических исследований в нескольких наших наблюдениях касалась сокрытия положительных результатов обнаружения в посмертном биологическом материале этанола и наркотических веществ.

Так, по настоятельной просьбе представителя «управленческих структур» судебно-медицинской экспертизой в крови высокопоставленного чиновника, погибшего в результате ДТП, не было выявлено наличие этанола, в то время как по

показаниям свидетелей он в течение продолжительного времени до происшествия и непосредственно перед ним употреблял спиртные напитки.

Другое наше наблюдение касается наступления смерти регионального общественного деятеля при невыясненных обстоятельствах. Установить ее причину в бюро судебно-медицинской экспертизы (заметим, судебно-химическое отделение которого имело современное оборудование) не представилось возможным. При повторном же судебно-химическом исследовании крови и внутренних органов от трупа, выполненном в другом бюро судебно-медицинской экспертизы, в них была выявлена высокая концентрация героина.

Фальсификации путем игнорирования положительных результатов лабораторных и инструментальных исследований

В качестве примера приводим следующее наблюдение. Ведущий хирург областного медицинского центра, приступая к паллиативной операции эндоскопическим методом у тяжелой онкологической больной, произвел рассечение передней брюшной стенки, в ходе которого, не учтя выраженное истощение больной, повредил стенку брюшного отдела аорты. Смерть пациентки наступила от острой массивной кровопотери.

Не удовлетворенный выводами первичной и повторной комиссионной судебно-медицинской экспертиз, проведенной в бюро судебно-медицинской экспертизы другого региона, о наличии прямой причинной связи между действием хирурга и наступлением смертельного исхода, адвокат получил консультативное заключение специалиста у сотрудников одной из ведущих кафедр судебной медицины. В нем категорически утверждалось, что имел место самопроизвольный разрыв патологически измененной стенки аорты, «совпавший по времени» с началом оперативного вмешательства. При этом сотрудники кафедры, анализируя представленный им материал, как бы «упустили из виду» данные медико-криминалистического исследования повреждения на стенке аорты, которое по механизму образования было отнесено к разряду резаных повреждений. Результат проведенного исследования был зафиксирован на качественно выполненном фотоснимке. Таким же образом были как бы «упущены из виду» результаты

проведенного судебно-гистологического исследования, не выявившего патологических изменений стенки аорты в зоне ее повреждения.

Судом был вынесен обвинительный приговор, который опирался на объективные заключения государственных судебно-медицинских экспертных учреждений.

Второй пример касается игнорирования данных судебно-химического исследования.

В цехе покраски судостроительного завода, на рабочем месте, во время производственного процесса скончался рабочий, страдавший хроническим сердечно-сосудистым заболеванием.

Судебно-медицинский эксперт при проведении исследования трупа выявил серьезную патологию сердца, но учитывая обстоятельства смерти, совершенно правильно направил кровь и часть внутренних органов в судебно-химическое отделение для проведения целенаправленного поискового исследования. Проведенным исследованием в присланных биологических объектах было установлено содержание токсических химических компонентов, входящих в состав корабельной краски.

Судостроительный завод являлся одним из ведущих и приносящих существенный доход в бюджет предприятий города. Производственная травма со смертельным исходом, расцениваемая как чрезвычайное происшествие, грозила для предприятия серьезными штрафными санкциями и лишением премий трудовому коллективу.

Судебно-медицинский эксперт при молчаливом согласии городской прокуратуры пошел навстречу просьбе руководства завода. Проигнорировав положительные результаты судебно-химического исследования, сознательно не отразил сведения о них в экспертном документе и дал заключение о наступлении смерти в результате имевшей место при жизни сердечной патологии. В качестве подтверждения факта сокрытия действительно имевших место объективных медицинских данных и фальсификации во втором (архивном) экземпляре экспертного заключения причина смерти была указана правильно – смерть потерпевшего наступила в результате ингаляционного отравления.

Вновь назначенный прокурор города, изучив материалы расследования данного происшествия, пришел к выводу о фальсификации судебно-медицинского заключения. В устной форме он потребовал от начальника бюро

увольнения допустившего фальсификацию судебно-медицинского эксперта. Однако закономерного в таких случаях возбуждения уголовного дела за дачу заведомо ложного заключения не последовало.

Проверкой крупного регионального бюро судебно-медицинской экспертизы было установлено, что короткие сроки проведения судебно-медицинских исследований и экспертиз трупов достигались не путем оптимизации экспертного процесса, а посредством их массового завершения без результатов дополнительных судебно-гистологических исследований. Они же, по мере их завершения, прикладывались ко вторым (архивным) экземплярам уже официально законченных судебно-медицинских исследований и экспертиз трупа.

В результате в целом ряде случаев скоропостижных смертей, отравлений этанолом и угарным газом, транспортной травмы, механической асфиксии и даже убийств, при установлении судебно-медицинского диагноза и составлении выводов не учитывались выявленные при судебно-гистологическом исследовании морфологические проявления сердечно-сосудистой патологии, включая алкогольную кардиомиопатию, пневмонии, хронические заболевания печени и почек, онкологические заболевания и пр.

В некоторых случаях выводы экспертов о наступлении смерти от острого отравления этанолом, особенно при невысоких его концентрациях в крови, без учета данных судебно-гистологического исследования вызывали сомнения.

Несомненно, что при расследовании дорожно-транспортных происшествий с гибелью водителя транспортного средства для следствия представляет интерес наличие у него при жизни различных острых и хронических заболеваний.

В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства отсутствие в заключении эксперта по результатам судебно-медицинской экспертизы трупа результатов судебно-гистологического исследования изъятых фрагментов органов и тканей может послужить основанием для назначения дополнительных и повторных экспертиз, что удлиняет сроки следствия и нарушает принцип осуществления судопроизводства в разумные сроки.

Сокращение сроков выполнения экспертиз, поощряемое материальным и моральным

вознаграждением экспертов, но достигаемое искусственно за счет неиспользования возможностей дополнительных лабораторных и инструментальных исследований, мы расцениваем как корыстное действие, а установление вследствие этого неверного судебно-медицинского диагноза и неполноту выводов экспертного заключения, как его фальсификацию.

Фальсификация путем нарушения требований нормативных правовых документов, регулирующих судебно-медицинскую экспертную деятельность

Несколько раз мы наблюдали нарушение судебно-медицинскими экспертами ст. 27 «Медицинских критериев определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (утв. приказом Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н).

Согласно данной статье, «степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не определяется, если:

- в процессе медицинского обследования живого лица, изучения материалов дела и медицинских документов сущность вреда здоровью определить не представляется возможным;
- на момент медицинского обследования живого лица не ясен исход вреда здоровью, не опасного для жизни человека;
- живое лицо, в отношении которого назначена судебно-медицинская экспертиза, не явилось и не может быть доставлено на судебно-медицинскую экспертизу либо живое лицо отказывается от медицинского обследования;
- медицинские документы отсутствуют либо в них не содержится достаточных сведений, в том числе результатов инструментальных и лабораторных методов исследований, без которых не представляется возможным судить о характере и степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Для примера приводим следующее наблюдение. Судебно-медицинский эксперт пришел к выводу о причинении потерпевшему закрытой черепно-мозговой травмы, сопровождавшейся сотрясением головного мозга, вследствие удара тупым твердым предметом в область нижней челюсти и квалифицировал это повреждение как причинившее легкий вред здоровью.

При этом экспертом был полностью проигнорирован тот факт, что диагноз сотрясения головного мозга в стационаре был установлен при отсутствии соответствующих анамнестических и клинических данных, так же не было выявлено каких-либо объективных медицинских признаков травмы области нижней челюсти, кроме ее болезненности при пальпации.

В ходе проведения повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы с участием врача-невролога диагноз сотрясения головного мозга не был подтвержден.

Наблюдались случаи нарушения ст. 23 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [6]. В государственных экспертных учреждениях при проведении повторных комиссионных судебно-медицинских экспертиз в выводах полностью игнорировались результаты специального исследования одного из членов экспертной комиссии, имеющие определяющее значение для установления факта имевшей место травмы.

По факту наступления смерти эксперта-химика одного из территориальных органов ФСКН России была завершена служебная проверка, которая содержала выводы о возможной причастности погибшего к хищению и незаконному потреблению вверенных ему по роду служебной деятельности наркотических средств. К таким выводам комиссия, проводившая служебную проверку, пришла на основании результатов проведения судебно-медицинской экспертизы, которая кроме основного заболевания – острой сердечной недостаточности, явившейся непосредственной причиной смерти, выявила в ходе лабораторных исследований наличие в органах и тканях умершего метаболитов наркотических средств опийного ряда, в совокупности с веществом типа хинина, которое, по мнению оперативного работника УСБ, включенного в состав комиссии, использовалось для «разбодяживания» наркотического средства непосредственно перед употреблением. Какая-либо должная оценка факта наличия метаболитов наркотика опийного ряда в заключении судебно-медицинского эксперта отсутствовала, что позволило оперативным работникам направить свои «усилия» на «изобличение» умершего сотрудника в совершении преступлений и установление соучастников из числа его сослуживцев. Проводимые

при этом опросы сотрудников и родственников умершего, обследование помещений по местам жительства и работы никаких результатов не дали, но вызвали нежелательный общественный резонанс. Погибший сотрудник ранее характеризовался положительно и пользовался заслуженным авторитетом. Руководством службы было принято решение о направлении материалов проверки в Следственный комитет России. В процессе утверждения заключения о результатах служебной проверки у руководителя Департамента организационно-региональной деятельности ФСКН России возникли вопросы в части полноты судебно-медицинского исследования трупа, так как в распоряжение эксперта была предоставлена лишь медицинская карта, находившаяся в ведомственной поликлинике. Вопрос о состоянии здоровья сотрудника непосредственно перед его смертью дополнительно не исследовался. В ходе дополнительной служебной проверки было установлено, что указанный сотрудник незадолго перед смертью, находясь в очередном отпуске, проходил санаторно-курортное лечение в одном из ведомственных санаториев, где сильно простудился, ему поставили диагноз «бронхит» и выписали кодеин содержащие противокашлевые лекарственные препараты, что и послужило причиной образования в его организме соответствующих метаболитов опийного ряда и хинина. Выводы служебной проверки были изменены, а родным и близким покойного были принесены соответствующие извинения. Таким образом, недостаточно полное объяснение возможных причин образования метаболитов наркотических средств опийного ряда, непрофессиональная трактовка выводов экспертизы оперативным и руководящим составом службы чуть не привели к грубому нарушению конституционных прав погибшего, а также его родных и близких.

Отдельно хотелось бы отметить существование пограничных между экспертной ошибкой и дачей заведомо ложного заключения случаев, когда эксперт уже осознал характер допущенной им ошибки, но из определенных соображений продолжает добросовестно настаивать на сделанных им ошибочных выводах.

Факт фальсификации экспертного заключения, как доказательства по делу, с морально-этической точки зрения является недопустимым и аморальным проступком, а с правовой точки

зрения – уголовно наказуемым деянием. По нашему мнению, лицо, совершившее такое деяние, не может в дальнейшем пожизненно осуществлять свою профессиональную деятельность в качестве судебного эксперта, что требует внесения соответствующих поправок в законодательство о судебно-экспертной деятельности.

Организация планомерной работы по предупреждению и выявлению проявлений фальсификации в судебно-медицинской экспертной деятельности, в том числе путем исключения негативных воздействий со стороны региональных органов управления, правоохранительных органов и суда, а также негативных «корпоративных» связей может быть обеспечена посредством проведения следующих мероприятий:

1. Внесение в законодательство Российской Федерации о судебно-экспертной деятельности соответствующих поправок, лишающих пожизненно лиц, совершивших фальсификацию заключения эксперта (специалиста), права заниматься государственной и негосударственной судебно-экспертной деятельностью.
2. Централизация административно-контрольного регулирования судебно-медицинской службы в системе Министерства здравоохранения Российской Федерации в виде создания федеральных окружных государственных судебно-медицинских экспертных учреждений и развития инфраструктуры государственных судебно-медицинских экспертных учреждений субъектов Российской Федерации в рамках реализации распоряжения Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 3225-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию организации и производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в Российской Федерации» [9] и основного мероприятия «Развитие государственной судебно-медицинской экспертной деятельности» VI направления (подпрограммы) «Экспертиза и контрольно-надзорные функции в сфере охраны здоровья», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении

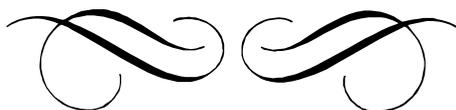
- государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [8].
3. Наделение главных внештатных специалистов по судебно-медицинской экспертизе Минздрава России и федеральных округов, а также руководителя ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, помимо организационно-методических функций, административно-контрольными функциями.
 4. Безусловное обеспечение руководителями государственных судебно-экспертных учреждений соблюдения федерального законодательства и иных нормативных правовых актов, регулирующих государственную судебно-экспертную деятельность.
 5. Создание в государственных судебно-медицинских экспертных учреждениях службы собственной безопасности, без наделения ее сотрудниками оперативно-розыскными полномочиями.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. – М., 2020.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2020.
6. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (часть II). – Ст. 373.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 3225-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию организации и производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в Российской Федерации» // <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-27122019-n-3225-r-ob-utverzhenii/>
10. Приказ Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – 2008. – № 188. – 5 сентября.
11. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // Российская газет. – 2010. – № 186. – 20 августа.
12. Баринов Е.Х., Добровольская Н.Е., Михеева Н.А., Ковалев А.В., Поздеев А.Р., Ромодановский П.О., Черкалина Е.Н. Ненадлежащее оказание медицинской помощи. Судебно-медицинская экспертиза: Учебное пособие / Под ред. П.О. Ромодановского, А.В. Ковалева, Е.Х. Баринова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. – 144 с.
13. Вермель И.Г. О логических ошибках в судебно-медицинских заключениях // Судебно-медицинская экспертиза. – 1967. – № 1. – С. 26-30.
14. Владимиров В.Ю. Наука «на службе» следствия. Печальный опыт «черной» криминалистики // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С.150-159.
15. Владимиров В.Ю., Ковалев А.В. Актуализация судебно-экспертной проблематики // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С.115-121.
16. Владимиров В.Ю., Ковалев А.В., Горбулинская И.Н. Судебно-экспертная деятельность в современном уголовно-процессуальном пространстве России // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 23-24 июня 2017 г. / Под ред. П.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. – СПб.- Красноярск: Центр социальных и

- правовых технологий, 2018. – С.298-304.
17. Владимиров В.Ю., Ковалев А.В., Романенко Г.Х., Забродский Я.Д. К вопросу о необходимости совершенствования правового обеспечения судебно-экспертной деятельности // *Эксперт-криминалист*. – 2018. – № 4. – С. 6-9.
 18. Владимиров В.Ю., Заславский Г.И., Ковалев А.В., Сальников М.В., Чёрный Я.А. Внимание! Подделка: фальсификация в судебно-медицинской деятельности как проблема // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 11. – С.48–61.
 19. Заславский Г.И. Организация и методы управления судебно-медицинской службой крупного региона: Автореф. дис. ... докт. мед. наук. – М., 1997. – 32 с.
 20. Заславский Г.И., Захарцев С.И., Ковалев А.В., Сальников М.В., Черный Я.А. Организация службы собственной безопасности в государственных судебно-медицинских экспертных учреждениях // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 6. – С.144-158.
 21. Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: Методические рекомендации. – М.: Минздрав России, 2015. – 26 с.
 22. Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: Методические рекомендации (2-е издание, переработанное и дополненное). – М.: Минздрав России, 2017. – 32 с.
 23. Ковалев А.В. Судебно-медицинская служба России начала XXI столетия: состояние, проблемы, пути решения, нормативно-правовое регулирование деятельности // *Труды VII Всероссийского съезда судебных медиков*, 21-24 октября 2013 года. – М.: Голден-Би, 2013. – Т. 1. – С.13-55.
 24. Ковалев А.В., Лобан И.Е. Управление государственной судебно-медицинской деятельностью в России как научная проблема: краткий исторический анализ и перспективы исследования // *Судебно-медицинская экспертиза*. – 2018. – № 5. – С. 4-13.
 25. Ковалев А.В., Плетянова И.В. Выявление дефектов оказания медицинской помощи по так называемым объективным данным // *Судебно-медицинская экспертиза*. – 2015. – № 3. – С.48-51.
 26. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Макаров И.Ю. Методологический анализ основных понятий и терминов, используемых в судебно-медицинской баллистике, и наиболее часто встречающиеся при их применении ошибки // *Судебно-медицинская экспертиза*. – 2019. – № 6. – С.4-9.
 27. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Минаева П.В. Медицинские услуги: криминализация и границы разумного // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы XVI международной научно-практической конференции*, Москва, 24-25 января 2019 г. – М.: Проспект, 2019. – С.608-614.
 28. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Минаева П.В. О необходимости законодательного закрепления роли и возможностей судебной экспертизы в установлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений // *Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: Материалы III международной научно-практической конференции*, Москва, 28-29 марта 2019 г. // *Вопросы экспертной практики (информационный бюллетень): Специальный выпуск*. – 2019. – Март. – С.285-290.
 29. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Минаева П.В. О необходимости унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // *Энциклопедия судебной экспертизы: Научно-практический журнал*. – 2019. – № 1 (20). – С. 5-14.
 30. Ковалев А.В., Молин Ю.А., Шевалдышев Д.И. Источники ошибок лучевой диагностики часто встречающихся переломов и пути их профилактики // *Теория и практика судебной медицины: Труды Санкт-Петербургского научного общества судебных медиков*. – СПб.: Б.и., 2003. – Вып. 7. – С.133-135.
 31. Ковалев А.В., Налетова Д.М., Белянский К.Д. Современное состояние вопроса экспертного исследования медицинских документов в случаях смерти от травмы в медицинских организациях в отдаленном посттравматическом периоде // *Судебно-медицинская экспертиза*. – 2016. – № 2. – С.44-46.
 32. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Горбулинская И.Н., Романенко Г.Х. Правовые и организационно-тактические вопросы взаимодействия органов предварительного расследования, суда и государственных судебно-экспертных учреждений при назначении и проведении судебных экспертиз // *Вопросы экспертной практики. Специальный выпуск. Информационный бюллетень: Материалы II Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы»*, 26-27 октября 2017 г., Москва. – М.: Б.и., 2017. – С.135-142.
 33. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю., Савчук С.А., Романенко Г.Х. Судебная экспертиза как основополагающий элемент криминалистической характеристики преступления // *Энциклопедия судебной экспертизы*. – 2018. – № 1 (16). – С.25-33.
 34. Ковалев А.В., Макаров И.Ю., Владимиров В.Ю., Забродский Я.Д. О необходимости унификации правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // *Достижения российской*

- судебно-медицинской науки XX-XXI столетия: к 100-летию со дня образования современных судебно-экспертных школ. Труды VIII Всероссийского съезда судебных медиков с международным участием, 21-23 ноября 2018 г., Москва. Т. 1. // Под общ. ред. д.м.н. А.В. Ковалева. – М.: Принт, 2019. – С.78-84.
35. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
36. Лобан И.Е., Попов В.Л. Ошибки в судебно-медицинской деятельности // Судебно-медицинская экспертиза. – 2013. – № 3. – С.43-45.
37. Макушина Г.Е., Вермель И.Г., Кочнева А.Г. Понятие, причины и профилактика экспертных ошибок // Судебно-экспертное исследование человека и его деятельности: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1985. – С.104-109.
38. Теньков А.А. Ошибки судебно-медицинских экспертов и пути их предотвращения: Практическое руководство. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2014. – 548 с.
39. Федченко Т.М., Гагаров Н.Н., Дмитриева О.А. Причины экспертных ошибок при производстве судебно-медицинских экспертиз // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы: Материалы научных исследований кафедр судебной медицины г.г. Хабаровска, Владивостока и Ленинграда, бюро судебно-медицинской экспертизы Дальнего Востока. – Хабаровск: Дальневосточный государственный медицинский университет, 2000. – С.9-10.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: shtevnin.i@gmail.com

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Государственный советник юстиции 1 класса (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

ШТЕВНИН Илья Сергеевич,
факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: shtevnin.i@gmail.com

Специальность 12.00.09-Уголовный процесс

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы, касающиеся нормативного закрепления и практики применения принципа состязательности сторон в уголовном процессе. Освещаются проблемы его реализации и делается попытка привлечь внимание практиков к данной проблеме. Отмечается, что принцип состязательности наилучшим образом характеризует сущность судебного процесса, придает решению суда силу особой убедительности и повышает его правовую и социальную значимость.*

***Ключевые слова:** принципы права; принцип состязательности сторон; процессуальные права сторон; равноправие сторон; реализация принципов.*

**BEZRYADIN V.I.
KONDRAT I.N.
SHTEVNIN I.S.**

PROBLEMS RELATED TO THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE

The summary. The article considers issues related to the normative consolidation and practice of applying the principle of adversarial parties in criminal proceedings. The problems of its implementation are highlighted and an attempt is made to draw the attention of practitioners to this problem. It is noted that the adversarial principle best characterizes the essence of the judicial process, gives the court decision the power of special persuasiveness and increases its legal and social significance.

Key words: principles of law; adversarial principle; the procedural rights of the parties; equality of the parties; implementation of the principles.

Система принципов уголовного судопроизводства, прежде всего, определяет содержание уголовно-процессуальных норм и уголовно-процессуальной деятельности, призвана обеспечить единообразную практику их применения. В этом плане реализовать свое назначение принципы могут как в случае прямого закрепления в законе, так и если они будут вытекать из анализа отдельных уголовно-процессуальных норм [2; 5; 29; 30; 31; 42].

Как известно общественные отношения более динамичны, изменчивы, нежели регулирующие их нормы права. Именно поэтому законодатель просто не в состоянии своевременно регламентировать, урегулировать все возникающие и постоянно развивающиеся в обществе отношения. В таких условиях на помощь приходят основополагающие идеи, принципы, которые как закреплены в действующем законодательстве, так и вытекающие из ее анализа. Только они, но на наш взгляд, призваны оградить личность от произвола и беззакония. При этом важно, чтобы они образовывали независимо взаимосвязанную, взаимосогласованную систему, нормативного закрепления. Только в этом случае принципы смогут реализовать свое практическое назначение [46, стр. 27-30]

Для соблюдения прав личности первостепенное значение имеет законность и обоснованность избрания, изменения и отмены мер пресечения при расследовании уголовных дел [55, стр. 164-179].

Проблема законности в правовой теории привлекала и привлекает внимание многих авторов. Это вполне объяснимо, поскольку по своей теоретической сущности законность, как правовое явление, характеризуется определенной сложностью и большим многообразием, а по практической значимости – неуывающей

актуальностью. В определении понятия законности в юридической научной литературе нет единого мнения, что является достаточно проблематичным.

Вместе с тем, с определенной долей условности законность можно понимать в следующей интерпретации:

- как комплексное политико-правовое явление, отражающее «правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую связь права и власти, права и государства» [54, стр. 437];
- «законность и принцип деятельности государственных органов – своеобразный политико-правовой режим и строгое требование соблюдения законов» [43, стр. 390];
- «под законностью понимается строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права существующих в стране законов и основанных на них подзаконных нормативных актов. Ключевым словом здесь выступает соблюдение. Именно в нем изначальный смысл и суть рассматриваемого явления в любой его интерпретации. Нет соблюдения – нет и законности» [33, стр. 412];
- «законность может рассматриваться как принцип, метод, режим соответствия правореализационной деятельности всех субъектов права положениям Конституции РФ, не противоречащих ей законов, подзаконных актов и иных источников права» [36, стр. 436];
- «законность имеет место не в том государстве, где не нарушаются законы, а в том государстве, где такие правонарушения пресекаются с помощью правовых средств» [39, стр. 454];
- «законность... в состоянии связывать

государственный аппарат и его должностных лиц требованием строго соблюдения законов – в тех случаях, когда оказывается политико-юридическим принципам деятельности всей системы государственных органов [57, стр. 159];

- «законность есть категория емкая, многоаспектная. На практике ее надо охранять от нарушений путем профилактики правонарушений. Профилактика нарушений законности означает выявление причин и условий нарушения законности и устранения их» [25, стр. 234];
- точное и неуклонное соблюдение и исполнение «законов, иных нормативно-правовых актов всеми государственными органами, негосударственными организациями и гражданами» [32, стр. 423];
- правовой режим «жизнедеятельности общества, в рамках которого осуществляется принятие и обеспечивается реализация законов и других правовых актов» [45, стр. 145];
- «законность может рассматриваться в качестве явления (юридического состояния); принципа юридической деятельности и, наконец, правового режима, обеспечивающего законосообразное поведение субъектов правоотношений и вместе с тем оказывающего эффективное противодействие принятию и применению законодательных актов, противоречащих общим принципам законности» [53, стр. 270].

Другими словами, законность предполагает многообразие научных подходов к ее пониманию. В теории права предпринимались попытки сформулировать универсальное определение законности. В частности, профессор М.И. Байтин на заре нового века определял законность как «принцип, метод, режим формирования и функционирования правового государства и гражданского общества, в основе которых лежит точное соблюдение и исполнение законов всеми государственными и муниципальными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами» [4, стр. 246].

Интересное замечание по поводу понимания законности делает профессор Р.Ш. Сотиволдиев из Таджикистана. Изучив подходы исследователей к анализу законности на постсоветском пространстве [3; 18; 19; 20; 34; 44], он обращает

внимание на то, что «ныне в большинстве постсоветских стран сложилось конституционное понимание законности. Постсоветское конституционное правопонимание исходит из того, что законность – это соблюдение конституции и законов. Причем конституционные положения о законности закреплены в постсоветских конституциях, главах или статьях, посвященных верховенству конституции и закона.

Теперь законность не ограничивается, – *подчеркивает исследователь*, – только законами. Законы в современных условиях предполагают соблюдение, как конституции, так и законов. Такое понимание законности вызвано тем, что в условиях формирования правового государства конституция занимает высокое место в иерархии нормативных правовых актов государства. Соблюдение конституции предполагает, с одной стороны, соблюдение всех конституционных норм и предписаний, особенно в сфере прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, соблюдение конституции – залог соответствия всех законов и иных нормативных правовых актов конституции страны, т.е. обеспечение конституционной законности, как показателя реализации идеи правового государства.

Законность в нынешних условиях не может ограничиваться соблюдением только лишь законов. Законность в современном ее понимании – это соблюдение как конституции, так и законов. А это предполагает, в свою очередь, соблюдение строгой иерархии нормативных правовых актов во главе конституции и законов.

Конституция, как известно, – основной закон государства. Но в рамках используемого ныне конституционного правопонимания конституция при определении законности выделяется отдельно от законов. Такой подход вызван тем, чтобы отдельно подчеркнуть главенство конституции в системе нормативных правовых актов, ее верховенство и значение.

Законность, как соблюдение конституции, означает, – *продолжает Р.Ш. Сотиволдиев*, – прежде всего, соблюдение конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина. Это означает также соблюдение всех остальных конституционных норм, устанавливающих основы конституционного строя, порядок организации и деятельности органов законодательной, исполнительной, судебной власти, иных государственных органов и институтов местного

самоуправления.

В рамках конституционного правопонимания законность подразумевает верховенство конституции и закона в системе нормативных актов: соответствие всех законов конституции как основному закону и всех подзаконных нормативных актов конституции и законам [50, стр. 377-378].

Обратив внимание на конституционное понимание законности, профессор Р.Ш. Сотиволдиев ведет речь о широком распространении в постсоветской литературе понятия «конституционная законность», под которой «понимается верховенство Конституции в системе нормативных актов» и соответствие ей всех законов и подзаконных актов. Кроме того, обязанность конституционных судов по обеспечению конституционной законности [50, стр. 378].

Подчеркнув конституционный характер понимания законности, профессор Р.Ш. Сотиволдиев приходит к следующему ее определению: «это соблюдение конституции и законов государством, его органами, должностными лицами, гражданами, иными индивидами, общественными формированиями, органами местного самоуправления» [50, стр. 379].

Учитывая то обстоятельство, что «законность существует только потому, что есть право как конституционное образование», в учебнике под редакцией В.В. Лазарева и А.Г. Хабибулина, законность определяется таким образом: «законность есть режим обеспечения жизни, который характеризуется верховенством в ней закона, безусловным исполнением его требований гражданами и должностными лицами, наличием специальных механизмов, гарантирующих безопасность и защиту личности от произвола, беспрепятственное осуществление гражданских прав и свобод» [52, стр. 481].

Нельзя обойти стороной тот подход к пониманию законности, который предлагается в Академическом курсе «Общая теория государства и права», многократно издававшемся под редакцией профессора М.Н. Марченко. Здесь читаем следующее: «Законность означает идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства, в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве». То есть в данном случае обращается внимание на особую роль законности в процессе правотворчества, в том числе в сфере ведомственного

нормотворчества, когда предполагается не только его полнота, беспробельность, непротиворечивость и т.д., но и последовательная реализация и воплощение «в нем права, адекватно выраженного в нормах конституций и других законов, направленных на обеспечение неотъемлемых прав и свобод человека, на достижение социальной справедливости, сочетания личных, общественных и иных интересов» [38, стр. 185].

Что касается сочетания интересов различных групп населения в государстве, то применительно к России данное обстоятельство активно разрабатывается такими российскими исследователями, как профессора В.П. Сальников, Д.В. Масленников, С.И. Захарцев и А.Д. Керимов, в рамках обоснования суверенной государственно-правовой идеологии и философии права [15; 27; 35; 48; 49]. При этом они подчеркивают необходимость и важность поиска согласия между людьми и их интересами, говорят о «необходимости достижения в обществе согласия большинства, меньшинства представителей социума, и отдельной личности», обращают внимание «на необходимость добиваться этого согласия», показывают значимость прежде всего необходимости достижения общественного согласия «по вопросу о базовых нравственно-правовых ценностях, на которых может быть основана суверенная правовая идеология. Важно при этом понимать, обращают внимание исследователи, что «есть основополагающие вопросы, к которым относятся базовые ценности, ценности национального согласия (консенсуса), которые, - по мнению указанных мыслителей, - не подлежат обсуждению (можно вспомнить мысль Гоббса о том, что общественный договор не имеет обратной силы): государство и его суверенитет, традиционная семья, человек как социальная ценность и др.» [22].

Законность нарушается тогда, когда принимаются подзаконные (локальные) нормативные правовые акты, носящие ведомственный или региональный характер, противоречащие конституционным положениям, нормам закона. Нельзя ущемлять интересы и права граждан в угоду региональным ведомственным установкам. Примеров таких нарушений, к сожалению, было достаточно много в начале XXI века в России. Тогда возникла необходимость взять под контроль данную ситуацию Президентом Российской Федерации и его полномочными

представителями по федеральным округам [23; 24]. Появилась острая необходимость тесного увязывания законности с вопросами законотворчества, в том числе и локального законотворчества ведомств и субъектов Российской Федерации, распространить режим законности в том числе и на данную сферу деятельности государства, его органов и субъектов.

Конечно, здесь можно видеть известное противоречие применительно к традиционному пониманию законности и ее принципов: с одной стороны, утверждается как бы верховенство закона, с другой – принижается его значение, так как в сфере локального нормотворчества и правоприменения речь идет о нормах всех правовых актов, безотносительно к их происхождению. В связи с этим в научной литературе высказывалось мнение, что понимание законности как исполнения всех нормативно-правовых актов, всех правовых норм, как бы объективно принижает значение закона в системе нормативно-правовых актов государства. Закон якобы низводится до уровня подзаконного акта [38, стр. 186].

По нашему мнению, роль и место закона в системе нормативно-правовых актов давно и однозначно определены отечественными учеными. Хорошо известно, что закон обладает рядом юридических и иных свойств, которых нет у других нормативных актов. Но если иные нормативные акты соответствуют Конституции и законам, то они также приобретают, на наш взгляд, характер обязательности исполнения. Именно поэтому, вероятнее всего, и была выработана исследователями компромиссная позиция, о чем указывается в Академическом курсе, по поводу подходов к пониманию законности – широкого и узкого. «Узкое понятие законности означает требование соблюдать законы государства, широкое – не только законы, но и все подзаконные акты» [38, стр. 187].

В этом плане показательна позиция классика уголовно-процессуальной науки, членкорреспондента АН СССР М.С. Строговича. Он, рассматривая сущность законности как соблюдения и исполнения именно законов, в то же время доказывал, что из такого подхода вытекает и необходимость соблюдения и подзаконных актов, которые соответствуют законам, изданным на основе и в соответствии с законом и во исполнение его [51, стр. 111].

Из предложенного выше анализа подходов

к пониманию законности можно сделать вывод о том, что в юридической литературе сложилась многогранность оценки данного социального явления. Это то, что применительно к правопониманию профессора В.П. Сальников и С.И. Захарцев называют компрегендной доктриной, т.е. всеохватывающим подходом к изучаемой ситуации [7; 10; 11; 12; 13; 16].

Данные тенденции, свойственные современному научному поиску, безусловно, важно учитывать при исследовании роли законности в уголовном судопроизводстве.

Требование строгого соблюдения и исполнения норм уголовно-процессуального закона является важнейшей составляющей законности в уголовном процессе. Тем не менее, содержание принципа законности не сводится лишь к общеобязательности норм. Законность признается общеправовым принципом. Как основополагающее начало законность является основой всех принципов уголовного процесса и каждого принципа в отдельности. Принцип законности охватывает всю систему принципов, а все принципы выражают ее существо. Процессуальные принципы не дополняют принцип законности, а выражают и конкретизируют его. Собственно, процессуальные принципы – это принципы реализации законности в уголовном процессе. Именно поэтому соотношение законности и принципов в уголовном процессе можно представить, как общее и частное.

Известно, что можно иметь очень хорошие и совершенные правовые предписания, однако если они не будут точно и неуклонно выполняться, то вряд ли можно будет говорить о какой-либо законности. Именно поэтому столь большое внимание уделяется, как совершенствованию законодательства, так и точному и неуклонному его исполнению на досудебных и судебных этапах уголовно-процессуального законодательства современной России. Таким образом, законность одинаково значима и в процессе правотворчества (включая локальное нормотворчество) и в условиях реализации права в контексте уголовного судопроизводства.

Несмотря на целый комплекс объективно существующих у нас гарантий обеспечения законности, постоянная деятельность по ее утверждению является сегодня, в условиях стремления к правовому государству, стабильной необходимостью. Законность имманентна

демократическому строю, последовательное ее укрепляют органической закономерностью развития правового Российского государства. Однако иногда возникает неправильное представление, предполагающее, что вопрос об укреплении законности может быть снят, что она укрепляется автоматически в силу поступательного развития российского общества и государства. По этому поводу справедливо отмечается, что «социальные и экономические общественные закономерности никогда не проявляются автоматически, они никогда не исключают, а всегда предполагают активную деятельность людей» [37, стр. 54]

Другой научной проблемой является соотношение понятий законности и легитимности. Последнее в общей теории права, а тем более в уголовно- процессуальной науке, остается недостаточно разработанным. Если законность характеризует нормативные акты относительно права, то легитимность отражает соответствие закона в определенное время конкретному типу общественного правосознания. И все же нет на наш взгляд достаточных оснований для противопоставления понятий законности и легитимности, исходя из ряда следующих аргументов. Так, понятие легитимности больше по объему и включает в себя понятие законности. Легитимность характеризует систему: общество – право, а поведение субъектов законность охватывает систему: 1) право общественной жизни и 2) право – нормативные акты. Если законность выступает свойством права, а последнее исходная для нее категория, то легитимность выступает за рамки права и способна его характеризовать с точки зрения конкретного общества. Более того законность ориентирует законодателя и правоприменителя на предмет уголовно- процессуального регулирования, а легитимность охватывает этот предмет с позиции «объекта» регулирования. Поэтому понятие легитимности уголовно- процессуального права нуждается в дальнейшем научном исследовании.

Следует отметить, что понятие законности, как мы уже показывали, трудноопределимо в уголовно- процессуальной науке и даже в правовой теории в целом. В связи с этим вряд ли стоит какому-либо определению претендовать на окончательное решение проблемы, поскольку любая формулировка неизбежно огрубляет действительность, выделяя только существенные

признаки понятия.

Законность должна, на наш взгляд, характеризовать установления государства, противоправные законодательные решения как одну из причин (условий) необоснованного привлечения людей к уголовной ответственности и других явлений презрения к основаниям права.

В связи с этим профессор В.М. Савицкий отмечал, что принцип законности проявляет себя в обычном производстве по уголовному делу: законность – это реализуемое в предусмотренных законом процессуальных формах движение уголовного дела, последовательный переход его из одной стадии в другую [47].

Данное определение раскрывает понятие законности в плоскости правового режима, в то же время подчеркивается значение процессуальной формы. Но на наш взгляд, оно не является достаточно полным.

Согласно определению Т.К. Примака, законность – это принцип, общеобязательное требование, метод, режим и состояние неукоснительного соблюдения, исполнения и применения законов и основанных на них правовых актов всеми участниками общественных отношений во всех сферах общественной жизни [41].

Однако, как нам кажется, это выражение подчеркивает лишь многоаспектность законности, но не отражает соотношения этих аспектов. Кроме того, представляется, что в нем отсутствует выделение правового содержания законов.

Наиболее полное определение понятия законности, мы полагаем, дано В.В. Клочковым, который считает, что законность – это совокупность требований общества и государства к праву, к деятельности государства и всех других участников общественных отношений, а также реальное осуществление этих требований в правотворческой, правоприменительной и иной деятельности государственных органов и должностных лиц, в поведении граждан и деятельности иных участников общественных отношений [28].

Данное определение выделяет, на наш взгляд особое значение законности в деятельности государственных органов. Тем не менее, с учетом признаков понятия законности и их соотношения, представляется не совсем точным употребление термина право в значении законодательство (если под правом понимать социальное явление, то

требования к нему некорректны).

Следует акцентировать внимание на то, что главным недостатком многих определений, на наш взгляд, является одностороннее освещение связи принципа законности с правовым режимом как должного с сущим, когда режим признается следствием принципа. При этом не учитывается предварительное движение от режима законности к одноименному принципу.

Законность выступает конкретизацией понятия уголовно-процессуального права, его аспектом, свойством, стороной и направлена на характеристику поведения участников уголовного процесса и содержания и формы нормативных актов относительно права. Сущность законности заключается в соблюдении всеми правосубъектными участниками общественных отношений правовых норм в самом широком смысле слова. Всеобщее исполнение права приводит к установлению правового режима, тождественного законности. Правовой режим в свою очередь выражается через общественное правосознание в совокупности основных начал принципов уголовно-процессуального права, которые составляют содержание принципа законности. Другими словами, принцип законности произведен от правового режима и не имеет самостоятельного содержания, а состоит из других процессуальных принципов. В то же время он является правовой нормой общего характера и служит критерием и основой для законодательства и для урегулирования отклоняющегося поведения участников общественных отношений, способствуя поддержанию правового режима. Применительно к правовому государству понятие принципа законности эквивалентно понятию верховенства права.

Данные признаки понятия законности можно представить в следующем определении: законность в уголовном процессе – это правовой режим производства по уголовным делам, заключающийся в соблюдении уголовно-процессуальных норм всеми правосубъектными участниками судопроизводства, который отражен через общественное правосознание в системе уголовно-процессуальных принципов.

Это понятие, как представляется имеет общий, абстрактный характер, а из абстрактного нельзя непосредственно, без промежуточных звеньев вывести конкретное, ибо истина всегда конкретна [26].

Строгое соблюдение закона базируется на психологическом осознании необходимости проявления уважения к закону, на стремлении разрешить любой правовой вопрос и по «букве» и по «духу» закона, т. е. по совести принять справедливое решение. Это возможно в результате понимания того, что такая-то норма есть предписание не только формальное, но и нужное в данных условиях и в данный период времени. Большое значение в этой связи придается точному соблюдению закона теми органами и должностными лицами, официальная деятельность которых связана с применением законов, и особенно в той ее части, где она соприкасается с гражданами, так или иначе, затрагивая их права и интересы. Законная деятельность таких органов и лиц во многом предполагает воспитание уважения к закону, веру в него, в его силу со стороны граждан.

Проблемой в следственной практике является то, что не устранены случаи незаконного выбора и обоснования применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. Считаем, что судебный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод личности в сферах уголовного судопроизводства не только оправдан, но и необходим.

Суд приобрел право контроля за производством предварительного расследования уже на первоначальном его этапе, и нарушенные права и законные интересы обвиняемых (подозреваемых) могут быть восстановлены значительно раньше или предотвращены эти нарушения закона вовсе.

Будем справедливы, судебный контроль в известной мере ставит действия правоохранительных органов в более жесткие рамки, ограничивая их самостоятельность в принятии ряда решений.

В настоящее время нет единого ответа на вопрос о том, следует ли эти контрольные функции суда отнести к отправлению правосудия или иной деятельности суда.

Последовательная реализация в уголовном судопроизводстве принципа презумпции невиновности предполагает разрешение существующих в следственно-судебной практике проблем, связанных с недостаточной правовой регламентацией условий и порядка вынесения актов об оправдании в случае смерти подозреваемого (обвиняемого).

Согласно пункту 4 ч. 1 ст. 24 Уголовно-

процессуального кодекса РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. Закон не отмечает, каким именно образом должна определяться «необходимость продолжения расследования уголовного дела» в случае смерти подозреваемого или обвиняемого.

Судебная практика в некоторых случаях создает ошибочное представление о том, что эта «необходимость» связана с усмотрением должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. Так, в одном из решений Верховного Суда РФ указывается: «... Продолжение производства по уголовному делу в отношении умершего разрешается судом исходя из наличия оснований, с которыми УПК связывает необходимость производства по уголовному делу для реабилитации умершего», что подразумевает возможность прекращения производства по делу по усмотрению судьи.

Полагается, что последовательная реализация принципа презумпции невиновности предполагает проверку оснований для реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого) во всех случаях. Именно поэтому в судебной практике обоснованно подчеркивается, что для продолжения производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) не требуется заявление каких-либо ходатайств со стороны близких родственников умершего либо его защитника.

Как быть, если на момент смерти подозреваемого (обвиняемого) имеющиеся в деле данные не позволяют сделать однозначный вывод об отсутствии события преступления, состава преступления, виновности умершего в совершении преступления? Согласно позиции Верховного Суда РФ в случае смерти подсудимого производство по делу в отношении умершего может быть продолжено только в случаях, когда имеющиеся в деле данные дают очевидные основания сделать вывод об отсутствии события преступления, состава преступления, виновности умершего в совершении преступления.

По мнению Ю.Ю. Чурилова, дальнейшее производство по уголовному делу во всех случаях возможно и необходимо для принятия законного решения: прекращения уголовного

дела либо по пункту 4 ч. 1 ст. 24 (в случае доказанности совершения умершим преступления), либо по реабилитирующим основаниям (оправдания) [56].

Кроме того, в качестве обязательного условия продолжение производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) для обеспечения защиты его прав и интересов должно выступать участие в уголовном судопроизводстве защитника, а также представителя подозреваемого (обвиняемого) (одного из его близких родственников) с наделением его теми же процессуальными правами, которые имел подозреваемый (обвиняемый), в том числе правом обжалования принятого по делу решения, что требует внесения соответствующих дополнений в главу 7 УПК РФ.

По смыслу закона, по пункту 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело в отношении умершего может быть прекращено на любой стадии процесса, в том числе при обжаловании решения. Смерть осужденного, подавшего апелляционную, кассационную либо надзорную жалобу, не может являться основанием прекращения производства по жалобе, которая подлежит рассмотрению в общем порядке. В случае доказанной виновности лица, а также при условии, что осужденный умер до вступления приговора в законную силу, обвинительный приговор подлежит отмене, а дело прекращается по специальному основанию пункта 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Поэтому нельзя признать законной кассационную практику рассмотрения жалоб умерших осужденных, когда вопрос о доказанности вины не обсуждается и производство по делу формально превращается по пункту 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

При отсутствии доказательств совершения умершим преступления уголовное дело должно быть прекращено постановлением следователя (дознателя), а если подсудимый умер во время судебного разбирательства, выносится оправдательный приговор (в том числе при рассмотрении дела в апелляционном порядке в соответствии со статьей 367 УПК РФ) [40, стр. 211-214]

Поэтому необходимо внести изменения в главу 42 УПК РФ предусматривающие, что в случае смерти подсудимого и утвердительного ответа присяжными на вопросы, перечисленные в части 1 ст. 339 Кодекса, председательствующий вправе прекратить уголовное дело по основаниям п. 4 части 1 ст. 24 УПК РФ.

В теории уголовного процесса существуют различные суждения о сфере действия принципа состязательности. Отдельные авторы считают, что принцип состязательности распространяет свое действие исключительно на стадию судебного разбирательства, не утрачивая при этом значения принципа всего уголовного судопроизводства. Другая группа исследователей придерживается мнения о том, что принцип состязательности может действовать не только в стадии судебного разбирательства, но и в стадии предварительного расследования, поскольку для этого отсутствуют объективные препятствия.

Одним из признаков принципа уголовного процесса является действие его на всех стадиях производства по делу, если это не противоречит сути соответствующего принципа. Разделение основных функций как элемент принципа состязательности теоретически возможно не только на стадии судебного разбирательства, но и на других стадиях процесса.

Состязательность на стадии предварительного расследования – это способ исследования доказательств, способ отстаивания участниками процесса своей позиции по делу, осуществления ими своих прав и обязанностей, средство для установления истины, метод ее отыскивания.

Состязание позиций, интересов по делу, а не только сторон в суде, присуще всему уголовному процессу. Участники предварительного следствия состязаются не друг с другом, а выполняют различные уголовно- процессуальные функции, преследуя различные цели.

Теперь о проблемах реализации данного принципа на стадии предварительного расследования.

Говоря о состязательности применительно к данной стадии, следует заметить, что предварительное расследование ведет следователь. Он собирает все доказательства – уличающие и оправдывающие обвиняемого, смягчающие, отягчающие его ответственность – он одновременно обвиняет и защищает, также решает дело. Сосредоточение трех функций у одной процессуальной фигуры зачастую приводит к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности, их незаконному осуждению.

Такое отсутствие состязательности на предварительном расследовании обусловлено тем, что одна из сторон, выступающая в производстве по делу – сторона обвинения, выполняет функции, которые во многих других странах принадлежат

другим государственным органам, например, суду. До принятия ныне действующего уголовного законодательства Российской Федерации по УПК РСФСР санкцию на арест давал прокурор – лицо, к которому применялась санкция, при этом не присутствовало. Тем самым лицо, которое лишалось свободы, не могло ничего пояснить и защитить себя. Не присутствовала в ходе ареста и защита, адвокат не мог заявить ходатайства, высказать свое мнение по поводу ареста. То же происходило и при продлении срока содержания под стражей. Не спасала и судебная проверка законности и обоснованности избрания меры пресечения.

Для обеспечения состязательности присутствие защитника при проведении следственных действий обязательно. Поэтому не случайно функция прокурора на дачу санкции на заключение под стражу была передана суду.

Как известно, среди прочего следователь, выполняя функцию обвинения наряду с собиранием и исследованием доказательств по делу, должен полно, всесторонне и объективно исследовать доказательства. Вместе с тем, в юридической литературе бытует мнение о том, что как правило, на практике, преобладает обвинительная функция, что противоречит принципу состязательности. Некоторые исследователи полагают, что функцию обвинения должен выполнять прокурор. Следователь, приходя к выводу о виновности лица, мог бы направлять заключение прокурору для проведения дальнейших следственных действий: составление обвинительного заключения, предъявление обвинения и направление дела в суд.

В настоящее же время следователь продолжает фактически оставаться стороной обвинения. Ему свойственен обвинительный уклон, как в общем-то всем правоохранительным органам.

В приведенных рассуждениях есть какой-то резон. Однако их принятие может привести к ситуации, когда прокурор будет превращаться в того же следователя. Вероятнее всего, здесь надо искать какие-то иные пути вывода следователя из ситуации обвинителя.

Таким образом, согласно наиболее последовательной научной позиции содержание состязательности как принципа стадии судебного разбирательства заключается в наличии в этой стадии равноправных сторон и разделении функций обвинения, защиты и разрешения дела между

стороной обвинения, стороной защиты и судом.

Содержание состязательности как принципа уголовного судопроизводства состоит в наличии равноправных сторон в процессе, начиная со стадии предварительного расследования, и разделении функций уголовного преследования, защиты и юстиции между стороной обвинения, стороной защиты и судом.

Состязательность и равенство сторон в

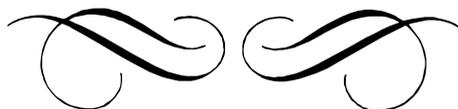
судебном разбирательстве являются инструментом установления объективной истины, а не какой-то иной, по делу [6; 8; 9; 14; 17], обеспечения прав и законных интересов сторон. Этот принцип наилучшим образом характеризует сущность судебного процесса, придает решению суда силу особой убедительности, повышает его правовую и социальную значимость [21, стр. 314-316].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2020
2. Антонов И.А., Кондрат И.Н. Принцип «indubio pro reo»: нравственно-правовые проблемы, возникающие при его реализации в российском уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 103-107.
3. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
4. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2001. – 413 с.
5. Безрядин В.И., Кондрат И.Н. О некоторых проблемах реализации принципов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 154-162.
6. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается компрекендный подход // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 3. – № 1(10). – С. 77-87.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 76-82.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрекендная теория права как наиболее точный путь его познания // Юридическая гносеология. – 2017. – № 1. – С. 18-33.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрекендной теории познания права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 168-177.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право как ремесло или новая грань права в контексте компрекендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 162-166.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрекендной доктрины // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 189-194.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрекендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
18. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
19. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
20. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Серия: «Философия государства и права»).

21. Золотарев А.С. О конституционных началах и концепции досудебного производства в уголовном процессе России // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: УрГЮА, 2001.- С. 314-317.
22. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
23. Зубрин В.В. Законность в федеративном округе (нормативно-правовое обеспечение) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 384 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
24. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 120 с.
25. Иванников И.А. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 392 с.
26. Калиновский К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства: Учебное пособие. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 63 с.
27. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
28. Клочков В.В. Требования законности: понятие, виды, генезис. // Конституционная законность и прокурорский надзор. К 275-летию Российской прокуратуры. Сборник научных трудов. – М.: Манускрипт, 1997. – С. 134-139.
29. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
30. Кондрат И.Н. Принципы, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 7-13.
31. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
32. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2000.
33. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – 5-е изд. – М.: Дело: РАНХиГС, 2019. – 528 с.
34. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
35. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
36. Мурсалимов К.Р., Хабибулин А.Г. Теория государства и права: Учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2015. – 512 с. – (Высшее образование)
37. Наумов А.М. Развитие принципа состязательности в УПК РФ // Право и политика. – 2005. – № 8. – С. 78-90.
38. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 720 с.
39. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 472 с.
40. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Практическое пособие / Под ред. В. П. Верина. – М.: Юрайт-Издат, 2008 – 598 с.
41. Примак Т.К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности: По материалам деятельности органов внутренних дел: Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1998. – 162 с.
42. Прокофьева С.М. Принципы гуманизма в уголовном судопроизводстве: Монография. – СПб., 2001. – 160 с.
43. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. – М.: ПРОСПЕКТ, 2019. – 558 с.
44. Романовская Л.Р., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве: эволюция и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 41-53.
45. Ромашов Р.А., Оль П.А., Сальников М.В. Основы теории государства и права: Учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 191 с.
46. Рябцева Е.В. Принцип разумности как основа уголовно процессуальной деятельности // Российская юстиция. – 2011 – № 3. – С. 27-30.
47. Савицкий В.М. Презумпция невиновности. – М.: Норма, 1997. – 121 с.
48. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к

- вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
49. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
50. Сотиволдиев Р.Ш. Теория государства и права: Учебник для вузов. – Душанбе: ИмпериаЛ-Групп, 2009. – 412 с.
51. Строгович М.С. Проблемы общества и права / М.С. Строгович. Избранные труды. Т. 1. – М.: Наука, 1990. – 304 с.
52. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева, А.Г. Хабибулина. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2009. – 624 с. – (Высшее образование).
53. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
54. Теория государства и права; Учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. 2-е изд., изм. доп. – М., 2001.
55. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
56. Чурилов Ю.Ю. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в случае смерти обвиняемого // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 3. – С. 36-38.
57. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1985. – 207 с.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

ГАРАНИН Андрей Олегович,
начальник отдела управы Таганского района Центрального административного округа г. Москвы (г. Москва, Россия)

E-mail: GG araninASergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРМ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ» ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДОВАТЕЛЮ, ПРОКУРОРУ ИЛИ В СУД

***Аннотация.** Рассматриваются правовые основания для предоставления результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, в том числе ОРМ «отождествление личности», органу дознания, следователю, прокуратуру или в суд. Отмечается важность разработки и принятия Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, что является большим шагом вперед в направлении допустимой открытости оперативно-розыскной деятельности.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; отождествление личности; опознание; Инструкция о порядке представления результатов ОРД.*

**ZAKHARTSEV S.I.
GARANIN A.O.**

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF THE RESULTS OF ORM "IDENTITY IDENTIFICATION" TO THE BODY OF INQUIRY, INVESTIGATOR, PROSECUTOR OR COURT

***The summary.** The article considers the legal grounds for presenting the results of the conducted operational-search measures, including the ORM "identification of the person", to the body of inquiry, investigator, prosecutor's office or to the court. The importance of the development and adoption of the Instruction on the procedure for presenting the results of operational-search activity to the inquiry body, investigator, prosecutor or court is noted, which is a big step forward in the direction of permissible openness of operational-search activity.*

***Key words:** operational search activity; operational search activities; identification of personality; identification; Instructions on the procedure for presenting the results of the ORD.*

С момента принятия Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ [1] и даже до этого вопрос предоставления результатов названной деятельности следствию и суду волновал многих научных и практических работников. Ученые И.Ф. Демидов, В.В. Кальницкий, Н.М. Кипнис, Г. Козырев, Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов, В.В.Николюк, А.Е. Чечетин, А.А. Чувилев и другие в своих работах в той или иной степени касались вопросов предоставления результатов ОРД для использования их в доказывании по уголовным делам.

Труды указанных специалистов, безусловно, помогли, на наш взгляд, успешно разрешить вопрос предоставления результатов оперативно-розыскных мероприятий, в том числе ОРМ «отождествление личности».

Порядок предоставления результатов ОРМ следователю, прокурору, суду или органу дознания определены Законом об ОРД, УПК РФ и Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденной совместным приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны РФ от 17.04.2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147, согласованной с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и в установленном порядке зарегистрированной Министерством юстиции Российской Федерации 07.05.2007 № 9407 [6].

Требования предъявляемые Инструкцией к результатам оперативно-розыскной деятельности, представляемым органу дознания, следователю, прокурору или в суд, порядку их оформления и представления являются обязательными для сотрудников оперативных подразделений государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий, и подлежат исполнению на всех этапах проведения оперативно-розыскных мероприятий. Они находят отражение в учебниках по ОРД [27, стр. 644-655], по уголовному процессу [30, стр. 148-149], комментариях [23, стр. 241-262] и монографиях [11].

Под результатами оперативно-розыскной деятельности понимаются фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом «Об

оперативно-розыскной деятельности» порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушение, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации [1; 6; 7; 22].

Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой фактические данные, полученные посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Одним из источников получения таких фактических данных является оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности».

Таким образом, под результатами ОРМ «отождествление личности» следует понимать фактические данные, полученные оперативными подразделениями (гласными и негласными способами) способствующими установлению и идентификации личности, в установленном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» порядке, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление по которому предварительное следствие обязательно, а также о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Результаты ОРМ «отождествление личности» оформляются:

- ? рапортом или справкой от сотрудника оперативного подразделения, проводившего данное мероприятие;
- ? справкой, заключением или актом специалиста;
- ? актом, составляемым по аналогии с протоколом следственного действия;
- ? объяснением лица участвующего в отождествлении личности.

В соответствии с Инструкцией и другими названными Законами в Российской Федерации установлен следующий порядок представления результатов ОРМ «отождествление личности» органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

По нашему мнению, органу дознания, следователю, прокурору или в суд представляются те

результаты ОРМ, которые могут:

- служить поводом для возбуждения уголовного дела;
- быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
- использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств [13; 17; 25].

Результаты ОРМ «отождествление личности» могут представляться по инициативе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, либо при выполнении отдельных поручений органа дознания, следователя, указания прокурора или определения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Сотрудники оперативных подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при решении вопросов, связанных с представлением результатов ОРМ «отождествление личности» органу дознания, следователю, прокурору или в суд, обязаны руководствоваться положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, устанавливающими поводы и основания к возбуждению уголовного дела, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, доказательства, виды доказательств, порядок собирания и проверки доказательств. Без этого, по мнению В.П. Божьева и Е.А. Доля, невозможно эффективное использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам [10; 11; 18; 16; 29].

При подготовке материалов необходимо учитывать, что сведения об используемых или использованных при проведении ОРМ «отождествление личности» силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках и о лицах, оказывающих (оказывавших) им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну.

Перед представлением материалов эти

сведения либо подлежат рассекречиванию на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо не рассекречиваются, а представляются в соответствии со ст. 16 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» [5].

Постановление о рассекречивании утверждается руководителем оперативного подразделения, имеющим на то соответствующие полномочия.

При этом в каждом конкретном случае возможность представления результатов ОРМ «отождествление личности», содержащих сведения об организации и тактике проведения оперативно-технических мероприятий, используемых технических средствах, штатных негласных сотрудниках оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, должна в обязательном порядке согласовываться с исполнителями соответствующих мероприятий.

Представление результатов ОРМ «отождествление личности» органу дознания, следователю, прокурору или в суд, включает в себя:

- вынесение руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, постановления о представлении результатов ОРМ органу дознания, следователю, прокурору или в суд;
- вынесение, при необходимости, постановления о рассекречивании отдельных оперативно-служебных документов, содержащих государственную тайну;
- оформление сопроводительных документов и фактическую передачу материалов (пересылка по почте, передача с нарочным и т.п.).

Постановление о представлении результатов ОРМ «отождествление личности» подготавливается в одном экземпляре, подписывается руководителем органа и приобщается к материалам дела оперативного учета или соответствующего номенклатурного дела. То есть, соответствующие материалы ОРМ следует направлять следователю только с сопроводительным письмом. Указанное положение неоднократно поддерживалось юристами, что, на наш взгляд, справедливо.

Действительно, постановление руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, является сугубо внутренним документом. И оно не представляет интерес для доказывания, поскольку вышеперечисленные

сведения могут содержаться в самих направляемых материалах и сопроводительном письме [5; 8; 17; 20; 14; 31].

В связи с этим, вызывает сомнение мнение А.В. Белоусова о том, что рассматриваемое постановление также следует помещать в уголовное дело для обеспечения допустимости приобщённых к нему доказательств, так как оно содержит некоторые необходимые для этого атрибуты: во-первых, данные об основаниях проведения оперативно-розыскных мероприятий, в результате которых получена доказательственная информация; во-вторых, обязательное (предусмотренное законом) волеизъявление компетентного должностного лица о переводе результатов оперативно-розыскной деятельности в сферу уголовного судопроизводства [9].

На наш взгляд, и основания проведения ОРМ «отождествление личности», и волеизъявление должностного лица, руководившего проведением названного мероприятия, вполне могут найти свое отражение в сопроводительном письме о представлении результатов ОРМ. Непосредственной целесообразности в дублировании информации при представлении результатов ОРМ, на наш взгляд, нет. Помимо того, говоря о направлении следствию постановления о представлении результатов ОРМ, следует помнить, что сведения об используемых или использованных при проведении ОРМ силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках и о лицах, оказывающих (оказывавших) им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну. Постановление о представлении результатов ОРМ «отождествление личности» является ведомственным внутренним документом, в котором такая информация может найти свое отражение. Представлять названную информацию следствию либо рассекречивать ее, на наш взгляд категорически недопустимо.

Представляемые материалы должна сопровождать информация о времени, месте и обстоятельствах получения данных (фото-видеоматериал). Допускается представление материалов в копиях, в том числе с переносом наиболее важных моментов на единый

носитель, что обязательно оговаривается в сопроводительных документах (протоколах). Тип носителя определяется инициатором оперативно-розыскного мероприятия. Оригиналы материалов в этом случае хранятся в оперативном подразделении до завершения судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу.

Разрешение законодателя представлять материалы ОРМ в копиях, перенесенных на единый носитель (CD-диск, флеш-накопитель др.), является, на наш взгляд абсолютно правильным и своевременным. Ранее, до принятия Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, возникали технические проблемы представления результатов ОРМ, острейшим из которых был вопрос: представлять ли следствию сведения о характеристиках технических средств, примененных при проведении ОРМ. С одной стороны, согласно Закону об ОРД сведения об используемых или использованных при проведении ОРМ «отождествление личности» технических средствах составляют государственную тайну. С другой стороны, роль данных о характеристиках технических средств, порядке их применения при производстве ОРМ приобретает особое значение для собирания, проверки и оценки доказательств, сформированных на основе негласных результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных с использованием специальных технических средств.

При подготовке и оформлении для передачи органу дознания, следователю, прокурору или в суд результатов ОРД должны быть приняты необходимые защитные меры по сохранности и целостности представляемых материалов при пересылке их в адрес (защита от деформации и т.п.).

В случаях, не терпящих отлагательства и могущих привести к совершению тяжкого преступления, а также при наличии сведений об угрозе государственной, военной, экономической и экологической безопасности Российской Федерации, результаты ОРМ представляются органу дознания, следователю, прокурору или в суд незамедлительно [12; 21; 28].

В соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, происходит и представление

результатов проведенного ОРМ «отождествление личности», полученных при выполнении поручения органа дознания, следователя, прокурора о производстве такого мероприятия по находящимся в их производстве уголовным делам. В случае отсутствия возможностей проведения указанного ОРМ по поручению органа дознания, следователя, указанию прокурора или определению суда им в течение трех дней с момента получения поручения направляется мотивированное письмо за подписью руководителя органа, на который было возложено исполнение данного поручения.

Орган, представивший результаты ОРМ «отождествление личности», использование которых в уголовном процессе сопряжено с возможностью возникновения реальной угрозы для безопасности участников оперативно-розыскной деятельности, обязан предусмотреть конкретные меры по защите этих участников. Указанные меры, по необходимости, согласовываются с органом дознания, следователем, прокурором или судом, которым представляются указанные результаты. При возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество участников оперативно-розыскной деятельности органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

При представлении органу дознания, следователю, прокурору или в суд результатов ОРМ должны быть приняты исчерпывающие меры, обеспечивающие вопросы конспирации проведения данного мероприятия.

В соответствии с Инструкцией результаты ОРМ «отождествление личности» не могут представляться органу дознания, следователю, прокурору или в суд в следующих случаях:

- если невозможно обеспечить безопасность субъектов (участников) оперативно-розыскной деятельности в связи с представлением и использованием данных результатов в уголовном процессе;
- если использование результатов в уголовном процессе создает реальную возможность расшифровки (разглашения)

сведений, отнесенных законом к государственной тайне, об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятии силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, о лицах, оказывающих на конфиденциальной основе содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках (кроме случаев, когда указанные сведения предаются гласности в порядке, установленном Законом об ОРД).

Решение о непредставлении результатов ОРМ по мотивам, изложенным в настоящем пункте, оформляется постановлением руководителя органа, осуществляющего ОРД, и приобщается к материалам дела оперативного учета или соответствующего номенклатурного дела. О принятом решении орган, проводивший исследуемое оперативно-розыскное мероприятие, уведомляет инициатора запроса [6; 22; 24; 26].

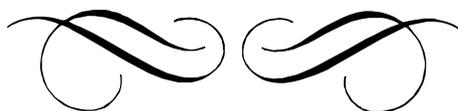
В соответствии с ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД видео, фото и другие материалы, полученные в результате ОРМ «отождествление личности» в отношении лиц, против которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения ОРМ, о чем составляется соответствующий протокол [1].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что принятие Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, является большим шагом вперед в направлении допустимой открытости оперативно-розыскной деятельности. Четко и подробно сформулированные положения Инструкции позволяют представлять органам уголовного судопроизводства результаты оперативно-розыскной деятельности, тем самым увеличивая доверие к таким результатам других участников уголовного процесса. Все это дает серьезную основу для более активного и эффективного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 769.
5. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41. – Ст. 4673.
6. Приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17.04.2007 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 07.05.2007 № 9407) || <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mvd-rf-n-368-fsb-rf/>
7. Агафонов Ю.А., Кваша Ю.Ф. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007. – 305 с.
8. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие для студентов / Под общ. ред. В.В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 296 с.
9. Белоусов А.В. Процессуальное оформление доказательств при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 173 с.
10. Божьев В.П., Доля Е.А. Процессуальные аспекты действия закона об оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы расследования преступлений: Труды Академии МВД России. – М.: Академия МВД России, 1995. – С. 72-84.
11. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб. Фонд «Университет», 2004. – 176 с. – Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
12. Гуцин А.Н., Громов Н.А., Царева П.Н. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: Учебно-практическое пособие – М.: Шуმიлова, 2003. – 115 с.
13. Дубягин Ю.П., Дубягина О.П., Михайлычева Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный – М.: Юстицинформ, 2006. – 138 с.
14. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 144 с.
15. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты: Монография. – СПб.: Юридический факультет СПбГУ, 2011 – 264 с.
16. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
17. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
18. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI: 10.17513/np.469
19. Захарцев С.И., Пахун А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. – 2012. – № 9. – С. 37-40.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Внеаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193-199.
21. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: Понятие и соотношение. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. – 268 с.
22. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 397 с.
23. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / Отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 576 с.
24. • Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по

- правам человека / Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К. и др.; вступительная статья Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. Д. Зорькина; отв. ред. В.С. Овчинский. - 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. - 574, [1] с.
25. Корневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: Методическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 148 с.
 26. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России / Ред.: З.Л. Шагапсов, Н.П. Голядин. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – 376 с.
 27. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Г.В. Сурков, Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, В.В. Зорин, И.Н. Зубов, В.М. Егоршин, Н.Н. Васильев; под общ. ред. С.В. Степашина. – СПб.: Лань, 1999. – 704 с.
 28. Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» – СПб.: Питер, 2003. – 234 с.
 29. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 830 с.
 30. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
 31. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 2-е изд. – М.: Шумилова И. И., 2000. – 290, [1] с.

РАДЖАБОВА Нилуфар Хушвахтшоевна,
юридический факультет Юго-Западного Государ-
ственного Университета (г. Москва, Россия)
E-mail: 77.nilu@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** Анализируются особенности реализации института уголовной ответственности на транспорте. Особенное внимание обращается на проблемы и специфику применения норм ст. 263.1, 264 и 266 УК РФ, с учетом исследований российских ученых. Отмечается, что выделение в УК РФ самостоятельной главы, посвященной безопасности и эксплуатации транспорта, объективно необходимо и своевременно, однако, по мнению исследователя, содержание и применение норм нуждаются в некоторых изменениях.*

***Ключевые слова:** транспортная безопасность; ФЗ «О безопасности», уголовная ответственность; статья 27 УК РФ; правоприменительная практика.*

RADJABOVA N.Kh.

CRIMINAL LIABILITY IN THE FIELD OF TRANSPORT SECURITY

***The summary.** The article analyzes the issues of the specifics of the implementation of the institution of criminal liability in transport in a number of aspects. Special attention is paid to the problems and specifics of the application of the norms of Articles 263.1, 264 and 266 of the Criminal Code of the Russian Federation, including based on the research of Russian scientists. The author also draws attention to the fact that the allocation of an independent chapter in the Criminal Code of the Russian Federation dedicated to the safety and operation of transport is objectively necessary and timely, but, in his opinion, the content and application of the norms of this chapter need some changes.*

***Key words:** transport security; Federal Law «On Security»; criminal law; Article 27 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Вопросы, касающиеся транспортной безопасности, актуальны для абсолютного большинства государств. Необходимость детального правового регулирования данной сферы обусловлена самой природой транспортной инфраструктуры, являющейся «кровеносной системой» страны. В России был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих сферу обеспечения безопасности на транспорте, к которым относятся: Федеральный закон «О безопасности» [1], Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – Закон № 16-ФЗ) [2], приказы Минтранса РФ и другие.

Важное место среди этого массива норм занимает УК РФ, регулирующий вопросы уголовной ответственности за неисполнение требований по обеспечению безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах [15, стр. 20; 14, стр. 820-827, 828-830].

Прежде чем рассмотреть особенности реализации института уголовной ответственности в сфере обеспечения транспортной безопасности необходимо рассмотреть основные понятия исследуемого объекта. Согласно вышеупомянутому закону № 16-ФЗ, «транспортная безопасность – это состояние защищенности объектов

транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства; обеспечение транспортной безопасности – реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства.”

Данные определения используются законодателем при разработке механизмов привлечения субъектов транспортной безопасности к уголовной, гражданской или административной ответственности. В большинстве европейских государств нормы, регламентирующие уголовную ответственность в сфере обеспечения транспортной безопасности, закреплены в главах, посвященных охране жизни и здоровья человека. Российский законодатель использовал собственный подход, выделив нормы охраны общественных отношений в сфере транспортной безопасности в отдельную главу 27 УК [24, стр. 87].

Анализ указанной главы показывает, что несмотря на разнообразие составляющих ее содержание составов преступлений, они объединены общим видовым объектом – общественные отношения в области эксплуатации транспорта и обеспечения безопасности движения.

Устанавливая уголовную ответственность, законодатель обозначает важность эффективной реализации норм, указанных в главе 27 УК РФ. Между тем, в этом вопросе, по нашему мнению, правоприменитель сегодня сталкивается с рядом трудностей.

Рассмотрим некоторые из них на основе анализа ст. 263.1 и 264 и 266 УК РФ.

Так, дела, подпадающие по ч. 1 ст. 263.1 статьи подсудны судьям мирового суда, так как санкция данной части не предусматривает лишения свободы свыше трех лет. Вместе с тем, в перечне изъятий из подсудности мировых судей, согласно ст. 31 УПК РФ, данная норма не фигурирует. В то же время ч. 1 ст. 263 и 264 с аналогичными мерами наказания отнесены к подсудности районных судей, что, вероятно, объясняется особенностями предмета доказывания.

Полагаем, обзор правоприменительной практики и составление всестороннего рассмотрения норм ст. 263.1 УК РФ обуславливает необходимость изъятия дел по ст. 263.1 из подсудности

мировых судей и отнесения их к районным судам.

Согласимся с мнением В.О. Безруковой, которая проанализировав историю вносимых изменений в ст. 264 УК РФ, сделала вывод о особенной природе общественных отношений, регулируемых данной нормой [8].

Автор обращает внимание на тот факт, что в период с 1996 года (уголовный кодекс введен в действие) по настоящее время в статью внесено множество изменений.

Так, сочтя несоразмерным последствия в виде судимости, в 1998 г. законодатель исключил материальный ущерб, нанесенный виновником дорожно-транспортного происшествия из признаков состава правонарушения.

Если данное изменение не вызвало особенных споров в научной литературе, то поправки 2003 года, ознаменовавшиеся декриминализацией такого признака, как причинение вреда средней тяжести, спровоцировали ряд дискуссий. Так свое отрицательное отношение к новации выразил М.М. Колчин, указав, что такой подход имеет важный недостаток. Дело в том, что им не принимается во внимание степень опасности совершенного деяния в области обеспечения безопасности на железной дороге. Колчин пишет следующее: «Так, согласно УК РФ, при причинении тяжкого вреда здоровью одного человека наступает уголовная ответственность, а при причинении вреда средней тяжести 200-250 пассажирам – нет, хотя очевидно, что тяжесть последствий в их совокупности в последнем случае несколько не меньше, чем при наступлении указанного в законе последствия» [13]. Идею об обоснованности декриминализации такого признака, как причинение вреда здоровью средней тяжести раскритиковала В.Г. Саркисова, однако выразила сомнение в том, что его возвращение вряд ли способно серьезно изменить ситуацию в исследуемой сфере. По мнению ученого «установление ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью в рассматриваемых составах преступлений обеспечит лишь карательную функцию уголовного закона, в то время как предупредительный эффект при реализации такого предложения будет минимален» [22, стр. 154].

В связи с участвовавшими случаями дорожно-транспортных происшествий с участием лиц, находившихся в состоянии опьянения, в 2009 законодатель внес очередные изменения в

исследуемую норму, включив три состава с квалифицирующим признаком, а именно состояние опьянения. Данную инициативу не оставил без внимания М.М. Колчин, который пишет следующее: «подобные дополнения ст. 264 УК РФ без внесения аналогичных в другие нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за указанные преступления, а также положения его Общей части, нарушают принцип системности уголовного законодательства» [13, стр. 100]. Свое отношение к вопросу озвучила В.Г. Саркисова, выразив сомнение в целесообразности установления такого квалифицирующего обстоятельства, сославшись на специфику данной группы преступлений [22, стр. 152].

Менее дискуссионными оказались нововведения 2010 года, когда верхняя граница срока осуждения была снижена с 5 до 3 лет; в 2011 году принудительные работы дополнили список наказаний, предусмотренных ст. 264 УК РФ, что связано с изменениями в законодательстве в целом. По этому поводу высказалась В.О. Безрукова, указав что «на практике подобный вид наказания практически не применяется ввиду отсутствия соответствующих условий его применения»; в 2015 года из статьи убрали наказание в виде «лишения управлять транспортным средством». Вместо него введена санкция в виде лишения свободы с верхней и нижней границей в 4 и 9 лет. В соответствии с примечаниями 1 был увеличен круг предметов преступления, предусмотренный п. 6 ст. 264 УК РФ.

Российская научная общественность постоянно демонстрирует беспокойство по поводу дорожно-транспортных происшествий, и это понятно. Кроме всего прочего, они влекут за собой неизмеримо большее количество человеческих жертв и заставляют постоянно заботиться об их профилактике [3; 7; 9; 10; 11; 12; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 23].

На основе анализа изменений, вносимых в ст. 264 УК РФ, можно увидеть, что развитие уголовного законодательства в сфере транспортной безопасности происходило симметрично уровню безопасности дорожного движения в целом. На основании вышесказанного, согласимся с утверждением Безруковой В.О., что уголовно-правовые нормы в сфере транспортной безопасности носят динамичный характер и должны оперативно изменяться в зависимости от процессов, происходящих в общественной жизни.

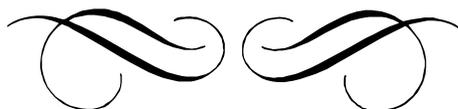
Рассмотрение признаков преступления согласно ст. 266 УК РФ, позволяет согласиться с мнением М.М. Колчина, который обратил внимание на недостаточный охват рассматриваемой нормой всей совокупности вопросов обеспечения безопасности на транспорте. Полагаем, эта проблема может быть решена с помощью изменений в текстовую часть нормы. В данном случае следует обратить внимание на предложение М.М. Колчина по замене термина «иное транспортное оборудование» словосочетанием «иные элементы транспортной системы», что придаст норме всесторонний характер и позволит правоприменителю увеличить круг деяний, подпадающих под норму ст. 266 УК РФ.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что выделение в УК РФ самостоятельной главы, посвященной безопасности и эксплуатации транспорта объективно необходима и своевременна, однако содержание и применение норм нуждаются в некоторой корректировке. Отметим, что обеспечение транспортной безопасности в настоящее время является одной из приоритетных задач государства, так как последствия, к которым может привести их нарушение, могут быть катастрофическими. В связи с этим возникает много вопросов уголовно-правового и криминологического характера, связанных, например, с личностью автотранспортных преступников [4; 5; 6].

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
2. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 7. – Ст. 837.
3. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее

- состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
4. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
 5. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
 6. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
 7. Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
 8. Безрукова В.О., Михайлович М. Н. Развитие института уголовной ответственности за нарушение правил движения и эксплуатации транспортных средств в России // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 2(26). – С. 54-60.
 9. Годунов В.С. Особенности автотранспортных преступлений, проявляющиеся в механизме их совершения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 61-65.
 10. Квитчук А.С. Система безопасности дорожного движения: предпосылки и основные этапы формирования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 152 с.
 11. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Государственно-правовая политика обеспечения безопасности дорожного движения в России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
 12. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Проблемы совершенствования системы безопасности дорожного движения // Транспортное право. – 2005. – № 4. – С. 43-46.
 13. Колчин М.М. Уголовно-правовое обеспечение безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. – 197 с.
 14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
 15. Кузнецов М.П. Уголовная ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 20-26.
 16. Никишкин А.В. Основная задача современной России – обеспечение безопасности дорожного движения // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 131-138.
 17. Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Практическая деятельность подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения: её особенности и условия организации // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 73-78.
 18. Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Структурно-организационное построение подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 153-157.
 19. Никишкин А.В., Сальников С.П., Степанов И.В. Профилактика детского дорожно-транспортного травматизма // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 126-129.
 20. Сальников С.П. Автотранспортные правонарушения: социально-политическая сущность и профилактика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
 21. Сальников С.П., Павлик Е.М. Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и уголовно-правовые вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 122-130.
 22. Саркисова В.Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Ставрополь: Кубанский государственный аграрный университет, 2014.- 195 с.
 23. Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 160-164.
 24. Семенов В.Р. Уголовно-правовое регулирование транспортной безопасности в некоторых странах Восточной Европы и Балтии // Виктимология. – 2017. – № 4(14). – С. 82-87.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: shtevnin.i@gmail.com

ЕРГИНА Ангелина Сергеевна,
факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: perelomovanatasha@yandex.ru

МОРОЗОВ Алексей Игоревич,
заместитель генерального директора «Лидер и К» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: n0055050@gmail.com

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

***Аннотация.** Рассматриваются актуальные проблемы обеспечения прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве с помощью такого института, как процессуальные сроки. Проанализированы конкретные меры процессуального принуждения, при которых ограничиваются, предусмотренные Конституцией РФ, права граждан.*

***Ключевые слова:** Конституция; права и свободы граждан; процессуальный срок; меры процессуального принуждения; продление срока.*

**BEZRYADIN V.I.
ERGINA A.S.
MOROZOV A.I.**

PROCEDURAL TERMS AS AN ARRANGEMENT FOR ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

***The summary.** The article deals with the actual problems of ensuring human rights and freedoms in criminal proceedings with the help of such an institution as procedural terms. The article considers specific measures of procedural coercion that restrict the rights of citizens provided for by the Constitution of the Russian Federation.*

***Key words:** Constitution; rights and freedoms of citizens; procedural term; measures of procedural coercion; extension of the term.*

При производстве разного рода следственных действий могут нарушаться права и законные интересы граждан. Следовательно, дознавателю и любому должностному лицу, осуществляющему производство по уголовному делу, необходимо помнить, что всем гражданам присущи права и свободы, которые принадлежат ему от рождения, а также регламентированы международными правовыми актами и Основным законом страны – Конституцией Российской Федерации.

Конституция России определяет человека, его права и свободы как высшую ценность, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Это его обязанность (ст. 2) [1].

В стране выстроена четкая система признания, соблюдения и защиты конституционных прав человека и гражданина, создана для этого необходимая законодательная и доктринальная база [4; 5; 8; 17; 23; 24; 25; 28; 29; 30; 31; 32; 36].

Важнейшим механизмом обеспечения прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве выступают процессуальные сроки.

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства должно отвечать именно представлениям о человеке и его правах и свободах как о высшей ценности и соответствовать международным нормам в области прав человека, являющихся составной частью правовой системы России, помня, что Конституция РФ признает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их соблюдение и защиту – обязанностью государства.

Для обеспечения наиболее полного производства по уголовному делу, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены меры процессуального принуждения. Среди которых выделяют: задержание подозреваемого, меры пресечения, которые включают в себя: подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу, а также предусмотрены иные меры процессуального принуждения, включающие в себя обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание [18; 34, стр. 149-184]. Некоторые из перечисленных мер (задержание подозреваемого, домашний арест, заключение

под стражу) напрямую ограничивают предусмотренные Конституцией Российской Федерации неотъемлемые права граждан: право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), право свободно передвигаться (ст. 27 Конституции РФ) и другие естественные права. Вопросы, связанные с процессуальным ограничением конституционных прав и свобод граждан тщательно исследуются в уголовно-процессуальной науке [19; 20; 21]. Учитывая, что следственная деятельность нередко осуществляется с оперативным сопровождением субъектами оперативно-розыскной деятельности (ОРД), внимательно изучаются и проблемы, связанные с ограничением конституционных прав граждан в ходе ОРД [10; 11; 14; 33; 12, стр. 267-289], с соблюдением законности при использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве [15, стр. 306-322], исследуется сама правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий [13, стр. 203-232].

Но несмотря на ограничение прав граждан, смысл, содержание и применение законов и вся деятельность правоохранительных органов, связанных с расследованием совершенных преступлений, определяются правами и свободами человека и гражданина. Напомним, что обеспечение прав и свобод человека в уголовном процессе – это деятельность следователя, дознавателя, прокурора, суда, защитника, направленная, в том числе, на создание оптимальных условий для реализации процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства [26, стр. 18]. И здесь появляется противоречие правовых норм, ведь в целях наиболее полного и эффективного производства и расследования уголовного дела, правоприменителям необходимо ограничивать Конституционные права граждан, но исходя из смысла международных норм, Основного закона страны, ограничение прав и свобод граждан недопустимо. То есть, получается, что должностные лица, обеспечивающие закон и правопорядок в стране, сами нарушают Конституцию РФ в части обеспечения прав и свобод граждан.

Для устранения данной коллизии, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен такой институт, который называется «Процессуальные сроки» [3; 7]. Так, законодательство предусматривает конкретный временной

период, в течение которого предусмотренные Конституцией РФ неотъемлемые права граждан могут быть ограничены. Например, в целях полного производства по уголовному делу, гражданин может быть задержан. Как мы уже отметили, права этого гражданина (подозреваемого или обвиняемого) ограничиваются, следовательно, необходимо законодательно закрепить конкретный период, на который гражданин лишается своего Конституционного права на свободу.

Для дальнейшего исследования данного института, необходимо определить само понятие «процессуальный срок».

Анализ нормативных-правовых актов, в том числе действующего Уголовно-процессуального кодекса, а также УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г. показал, что на законодательном уровне не закреплено определение рассматриваемого понятия. Но для наиболее точного понимания правил исчисления сроков, а в дальнейшем их применения, правоохранителям все же необходимо четко понимать, что подразумевает под собой процессуальный срок, поэтому, стоит обратиться к доктрине уголовного-процессуального права.

Исследуя работы таких процессуалистов, как И.М. Гуткин, который определяет, что уголовно-процессуальный срок – это «установленное законом время, в течение которого органы дознания, следствия, прокуратуры, суда и участники процесса имеют право или обязаны совершить конкретные процессуальные действия» [9, стр. 57].

«Установленными в уголовно-процессуальном законодательстве временными периодами» называют процессуальные сроки Л.М. Васильев, подчеркивая, что данные сроки направлены на регулирование правоотношений, возникающих при осуществлении уголовно-процессуальных действий участниками уголовного процесса и совершаемых в строгой последовательности [6].

Сроком в процессуальной практике М.А. Чельцов-Бебутов называет «определенный промежуток времени, в течение которого должно быть выполнено данное действие» [35, стр. 188].

На основе представленных точек зрения, определим, что уголовно-процессуальный срок – это установленный УПК РФ промежуток времени, в который участники уголовного процесса обязаны или правомочны совершить определенные процессуальные действия или

воздержаться от их совершения в целях реализации конституционных гарантий прав, свобод и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц, соблюдения законности и достижения целей всего уголовного судопроизводства.

Отметим, что предусмотренные Конституцией РФ права и свободы граждан подвергаются ограничению вполне обоснованно и законно, определим, что с точки зрения законодательства Российской Федерации, правоприменитель действует правомерно, подвергая лицо различным мерам процессуального принуждения.

Но встает еще один вопрос, касающийся обеспечения прав и свобод граждан. На практике не всегда получается, что следователь или дознаватель по уважительным причинам успевает рассмотреть материалы и принять решение в установленный срок. В свою очередь, предусмотрен еще один институт, который называется продление процессуальных сроков.

Согласно части 2 статье 129 Уголовного процессуального кодекса, срок может быть продлен лишь в случаях и порядке, которые установлены настоящим Кодексом [2].

Продление срока допускается лишь в отношении указанных в уголовно-процессуальном законе сроков. В частности, допускается продление сроков:

- 1) задержания подозреваемого (ст. 108 УПК);
- 2) содержания под стражей (ст. 109 УПК);
- 3) предварительного расследования (ст. 162, 223 УПК).

Согласно уголовно-процессуальному законодательству, срок задержания подозреваемого не должен превышать 48 часов. Но закон предусматривает продление данного срока. Так, рассмотрев ходатайство об избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу, судья может вынести решение о продлении срока задержания. Продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания.

По общему правилу, срок содержания под стражей при расследовании преступлений не должен превышать 2 месяцев. Но, как мы указывали выше, данный срок может быть продлен.

В случае, если предварительное следствие невозможно закончить в срок до двух месяцев, срок содержания под стражей может быть продлен до 6 месяцев. Данный срок продлевает судья районного или военного суда по соответствующему ходатайству.

Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя, в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи. Срок продлевается до 12 месяцев.

Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Процессуальный срок продлевает судья Верховного суда республики, краевого или областного суда, судья города федерального значения, автономной области, автономного округа, судья окружного (флотского) военного суда, по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти, до 18 месяцев.

Дальнейшее продление срока не допускается, а обвиняемый подлежит немедленному освобождению.

Рассматривая вопрос о сроках предварительного расследования, необходимо вспомнить, что данная стадия уголовного процесса реализуется в двух формах – предварительное следствие и дознание. В этой связи, необходимо отдельно рассмотреть продление процессуальных сроков в этих двух формах.

Согласно нормам уголовно-процессуального

закона, предварительное следствие по уголовному делу должно быть окончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. Данный срок может быть продлен до 3 месяцев руководителем соответствующего следственного органа. В случае, если расследование уголовного дела представляет особую сложность, срок предварительного следствия может быть продлен руководителем следственного органа по субъекту, а также его заместителями до 12 месяцев. Дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями.

Предварительное расследование в форме дознания проводится в срок до 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости, этот срок продлевается прокурором до 30 суток. Если при производстве дознания, необходимо провести судебную экспертизу, срок может быть продлен прокурором района, города, приравненным к ним военным прокурором и их заместителями до 6 месяцев. В исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, срок дознания может быть продлен прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором до 12 месяцев.

Необходимо отметить, что сроки продлеваются по мотивированному ходатайству дознавателя, представляемому соответствующему прокурору заблаговременно (например, ст. 223 УПК), или по мотивированному ходатайству следователя, представляемому соответствующему руководителю следственного органа (например, ст. 162 УПК), или по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, представляемому заблаговременно соответствующему суду (например, ст. 109 УПК). Данные ходатайства оформляются путем составления соответствующего постановления (ст. 129 УПК).

Мы видим, что, несмотря на возможность продления срока, законодатель все установил границы, нарушение которых может повлечь соответствующие санкции лица, ведущего производство по уголовному делу.

Таким образом, уголовно-процессуальные сроки являются важнейшим механизмом обеспечения Конституционных прав и свобод граждан. Законодательство Российской Федерации предусматривает конкретный временной период, в пределах которого могут быть нарушены некоторые права, в частности право на свободу. Кроме того, урегулирован механизм продления сроков, отметим, что продление срока допускается лишь в отношении указанных в уголовно-процессуальном законе сроков. В частности, допускается продление сроков:

- 1) задержания подозреваемого (ст. 108 УПК);
- 2) содержания под стражей (ст. 109 УПК);
- 3) предварительного расследования (ст. 162, 223 УПК).

Хотелось бы отметить, что права и свободы человека и гражданина признаются главным достоянием человечества, являются одним из основных ценностных ориентиров политики любого правового государства.

Гарантируя защиту прав и свобод человека и гражданина, государство создало систему процессуальных норм, предупреждающих

нарушения в ходе реализации конституционных положений о защите прав и свобод. К таким нормам следует отнести нормы, регламентирующие процессуальные сроки для выполнения конкретных действий (или воздержания от них) или принятия решений субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Представляется, что под назначением уголовно-процессуальных сроков следует понимать обеспечение процессуальных гарантий участникам уголовного судопроизводства по защите их прав, свобод и законных интересов, сокращение сроков производства по уголовному делу, обеспечение полного, всестороннего и объективного исследования фактических обстоятельств уголовного дела.

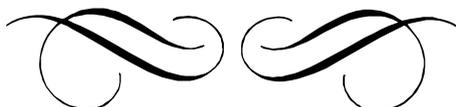
Особенностью процессуальных сроков как гарантий конституционных – прав и свобод личности является то, что они имеют существенное значение в механизме обеспечения не всех, а лишь таких конституционных прав и свобод, как права на свободу и личную неприкосновенность, права на судебную защиту, права на возмещение вреда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
3. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 21-23.
4. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
5. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
6. Васильев Л.М. Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Грозный, 1972. – 19 с.
7. Васильева Г.М., Горленко В.А., Кондрат И.Н. Реализация права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 76-79.
8. Галиев Ф.Х. Права человека и правовая культура // Международные и национальные механизмы защиты прав и свобод человека: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 19 декабря 2002 г. В 2 ч. Ч. 1. – Уфа: Уфимский юридический ин-т МВД России, 2003. – С. 201-204.
9. Гуткин И.М., Мариупольский Л.А., Шереметьев И.М. Советский уголовный процесс: Учебник для средних юридических школ. – М.: Госюриздат, 1960. – 319 с.
10. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты

- современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
12. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI: 10.17513/np.469
 13. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
 14. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
 15. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
 16. Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 2 (3). – С. 139-145.
 17. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.
 18. Кондрат И.Н. Меры пресечения и уголовная политика Советского государства: некоторые исторические зарисовки // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 38-44.
 19. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
 20. Кондрат И.Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139-152.
 21. Кондрат И.Н. Ограничения политических, социально-экономических и культурных прав и свобод в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.58-70.
 22. Лавдаренко Л.И. Сроки в уголовном судопроизводстве: Учебно-методическое пособие. – Иркутск : Иркутский ин-т повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры, 2004. – 41 с.
 23. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
 24. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
 25. Луковская Д.И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. – 2007. – № 13. – С. 34-36
 26. Мельников В.Ю. Обеспечение прав и свобод личности как основная задача уголовного процесса в Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. – 2013. – С. 88-93.
 27. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2006. – 182 с.
 28. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66. – в кн. 399 с.
 29. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
 30. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
 31. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
 32. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
 33. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.

34. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
35. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1929.
36. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

ДУДНИКОВ Александр Сергеевич,
институт экономики и права Петрозаводского
государственного университета (г. Петрозаводск,
Россия)
E-mail: 79095700206@yandex.ru

МАКСИМОВ Александр Александрович,
заведующий кафедрой государственно-правовых
дисциплин Института экономики и права
Петрозаводского государственного университета,
кандидат юридических наук (г. Петрозаводск,
Россия)

Специальность 12.00.11 – Судебная деятель-
ность; прокурорская деятельность, правоза-
щитная и правоохранительная деятельность

ВКЛАД ФЕДОРА НИКИФОРОВИЧА ПЛЕВАКО В РИТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

***Аннотация.** Рассматривается деятельность выдающегося российского адвоката Федора Никифоровича Плевако в качестве судебного оратора. Отмечается, что в своих выступлениях он поражал слушателей своей искренностью, эмоциональной мощью, ораторской изобретательностью и выразительностью слова, неуклонно отстаивал принципы законности и равенства всех перед судом, обличал в своих речах произвол и злоупотребления полицейских чинов.*

Публикуется в порядке участия в научном конкурсе «Роль российских юристов в эпоху судебно-правовых реформ второй половины XIX - начале XX веков» и научно-практической конференции с международным участием «Подготовка юридических кадров в традициях ведомственного российского образования: история и современность».

***Ключевые слова:** Ф.Н. Плевако; судебная риторика; судебный оратор; российская адвокатура; юриспруденция.*

DUDNIKOV A.S.
MAKSIMOV A.A.

CONTRIBUTION OF FEDOR NIKIFOROVICH PLEVAKO TO RHETORICAL SCIENCE

***The summary.** The activity of the outstanding Russian lawyer Fyodor Nikiforovich Plevako as a court speaker is considered. It is noted that in his speeches he amazed the audience with his sincerity, emotional power, oratorical ingenuity and expressiveness of speech, steadfastly defended the principles of legality and equality of all before the court, denounced the arbitrariness and abuse of police officials in his speeches.*

Published as part of the scientific competition "The Role of Russian Lawyers in the Era of Judicial and Legal Reforms in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries" and a scientific and practical conference with international participation "Training of Legal Staff in the Traditions of Russian Departmental Education: History and Modernity".

***Key words:** F.N. Plevako; judicial rhetoric; judicial speaker; Russian advocacy; jurisprudence.*

Основная деятельность Федора Никифоровича Плевако выпала на девятнадцатый век. Век великих потрясений и перемен. Этот период являлся для Российской империи непростым и сложным. Именно в это время начинается карьера в будущем известного адвоката Плевако.

Молодой кандидат права начинает свою деятельность в суде, где он сразу выделяется на фоне других адвокатов. Его речи все более становятся пронзительными и пунктуальными. Несмотря на то, что свое первое дело Алексея Маруева, он проиграл, Плевако произвел сильное впечатление на присяжных и судей своей речью [37].

А.Ф. Кони, который прославится благодаря делу Веры Засулич [24]. Он говорил о Плевако, что тот идеально владел тройким призванием защиты: «убедить, растрогать, умиловать. Он не «удостаивал» дела своим «просвещенным вниманием»,... а вторгался в него, как на арену борьбы, расточая удары направо и налево, волнуясь, увлекаясь и вкладывая в него чаяния своей мятежной души» [25, стр. 124]. Старшины московских присяжных поверенных С.И. Филатов говорил – «он первый поднял знамя уголовного русского защитника на недостижимую высоту» [43, стр. 4]. О нем также упоминает такой известный писатель как Владимир Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» [15, стр. 306]. Таким его видели его коллеги и известные личности.

Сам Федор Никифорович заметно отличался от многих своих коллег. В 1870 году Ф.Н. Плевако стал присяжным поверенным Московской судебной палаты. Он уже известен и многие обращаются к нему. Обратился к Федору Никифоровичу и министр юстиции Н.Д. Муравьев, с предложением войти в состав комиссии, которая разрабатывала проекты реформ в судебной и адвокатской сфере. Ф.Н. Плевако согласился и работал с такими титанами юриспруденции, как Анатолий Федорович Кони [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 17; 18; 19; 20; 21; 26; 27; 28; 29; 31; 32; 34; 47; 48; 49; 51; 52], В.Д. Спасович [2; 3; 35; 46; 50; 54], Н.С. Таганцев [23; 53] и И.Я. Фойницкий [56; 57; 58]. Данная комиссия разбирала и обсуждала проблемы в области организации и деятельности адвокатуры, также очень много внимания уделялось ежегодному пересмотру состава Совета адвокатуры и дисциплинарный надзор за его участниками. Главой комиссии Муравьевым

были определены направления деятельности по отправлению правосудия не только для прокурора, председательствующего в судебном заседании, присяжных заседателей, но и для защитника: «Он обязан содействовать, а не препятствовать суду в достижении целей правосудия, причем выступает не только как частный представитель подсудимого, но и в качестве судебного общественного деятеля, который изменяет достоинству своего звания, если, например, стремится к так называемому обелению или освобождению виновного от наказания во что бы ни стало и без различия средств и приемов действия» [30, стр. 281]. Весьма бурно обсуждался в комиссии вопрос о помощниках адвокатов, проблемы адвокатской монополии и вознаграждения адвокатов. Плевако внес вклад в юриспруденцию второй половины девятнадцатого века.

Такой политический деятель и юрист как Иосиф Владимирович Гессен [13; 14], высоко оценил данную реформу, а также отметил участие Плевако, так как участие адвоката в данном деле рассматривалось как гарантия прав подсудимых на защиту и являлось важнейшим элементом судебной реформы 1864 года. Плевако был разносторонней личностью и интересовался не только своей адвокатской деятельностью. Он много лет являлся церковным старостой кремлёвского Успенского собора в Москве и любил приводить в своих выступлениях цитаты из библии.

Его речи славятся острым словом и меткими замечаниями в адрес своих оппонентов. Его выступлениям была присуща глубокая заинтересованность в своем деле и умение изучить весь процесс так, чтобы доказать свою правоту. Как писал Б.С. Утевский, «Плевако был мастером красивых образов, каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходов, неожиданно приходивших ему в голову и нередко спасавших клиентов от грозившей кары» [55, стр. 159]. У него было уникальное сочетание исключительного чувства юмора с даром импровизации. Он занимался и общественной жизнью. В 1885 году Федор Никифорович принял участие в издании газеты «Жизнь», а в последующем был сотрудником издания «Московский листок». В конце своей карьеры он вошел от партии октябристов в состав 3-й Государственной думы. За заслуги он получил чин действительного статского советника, потомственный дворянский титул и был удостоен аудиенции у императора.

«Его движения были неровны и подчас неловки; нескладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призыванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе», – писал судья Анатолий Кони [25, стр. 124]. Г. Резник писал – «Разгадка славы Плевако проста, он был обыкновенный гений. Гений судебного красноречия, гений судебной защиты. Гениальность всегда несет в себе загадку, до конца проверить алгеброй ее гармонию нельзя» [45, стр. 10].

В 1881 году революционеры убивают Императора Александра II, и начинается политика на укрепления самодержавия в стране. Меняется и сам Плевако, начинается большое количество дел с политической и классовой повесткой. Он принимает участие в таких делах как Морозовская стачка 1885 года [39], дело люторических и севских [36], Коншинской фабрики [40]. Многие ошибочно считают, что он защищал Веру Засулич, так как только он мог выиграть уже безнадежное дело. Однако, ее защищал не менее прославленный адвокат Пётр Александрович Александров. В 1900 по просьбе художников Сурикова, Поленова и ряда других известных деятелей, он взял на себя защиту С.И. Мамонтова, обвиненного в финансовых злоупотреблениях, и выиграл дело [41]. Это было резонансное дело, так как один из самых богатых и влиятельных людей, оказался в суде.

Невзрачный внешне, с тихим голосом, Плевако поражал слушателей своей искренностью, эмоциональной мощью, ораторской изобретательностью и выразительностью слова.

Плевако никогда заранее не писал своих речей, но нередко записывал их после суда по просьбам друзей или судебных репортёров

Плевако неуклонно отстаивал принципы законности и равенства всех перед судом, обличал в своих речах произвол и злоупотребления духовных лиц, полицейских чинов, феодалов и предпринимателей. Еще в 1905 году Плевако продиктовал список дел, речи по которым он хотел бы видеть напечатанными.

Плевако был одним из первых дореволюционных адвокатов, который разрабатывал основы российской судебной риторики. Его нередко упрекали в том, что он не готовился к выступлениям в суде и выступал спонтанно

и импровизировал на ходу. На самом деле он заранее делал несколько набросков и из них отбирал самый лучший вариант. Но иногда Плевако импровизировал, если считал это необходимым. Федор Никифорович, также как и П.А. Александров и А.Ф. Кони, не был оратором, который выступал с бумажкой в руке и постоянно не сверялся с тем, что у него написано заранее. Он пользовался также в своей речи пословицами и поговорками. Это сразу располагало к нему присутствующих, даже тех, кто был его противником. Плевако создает яркие, запоминающиеся образы, при этом они всегда уместны и способны убедить слушателей. Богатыми интонационными рисунками отличались защитительные речи Ф.Н. Плевако, и это в значительной степени повышало воздействие его речей на присяжных заседателей. В молодые годы Плевако занимался научными работами, например в 1874 г. он перевёл на русский язык и издал курс римского гражданского права Пухты [44]. К несчастью дальше он вынужден был оставить этот труд, в связи с адвокатской деятельностью.

Он оставил после себя огромное количество речей, с которыми выступал в суде. Записи от судебных заседаний и записки современников могут передать его талант. Во многих речах были ссылки на библейские тексты, которые он знал наизусть. Постоянная тяга к изучению наделило Плевако острым чувством слова и очень меткой и спокойной речью. По мнению В.А. Маклакова, «в Плевако были задатки стать несравненным стилистом, речи которого можно было бы запоминать наизусть, как, например, речи А.Ф. Кони. Но он остался к этому весьма равнодушен, никогда не исправлял ни речей, ни статей с тем, чтобы отделать, очистить свой стиль. И если этот великий талант его не был зарыт в землю, то и не был приумножен» [33].

Сложные юридические вопросы, а также житейские ситуации, он умел освещать и разъяснять в доступной для слушателей форме, что даже неграмотный и незнакомый с юриспруденцией человек, мог разобраться в происходящем деле. Это было связано с тем, что Плевако в своей работе акцентировал собственное внимание именно на присяжных, в то время как другие адвокаты апеллировали только к закону. Он старался мгновенно перехватить инициативу и, завладев вниманием судьи и присяжных, разбить доводы противника. Его тактика очень

часто сводилась к тому, чтобы представить подсудимого как человека, который такой же как и присутствующие. На этом эмоциональном подъеме, Федор Никифорович рассказывал суть дела, далее он использовал образы, которые легко воспринимают слушатели. Во время этого монолога, он подмечал юридические аспекты и детали, которые подтверждали его позицию. Когда было необходимо, он прибегал к противоречиям и юмору, чтобы сбить накаленную атмосферу и перехватить инициативу. Плевако пользовался метафорами, антитезой, аксиомы, а также своим собственным голосом, когда надо было держать внимание присутствующих. Как мастер в своем деле, он очень умело пользовался риторикой в своих выступлениях. Плевако пользовался таким приемом как психологический довод, когда для результата обращаются к чувствам и эмоциям адресата. Он приводит слушателям аргументы с целью побудить их принять его точку зрения. Иногда он использовал метод сравнения, который подразумевал сравнить два объекта и показать их общность или различия. В риторике это используют как способ изменить отношения слушателя с отрицательного на нейтральный или положительный. Он мог поддерживать внимание аудитории с помощью конфликтной ситуации в речи и подавать факты или идеи в их противопоставлении. Также Плевако умел найти особенность в деле и указать на эту характерную особенность. В защитительных речах Ф.Н. Плевако кроме риторических единиц убеждения и логических единиц доказывания можно выделить иррациональные единицы аргументации, или иррациональные аргументы. Если проанализировать речи Ф.Н. Плевако, то аргументы к здравому смыслу, занимают ведущее место (49 аргументов к здравому смыслу – 24,38% от общего процента использования иррациональных аргументов (далее – ИАР)). Далее следует аргументы к публике (37 – 18,41% от общего процента использования ИАР), к традиции (32 – 15,92 %), к авторитету (28 – 13,93 %), к личности (21 – 10,45%), к жалости (10 – 4,98%), к верности (10 – 4,98%), к личности (7 – 3,48%), к вере (2 – 0,99%) и к выгоде «подсудимых и других» (2 – 0,99%), к невежеству (2 – 0,99%), иррациональный аргумент к человеку (1 – 0,5%) [11]. Во всех выступлениях Федор Никифорович использовал множество приемов и за счет этого побеждал.

Сам Федор Никифорович ссылался в своих

речах на авторитет других адвокатов и известных лиц. Ранее отмечалось, что он любил цитировать Библию, что также показывает высокое его мастерство в риторике. С помощью выдержек из Библии он напоминает об основных устоях христианства и нравственных заповедях с тем, чтобы указать всем, что они также несовершенно и должны вспомнить о сострадании. Нередким в речах защитника Ф.Н. Плевако является аргумент к лицу с целью вызвать к нему симпатию, доверие: «Все эти люди жили между нами, мы все знаем их, мы все знали их прошлое, знали, что они всегда занимались коммерческими делами, и не знаем ни одного из таких предприятий, служивших общественной пользе, за которые бы они не брались. Мы знаем, что всякий желал иметь с ними дело, и во всей Москве не найдется ни одного торговца, который бы сказал, что они не пользовались кредитом и когда-нибудь нарушили то доверие, которое им оказывалось» (из речи по делу Московского ссудного банка [38]). Он полемизировал тактично, пытаясь избежать эксцессов, а на все нападки со стороны своих противников, отвечал обоснованно и спокойным тоном. «Плевако любил прибегать в речах к эффективным «фейерверкам», как он их сам называл <...> Он был мастером красивых образов, каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходов, неожиданно приходивших ему в голову и нередко спасавших клиентов от грозившей кары» [55]. Ораторский талант Плевако и в настоящее время явление интересное и, к несчастью, недостаточно изученное.

В 1997 году адвокатским сообществом России учреждена Золотая медаль, а в 2003 году – Серебряная медаль имени Ф.Н. Плевако для награждения адвокатов и общественных деятелей за вклад в правозащитное движение. Так же традицией стали Плеваковские чтения. Высоко оценили его труды потомки, которые не только признали его заслуги спустя столетие, но и взяли, то лучшие, что создал Федор Никифорович. После смерти Плевако опубликовано около 60 его речей, составляющих два тома [42]. Его уникальный подход к выступлениям перед присяжными, его пунктуальность и готовность в любой момент подметить самую мельчающую деталь в деле, и использовать ее против оппонента.

Роль, которую сыграл Федор Никифорович Плевако в юриспруденции и риторике

девятнадцатого века огромна. Он был одним из первых адвокатов, кто осознал всю важность слова в суде присяжных. Плевако умело пользовался речью и развивал ее новыми приемами [1;

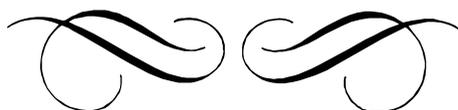
12; 16; 22]. Благодаря своему таланту, он сделал себе имя, а также оставил потомкам, свои блистательные речи, которые до сих пор актуальны в среде адвокатов.

Список литературы

1. Аверьянов А.В., Симонян К.С. Ф.Н. Плевако: жизнь и деятельность выдающегося Российского адвоката // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 63-67.
2. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
3. Ананских И.А., Сэрва В.С., Тюленева М.А. Взгляд на сущность акционерных обществ в исторической ретроспективе (на примере трудов В.Д. Спасовича) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 150-156.
4. Андреева К.С., Доронин А.М., Жизненный и профессиональный путь А.Ф. Кони // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 33-38.
5. Бакин А.А., Гусева В.Ю. Воззрения отечественных ученых-юристов начала XX века на социально-правовую природу эмоций (на примере работ А.Ф. Кони и Л.И. Петражицкого) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 41-48.
6. Балан В.П., Литвинов Н.Д., Числов А.И. А.Ф. Кони, Вера Засулич и терроризм в Российской империи конца XIX – начала XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 15-37.
7. Балашов А.Е. Правовые взгляды А. Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 42-47.
8. Балясников Н.А., Еремина Т.И. Роль Анатолия Федоровича Кони в оправдании Веры Ивановны Засулич по делу о покушении на Петербургского градоначальника генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 115-120.
9. Баркалова Е.В. Правовое и научное наследие А.Ф. Кони и вопросы совершенствования современного российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 150-157.
10. Брагина Е.Е., Несмиянов А.Н. Роль и гражданская позиция А.Ф. Кони в расследовании крушения царского поезда, произошедшего в 17 октября 1888 года // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 98-102.
11. Гаврилова Е.С. Иррациональные аргументы как средства нарушения коммуникативного качества речи «Логичность» в аспекте речевого воздействия в защитительных речах Ф. Н. Плевако (семантический аспект) // Ученые записки Орловского государственного ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 171-177.
12. Георгиева П.А., Ляскович Т.Г. Ф.Н. Плевако и его вклад в развитие отечественной юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 37-42.
13. Гессен Владимир Матвеевич (А.Н. Медушевский) / Гессен Иосиф Владимирович // Юристы и Революция: Pro et Contra / Авт. и сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. – М.: Кучково поле, 2017. – С. 346-391. – в кн. 552 с.: ил.
14. Гессен И.В. Судебная реформа. – СПб.: Книгоизд-во П.П. Гершунина, 1905. – [4], 267 с.
15. Гиляровский Вл. Москва и москвичи. – М.: Художественная литература, 1981. – 383 с.
16. Доронин А.М., Кладова А.Д. Ф.Н. Плевако – отец судебной риторики // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 67-72.
17. Зарубин А.В. Ответственность за недонесение о преступлении по Уголовному уложению 1845 года в трудах А.Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 116-120.
18. Захарцев С.И., Маков Б.В., Сальников М.В. Рассмеялся бы Христос, присутствуя на судебном процессе с участием А.Ф. Кони ? // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 26-32.
19. Идрисов Н.Т. Правовые взгляды А. Ф. Кони на «насильственную смерть от собственной руки» // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 51-54.
20. Иконникова И.С. Справедливость в правосудии – его ремесло. К 170-летию со дня рождения А.Ф. Кони //

- Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 36-45.
21. Караваев Г.А. Взгляды А.Ф. Кони на особенности судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С. 11-14.
 22. Карманова А.А., Несмиянов А.Н. Федор Никифорович Плевако. Применение психоанализа в системе доказательств (на примере дела П.П. Качки и А.М. Бартенева) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7-8. – С. 75-78.
 23. Карташова Н.С., Коряковцев В.В. Вклад Н.С. Таганцева в развитие российского уголовного права // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 63-67.
 24. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / Ред. текста и прим. М.Ф. Теодоровича; предисл. Ив. Теодоровича. – М.; Л. : Academia, 1933. – XXXIX, 581, [4] с., 4 вкл. л. портр., факс.
 25. Кони А.Ф. Князь А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1968. – С. 123-137. – в кн. 536 с.
 26. Кравченко А.А. А.Ф. Кони и суд присяжных // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 176-178.
 27. Кудрявцев В.Л. Идеи А.Ф. Кони о нравственной составляющей в деятельности прокурора в суде через призму современного законодательства и правоприменения // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С. 89-96.
 28. Кулешова Л.В., Рыбин Д.В., Трофимов Е.В. Анатолий Федорович Кони – рыцарь российского правосудия (обзор материалов Межвузовских научных чтений памяти Анатолия Федоровича Кони) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 57-67.
 29. Кулик Н.В. Правовое и научное наследие А.Ф. Кони и формирование профессиональных компетенций современного прокурора – государственного обвинителя // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 91-94.
 30. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История и документы: в 6 т. Т. 4: На рубеже веков: эпоха войн и революций. – М.: Мысль, 2003. – 677, [1] с., [8] л. цв. ил., портр.
 31. Лебедева М.Ю., Гер О.Е., Сальников М.В. А.Ф. Кони о влиянии правовой науки на законодательство и судебную практику // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 28-30.
 32. Лозина Ю.А. Опубликование писем и дневников известных людей – взгляды pro et contra: позиция А.Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 109-112.
 33. Маклаков В.А. Ф.Н. Плевако : Лекция, прочит. в мае 1909 г. в Петербурге в О-ве любителей оратор. искусства. – М.: тип. В.М. Саблина, 1910. – 61 с.
 34. Маков Б.В. Мастерство парадокса в речах А.Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 150-153.
 35. Мальгина Т.В., Тарасов А.С. Роль В.Д. Спасовича в развитии российской адвокатуры // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 83-88.
 36. Плевако Ф.Н. Дело Люторических крестьян // Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 542-554. – в кн. 871 с.
 37. Плевако Ф.Н. Дело Маруева, обвиняемого в подлоге // Плевако Ф.Н. Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович: отв. ред. и автор вступ. статьи Г.М. Резник. – М.: Юридическая литература, 1993. – С. 193-201. – в кн. 544 с.
 38. Плевако Ф.Н. Дело Московского Ссудного Коммерческого банка // Плевако Ф.Н. Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович: отв. ред. и автор вступ. статьи Г.М. Резник. – М.: Юридическая литература, 1993. – С. 281-315. – в кн. 544 с.
 39. Плевако Ф.Н. Дело о стачке рабочих на фабрике товарищества Саввы Морозова // Плевако Ф.Н. Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович: отв. ред. и автор вступ. статьи Г.М. Резник. – М.: Юридическая литература, 1993. – С. 522-526. – в кн. 544 с.
 40. Плевако Ф.Н. Дело рабочих Кошкинской фабрики // Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 575-580. – в кн. 871 с.
 41. Плевако Ф.Н. Дело Саввы Ивановича Мамонтова и других, обвиняемых в злоупотреблениях в обществе Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги // Плевако Ф.Н. Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович: отв. ред. и автор вступ. статьи Г.М. Резник. – М.: Юридическая литература, 1993. – С. 257-280. – в кн. 544 с.
 42. Плевако Ф.Н. Речи / Под ред. Н.К. Муравьева. Т. 1-2. – М.: изд. М.А. Плевако, 1909-1910.
 43. Подгорный Б.А. Плевако: (сообщение, сделанное 13 марта 1914 года в Московском юридическом собрании). – М.: Московское печатное пр-во В. Венгерова, 1914. -40 с.
 44. Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. – М.: Плевако, 1874. – VIII, 550 с.

45. Резник Г. Рыцарь правосудия // Ф.Н. Плевако Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович: отв. ред. и автор вступ. статьи Г.М. Резник. – М.: Юридическая литература, 1993. – 544 с.
46. Романовская В.Б., Биюшкина Н.И., Тюленева М.А. Вопросы судоустройства в пореформенной России в сочинениях В.Д. Спасовича // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 31-34.
47. Рысенко А.А. Юридическая психология А.Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 191-193.
48. Сальников В.П., Иванов В.А. «...И всегда служил не лицам, и не себе, а делу»: Вступительная статья // А.Ф. Кони. Избранные произведения. В 3-х томах. Том. 1. Воспоминания / Вступительная статья В.П. Сальникова и В.А. Иванова. – СПб.: Лексикон; Фонд «Университет», 2001. – С. 5-7. – в кн. 287 с. – (Серия: «Сокровищница российской юриспруденции»).
49. Сексте Я.А. А.Ф. Кони: педагогическая деятельность и советская власть // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 188-191.
50. Скрипилев Е.А. В.Д. Спасович – король русской адвокатуры. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. – 101 с. : портр.
51. Сопраньков Г.А. Анатолий Федорович Кони – юрист, ученый, писатель // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 172-175.
52. Сынков В.В. А.Ф. Кони об участии женщин в работе российской адвокатуры // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 164-167.
53. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: В 2 т. Т. 2. – М., 1994.
54. Троицкий Н.А. Владимир Данилович Спасович (1829-1906) // Корифеи российской адвокатуры / Под общ. ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 52-80. – в кн. 415 с.
55. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. – М.: Юридическая литература, 1989.- 302 с.
56. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. : в 2 т. Т. 1. – СПб.: Альфа, 1996. – 552 с.
57. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1 – СПб.: Альфа, 1996. – 607 с.
58. Фойницкий И.Я. Учение о наказания в связи с тюремноведением. – М.: Городец, Добросвет-2000, 2000. – 462, [1] с.

ПОНОМАРЕВ Кирилл Владимирович,
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: 9521kirill@mail.ru.

ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
заведующая кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Voitovich@ya.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ УРУСОВ – СОЗДАТЕЛЬ СВОБОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЗАЩИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

***Аннотация.** Рассматривается деятельность выдающегося представителя института российской адвокатуры, талантливого судебного оратора князя Александра Ивановича Урусова. Отмечается, что он обладал блестящей логикой, артистизмом, прекрасно владел богатыми голосовыми средствами, умел привлечь слушателей, подчинять себе их мысль и чувства. А.И. Урусов получил большую популярность прежде всего, как оратор-гуманист, отстаивающий демократические и нравственные начала в русском суде пореформенной эпохи.*

Публикуется в порядке участия в научном конкурсе «Роль российских юристов в эпоху судебно-правовых реформ второй половины XIX - начале XX веков» и научно-практической конференции с международным участием «Подготовка юридических кадров в традициях ведомственного российского образования: история и современность».

***Ключевые слова:** А.И. Урусов; судебный оратор; Судебная реформа 1864 года; российская адвокатура; первоиздатель русской уголовной защиты.*

**PONOMAREV K.V.
VOITOVICH L.V.**

ALEXANDER IVANOVICH URUSOV – THE CREATOR OF THE FREE LITERARY LANGUAGE OF DEFENSE SPEECH

***The summary.** The activity of an outstanding representative of the institute of the Russian legal profession, a talented judicial orator Prince Alexander Ivanovich Urusov is considered. It is noted that he possessed brilliant logic, artistry, perfectly mastered rich vocal means, knew how to attract listeners, to subdue their thoughts and feelings. A.I. Urusov gained great popularity primarily as an orator-humanist defending democratic and moral principles in the Russian court of the post-reform era.*

Published as part of the scientific competition "The Role of Russian Lawyers in the Era of Judicial and Legal Reforms in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries" and a scientific and practical conference with international participation "Training of Legal Staff in the Traditions of Russian Departmental Education: History and Modernity".

***Key words:** A.I. Urusov; judicial speaker; Judicial reform of 1864; Russian advocacy; the pioneer of Russian criminal defense.*

После отмены в Российской Империи в 1861 году крепостного права и формального признания равенства всех перед законом и судом в стране особенно остро ощущался кризис законности, который заключался в повсеместном неуважении к закону и повседневному его нарушении, в том числе высокопоставленными сановниками, местной администрацией, прокурорами и судьями, что еще больше усугубляло кризис законности, ибо, как отмечал учитель А.С. Пушкина А.П. Куницын, «закон, нарушаемый бюстителями оною, не имеет святости в глазах народа» [21].

Как известно, профессор А.П. Куницын преподавал в Императорском Царскосельском лицее, где учился А.С. Пушкин, и внес существенный вклад в разработку концепции естественного права в России [23; 24]. Подготовил и опубликовал двухтомный труд «Право естественное» [17; 18].

Начиная со второй половины XIX века, в Российской Империи настает эпоха судебных реформ, проводимых императором Александром II. Начинает реформироваться судебная система, суд становится гласным, состязательным и бессловным. В то время были образованы коллегии присяжных заседателей и адвокатура. При обсуждении проектов судебной реформы 1864 года [22]. Государственный совет признал необходимым создание организованной адвокатуры, без которой, по его мнению, «невозможно будет ведение состязания в гражданских и судебных прениях в уголовном судопроизводстве с целью раскрытия истины и представления полной защиты тяжущимся и обвиняемым пред судом» [20]. Юриспруденция, в частности институт адвокатуры, начинает неумолимо развиваться. Создание института адвокатуры стало важным событием в общественной жизни государства. Юристы очень быстро объединились в сословие присяжных поверенных, которые своими опытом, знаниями, ораторскому мастерству и профессионализму не уступали западным адвокатам. В качестве ведущей функции института адвокатуры выделялось достижение принципа правды и чести. В государстве появляются выдающиеся представители института адвокатуры. Одним из них является Урусов Александр Иванович. Его жизнь и творчество нашли отражение в публикациях того периода и в собственных произведениях адвоката [3; 7; 8; 14; 19; 27; 29; 32; 36], не

обходят его вниманием и современные исследователи [4; 5; 11; 28; 26, стр. 250; 31, стр. 81-102].

Урусов Александр Иванович является одним из величайших адвокатов XIX века. Родился он в Москве 2 апреля 1843 года в дворянской, семье полковника Ивана Александровича Урусова. Выдающийся адвокат обучался в московской гимназии, где проявил склонность к гуманитарным наукам. В 1861 году А.И. Урусов поступил на юридический факультет Московского государственного университета, из которого был исключен за участие в беспорядках. Тем не менее, в 1862 году, сдав экзамены в общем порядке, был снова принят, окончил курс в рамках юридического факультета. В 1866 году был зачислен кандидатом на судебные должности в Московский окружной суд, где ему впервые доверили выступить защитником при слушании одного уголовного дела. Именно после этого дела А.И. Урусов и решил в последствии стать присяжным поверенным.

А.И. Урусов был разносторонним человеком и интересовался не только юриспруденцией. Особенным его увлечением стала поэзия и театр. Он рано стал выступать со статьями и заметками на театральные темы. В этих студенческих статьях просматривается талант публициста, сильная социальная позиция, стремление к социальной справедливости, свободе и равенстве всех перед законом.

Уже в 1867 году А.И. Урусов стал известен как талантливый защитник речью по делу крестьянки Волоховой [33], в которой он, по выражению А.Ф. Кони, уничтожил, «силой чувства и тонкостью разбора улики, тяжкое и серьезное обвинение». В 1868 году он перешел в помощники поверенного, а в 1871 году получил звание присяжного поверенного. Все это время он с триумфом выступал в нескольких громких делах. В одном из таких дел он со скандальным сообщением обратился к правительству Швейцарии с просьбой не выдавать Российской Империи Сергея Геннадиевича Нечаева. Вскоре после этого А.И. Урусов подвергся ссылке и изгнанию из адвокатуры [25]. После данного события деятельность А.И. Урусов в качестве адвоката надолго прервалась.

В то время «нечаевское дело» было государственной важности. За данным процессом внимательно следил сам император Александр II. При этом любые попытки оправдания, либо защиты

государственных преступников, которые были уличены в уголовном преступлении, рассматривались властью как личное оскорбление императора. А А.И. Урусова, к сожалению, слишком интересовали те, кто хоть как-то был причастен к данному делу.

За «нечаевское дело» А.И. Урусов был выслан в Остзейский край, где прожил около девяти лет. Его карьера адвоката была прервана в самый блестящий период ее расцвета.

В это время А.И. Урусов развивается как литератор. После освобождения из ссылки под условием никогда больше не заниматься адвокатской деятельностью он поступает на службу в канцелярию лифляндского генерал-губернатора. Позднее получает должность прокурора варшавского окружного суда. В последствии переезжает в Петербург и именно в это время А.И. Урусов становится известен как блестящий обвинитель. Особую известность ему принесло дело о громком убийстве профессора П.А. Гирштовта.

Однако в этой должности А.И. Урусов долго пробыть не смог. В 1881 году он снова возвращается в адвокатуру и становится присяжным поверенным в Санкт-Петербурге. В 1889 году Александр Иванович уезжает в Москву, где продолжает свою деятельность в качестве присяжного поверенного.

В это время, находясь в Москве, он принял участие во многих знаменитых и громких делах своего времени, таких как дело Мироновича [35], Дмитриевой и Кострубо-Карицкого [34] и др.

А.И. Урусов отличался своей остротой восприимчивостью. Он охотно вступал в острую полемику со своими противниками. Хотя порой его пылкость, погоня за столкновением с противником не всегда помогали делу. Он обладал блестящей логикой, артистизмом, внушающими ораторскими способностями. Александр Иванович не так тщательно изучал материалы дела, как больше всего внимания уделял постановке своей речи. Он прекрасно владел богатыми голосовыми средствами, а дикция и жесты были безупречны. Он умел привлечь слушателей, подчинять себе их мысль и чувства, а его речи в напечатанном виде дают лишь малую долю представления о том, что происходило во время заседания. «Он убеждал силой своего увлечения, блеском нападения и полемики, удачным раскрытием слабых мест противника. Он был идеальным диалектиком, умевшим оспорить

любое чужое доказательство и защитить свое, собрать для поддержания своего взгляда самый разнообразный материал и подкрепить аргументацию силой увлечения. На психологической стороне дела, требующей изучения характеров и события?, Урусов останавливался редко; его характеристики не выделялись ни глубиной, ни силой» [12].

Как уже говорилось, Александр Иванович добивался успеха, воздействуя своими речами на чувства слушателей – присяжных и зрителей. Он продемонстрировал, что с чувствами присяжных, судьи и зрителей тоже необходимо работать, а иногда это даже единственный шанс на победу в деле. Однако его точку зрения разделяли далеко не все. В частности, другого мнения придерживался самый известный из числа адвокатов – Ф.Н. Плевако [1; 6; 9; 13]. Ораторскими данными он владел в высочайшей степени.

Одной из особенностей речей А.И. Урусова была их логичность. В его речи не было ярких художественных образов. Логика доказательств занимала главенствующую роль. При подготовке речи он уделял больше всего внимания не попыткам сочинить красивую историю, а четко объяснить доводы, сформировать вывод, заключения.

Всегда вокруг Александра Ивановича находилось множество людей, в душе которых он оставил неизгладимый след. В своих воспоминаниях Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт писала, что он выступал в защиту «прав человека», к какому бы кругу общества человек ни принадлежал [2].

Вклад А.И. Урусова в развитие российской юриспруденции был колоссальным. Судебная реформа, проводимая Александром II, полностью изменила судебную систему в Российской Империи. Суд стал гласным и состязательным. В этой связи и возникла проблема: как будут проходить судебные заседания? как готовить речи адвокатам? как найти людей, которые бы обладали подготовкой и могли участвовать в заседаниях? До судебной реформы судебные заседания не отличались красочными речами, все было формализовано, сухо и на бумаге. От немого судебного процесса адвокаты не могли унаследовать никаких образцов профессиональной защитительной речи, им ничего не оставалось как опираться на развитие французской адвокатуры.

Анатолий Федорович Кони отмечал, что в

первые годы введения новой судебной реформы среди адвокатов на первые позиции выдвинулись четыре выдающиеся фигуры, одной из которых являлся А.И. Урусов. Огромной заслугой «первопроходца» А.И. Урусова и других было то, что они изначально, понимали, что перенесение французских образцов на отечественную почву непродуктивно [16, стр. 123]. Александр Иванович создал свободный литературный язык защитительной речи. Он начал использовать афоризмы, цитаты в своих речах, излагать свою позицию максимально понятно, вызывая понимание у присутствующих. Большое впечатление производил его голос, приятный высокий баритон, которым звучала размеренная, спокойная речь. В его движениях и жестах сквозило прежде всего изысканное воспитание по-европейски образованного человека. В самом разгаре судебных прений? казалось, что он снисходит к своему противнику и с некоторой брезгливостью разворачивает и освещает по-своему скорбные или отталкивающие страницы дела. А.И. Урусова называли первооснователем русской уголовной защиты. Его речи были образцом не только для начинающих адвокатов, но и для его коллег. Он доказал, что грамотно поставленная, логически выстроенная речь может оказать большое влияние на решения суда, даже если все улики и доказательства указывают не в пользу вашего подзащитного, ваша речь может спасти его. Это ярко он продемонстрировал в деле Мавры Волоховой [33]. Ее обвиняли в убийстве мужа. Все свидетели в своих показаниях указывали на Мавру, улики и доказательства тоже, но А.И. Урусов шаг за шагом разрушил все обвинения, указав на то, что следствие было произведено неполно и неряшливо. Александр Иванович не смог доказать невиновность Мавры Волоховой, так как алиби у нее не было, а вот мотив у неё был. Однако ему удалось блестяще показать, что нет оснований для признания подсудимой виновной. Сомнения, которые присяжные справедливо истолковали в пользу обвиняемой, были очень велики, и защитник не упустил практически ничего. Закончил А.И. Урусов свою речь так: «Я, господа присяжные, не прошу у вас смягчающих обстоятельств для подсудимой; я убеждён, что вы ее оправдаете». И суд ее оправдал. В истории российского суда это дело осталось примером ухода настоящего убийцы от

наказания вследствие некачественно произведённого расследования и блестящей работы адвоката. На следующий день вся Москва говорила об успехе Александра Ивановича.

А.Ф. Кони отметил неслыханный восторг присутствующих в зале суда после защитительной речи А.И. Урусова, и подчеркнул, что речь защитника сломала силу чувства и тонкостью анализа улики тяжкое и серьезное обвинение [15].

А.И. Урусов – талантливый судебный оратор. Благодаря его страсти к литературе, стиль его речей отличался простотой изложения, последовательностью, ясностью. В суде его речи всегда задевали за живое, вызывали эмоции у противников и слушателей, были обсуждаемы.

Александр Иванович всегда изучал дела во всех малейших деталях, раскладывал обстоятельства на группы по значимости, составлял для себя таблицы, где систематически были представлены улики и доказательства. А.И. Урусов ставил суд присяжных слишком высоко, он «не верил ни в их непогрешимость, ни в свойственный им здравый смысл...». он считал это возможным, потому что соглашался с приговором, однако, если его что-то не устраивало, то не стеснялся использовать в своих речах и кассационных жалобах ироническую критику, которая не всегда высказывалась тактично. А.И. Урусов по праву занял одно из первых мест среди выдающихся русских адвокатов.

Имея особенную любовь к литературе, Александр Иванович часто выступал в качестве литературного критика под псевдонимом Александр Иванов. Он лично был знаком с И.С. Тургеневым, с А.П. Чеховым. Ценил поэзию французских поэтов, в особенности Ш. Бодлера, изучал творчество Г. Флобера. Одним из первых признал и оценил талант К.Д. Бальмонта. По воспоминаниям Е.А. Андреевой-Бальмонт «Урусов был превосходным чтецом стихов и прозы Бодлера, Пушкина, Флобера, Лермонтова и др.. Только в чтении Урусова, который переживал читаемое и воспроизводил его так, что и слушатель переживал его вместе с ним, можно было вполне оценить красоту языка и стиля Флобера. Впечатление от прочитанного было настолько сильно, что не хотелось думать о слышанном как о чем-то выдуманном; люди с их действиями, словами и жестами восставали как бы взятые из действительности, казалось, будто вы имели дело

с живыми людьми, которые не могли действовать иначе, чем они действуют у автора, – так сильно находился Урусов сам под обаянием красоты слова, так умел он подчинить этому обаянию своих слушателей» [2].

А.И. Урусов получил большую популярность и показал себя в широких общественных кругах, прежде всего, как оратор-гуманист, отстаивающий демократические и нравственные начала в русском суде пореформенной эпохи.

А.И. Урусов всегда следовал голосу своей совести: «выше совести человека, – говорил он в

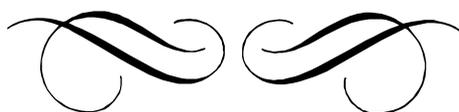
речи по делу о беспорядках в деревне Хрущевке, – нет силы в мире» [10]. В этом заключении содержится лейтмотив общественного значения адвокатской деятельности А.И. Урусова, в этом и главная причина силы и убедительности его речей.

Урусова следовало бы изучить многим начинающим судебным ораторам: из его речей можно увидеть умение вести судебные процессы, мастерство как на суде надо говорить все, что нужно, и только то, что нужно, и научиться, что лучше ничего не сказать, чем сказать ничего [30].

Список литературы

1. Аверьянов А.В., Симонян К.С. Ф.Н. Плевако: жизнь и деятельность выдающегося Российского адвоката // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 63-67.
2. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. Ч. 2. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 559,[1] с. : ил.
3. Андреевский С.А. Избранные труды и речи / Сост. И. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000. – 422, [1] с. : ил., портр.
4. Белицкая А.А., Козырев Д.Н. Урусов Александр Иванович – выдающийся русский адвокат и правоведа // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9-10. – С. 32-36
5. Власенко П.А. Первосоздатель русской уголовной защиты – Александр Иванович Урусов // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 175-179.
6. Георгиева П.А., Лясевич Т.Г. Ф.Н. Плевако и его вклад в развитие отечественной юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 37-42.
7. Гольдовский О.Б. Воспоминания о кн. А.И. Урусове // Вестник права. – 1903. – № 9-10. – С. 214-215.
8. Громницкий М.Ф. Из прошлого // Русская мысль. – 1899. – № 3.
9. Доронин А.М., Кладова А.Д. Ф.Н. Плевако – отец судебной риторики // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 67-72.
10. Дѣло о 53-хъ крестьянахъ села Хрущевки, барона Медема. Неповиновение и сопротивление властямъ // Судебные ораторы. Рѣчи князя А.И. Урусова. – М.: печатня А.И. Снегиревой?, 1901. – с. 63-79. – в кн. 173 с. – (Приложение к журналу «Судебные драмы» за 1900 г.).
11. Звягинцев А.Г. Александр Иванович Урусов (1843-1900) «Народный трибун» // А.Г. Звягинцев. Роковая Фемида. Драматические судьбы знаменитых российских юристов. – М.: Апрель: АСТ, 2010. – С. 137-145. – в кн. 448 с.
12. Знаменитые адвокаты России конца XIX– начала XX вв. // Цикл выставок «Адвокаты России» (СПбГУ) // <http://lib.law.spbu.ru/exhibitionlibtema/lawyersrussiaall/lawyersrussiapart1/lawyersrussiaxix.aspx>
13. Карманова А.А., Несмиянов А.Н. Федор Никифорович Плевако. Применение психоанализа в системе доказательств (на примере дела П.П. Качки и А.М. Бартенева) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7-8. – С. 75-78.
14. Князь А.И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. Т. 1-3. – М., 1907.
15. Кони А.Ф. За последние годы: судебные речи (1888 – 1896). Воспоминания и сообщения. Юридические заметки. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1896. – XIII, [3], 623 с.
16. Кони А.Ф. Князь А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1968. – С. 123-137. – в кн. 536 с.
17. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – 136 с.
18. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1820. – 164 с.
19. Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. – СПб., 1897.

20. Мархгейм М.В., Смоленский М.Б., Тонков Е.Е. Адвокатура в России: Учебник для вузов / Под общ. ред. М.Б. Смоленского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Кнорус, 2012. – 309, [1] с.
21. Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных. – М.: Дело, 2003. – 478, [1] с.
22. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов: к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент б-ка, 2014. – 632, [1] с., [1] л. портр. : ил., факс. – (Документы и материалы).
23. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
24. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
25. Сальников М.В., Петров П.А., Туков С.В. Взаимодействие российских адвокатов и власти конца XIX – начала XX в. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 29-46.
26. Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX – начала XX века). – М.: Юридическая литература, 1984. – 272 с.
27. Соколова А.И. Воспоминания о кн. А.И. Урусове // Исторический вестник. – 1910. – № 5.
28. Степанова А.В. А.И. Урусов – юрист и судебный оратор: Автореф. дис.... канд. истор. наук. – Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2005. – 22 с.
29. Судебные ораторы: Речь Князя А.И. Урусова. – М.: Печатня Снегиревой, 1900. – 171 с. – приложение к журналу «Судебные Драмы» за 1900 г.
30. Судебные речи известных русских юристов. Часть 2 / К.К. Арсеньев и др. – М.: Современная гуманитарная академия, 2009. – 379 с.
31. Троицкий Н.А. Александр Иванович Урусов (1843-1900) // Н.А. Троицкий. Корифеи российской адвокатуры / Под общ. ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. – М.: Центрполиграф, 2006. – 415 с.
32. Урусов Александр Иванович. Первосоздатель русской судебной защиты : Защит. речи. Ст. и очерки. Автобиограф. заметки и письма / Сост. И. Потапчук. – Тула: Автограф, 2001. – 350, [1] с. : ил., портр.
33. Урусов А.И. Дело Волоховой // Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 699-705. – в кн. 871 с.
34. Урусов А.И. Дело Дмитриевой и Каструбо-Корицкого // Речи известных русских юристов: Сборник / Составители: П.М. Захаров, Е.П. Черкашина. – М.: Юрид. Лит., 1985. – С. 507-528. – в кн. 544 с.
35. Урусов А.И. Дело Мироновича // Речи известных русских юристов: Сборник / Составители: П.М. Захаров, Е.П. Черкашина. – М.: Юрид. Лит., 1985. – С. 528-542. – в кн. 544 с.
36. Урусов А.И. Речи. – М.: журнал «Судебные драмы», 1901. – 171 с., 1 л. портр.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

КОНДРАТ Иван Николаевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Государственный советник юстиции 1 класса (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

СТАРОВОЙТОВА Ольга Эдуардовна, профессор кафедры теории и истории права и государства Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: profstarovoitova1@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история государства и права; история учений о праве и государстве; 14.02.03 – Общественное здоровье и здравоохранение

ПРАВО И МЕДИЦИНА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВМЕСТЕ.

Рецензия на учебник И.Х. Бабаджанова (И.Х. Бободжонзода), С.Г. Стеценко «Медицинское право Республики Таджикистан. Учебник для медицинских и юридических вузов. Душанбе: Дониш, 2019»

***Аннотация.** Медицина гораздо старше права. Зачатки медицинских знаний начали формироваться еще миллионы лет назад. Право (как социальное явление, производное от общественного развития и т.д.) гораздо моложе. Первые черты (зачатки) медицинского права обозначились в период разделения труда и появления слоя жрецов, которые (в том числе) занимались и врачеванием страждущих. По мере развития общей медицины интерес к правовым вопросам усиливался. Однако прошло несколько тысячелетий, прежде чем человек, его жизнь, здоровье стали рассматриваться в качестве высших ценностей, относительно которых определялись все остальные ценности и блага цивилизации. Сегодня право, и соответственно медицинское право, вступили в зону «турбулентности» постиндустриального общества. Процессы глобализации воздействуют на различные системы, трансформируют функции управления и контроля. Специалисты (медики, юристы, менеджеры и т.д.) далеко не всегда успевают адекватно оценивать смену парадигм, происходящую в информационном пространстве. Все чаще возникают проблемы, связанные с необходимостью постоянного обновления и совершенствования правовой регламентации медицинской деятельности, подготовкой четких комментариев, разъяснений, в издании более «качественных» учебных материалов, соответствующих международным стандартам. Значительную помощь как специалистам, так и пациентам может оказать новый учебник по медицинскому праву Республики Таджикистан, подготовленный И.Х. Бабаджановым и С.Г. Стеценко [1]. Учебник*

представляет собой фундаментальный научный и одновременно учебно-методический труд, охватывающий широчайшую проблематику медицинского права, в нём также подробно анализируются и комментируются основополагающие нормативные документы федерального уровня и подзаконные акты Республики Таджикистан.

Ключевые слова: медицинское право; право; здравоохранение; медицинские работники; медицинская деятельность; учебник.

KONDRAT I.N.
STAROVOITOVA O.E.

LAW AND MEDICINE MUST BE TOGETHER.

Review by I.H. Babadzhanov (I. H. Bobojonzoda), S. G. Stetsenko.

Medical law of the Republic of Tajikistan. Textbook for medical and law schools.

Dushanbe: Publishing House MN «Donish», 2019.

The summary. Medicine is much older than law. The beginnings of medical knowledge began to form millions of years ago. Law (as a social phenomenon, derived from social development, etc.) is much younger, and the first features of medical law were identified during the division of labor and the appearance of a layer of priests, who (among others) were engaged in healing the suffering. With the development of medicine, the interest in legal issues increased. However, several millennia passed before a person, his life, and health were considered as the highest values, relative to which all other values and benefits of civilization were determined. Today, medicine and law have entered the zone of "turbulence" of post-industrial society. The processes of globalization affect various systems, transform the functions of management and control. Specialists (doctors, lawyers, managers, etc.) do not always have time to adequately assess the paradigm shift taking place in the information space, and therefore, the problems caused by the need to constantly update and improve the legal regulation of medical activities remain extremely relevant. A new textbook on medical law of the Republic of Tajikistan, prepared by I. H. Babadzhanov and S. G. Stetsenko, can provide significant assistance to both specialists and patients. The textbook is a fundamental scientific and at the same time educational and methodological work covering the broadest problems of medical law, it also analyzes in detail and comments on the fundamental regulatory documents of the federal level and by-laws of the Republic of Tajikistan.

Key words: medical law; law; health care; medical workers; medical activities; textbook.

**Книга – превосходный собеседник и великопное орудие;
она – чудесное лекарство и замечательное развлечение;
она приносит необыкновенные доходы и дает отличное ремесло;
она – прекрасный товарищ и приятный гость; она – наилучший советчик...**

Аль-Джахиз

Выход в свет данного учебника является знаковым событием: содержащаяся в нём информация существенно дополняет и развивает имеющиеся знания по медицинскому праву (причем на самом высоком теоретическом уровне). Необходимо также уточнить, что авторами являются известные на всем постсоветском

пространстве ученые-правоведы: доктор юридических наук, профессор И.Х. Бабаджанов и доктор юридических наук, профессор С.Г. Стеценко.

Начиная с 90-х годов прошлого века система высшего образования стран СНГ находится в состоянии затянувшегося реформирования.

Постоянные «псевдомодернизации», коррупционные скандалы, взаимные обвинения чиновников в некомпетентности, попытки перевести «все, что только возможно» на коммерческие рельсы и т.д. особенно негативно сказались на состоянии дел в сфере медицинского и юридического образования. Между тем, ведущие российские ученые писали, что как медицинское, так и юридическое образование изначально (традиционно) связаны с целым комплексом иных отраслей знаний (философией, социологией, этикой, психологией). Человек, овладевший каждой из этих специальностей, должен обладать широтой взглядов, высокой культурой, нравственностью, быть энциклопедистом, знать своеобразие психологического характера своего народа, национальных обычаев, традиций развития общества и государства [8, стр. 358-370]. Уместно привести и слова Д.А. Керимова, который писал: юридическое образование преследует цель не только достичь сложные правовые явления и процессы, но и заронить в души обучающихся «священный огонь» творческого дерзания и смелых инноваций, открывающих новые горизонты правовой теории и практики [10, стр. XXI].

Уже первые главы учебника вызывают неподдельный профессиональный интерес, что обусловлено ярким и наглядным отражением наиболее важных закономерностей, принципов, сложных этапов развития медицинского права в Таджикистане, начиная с эпохи Саманидов и заканчивая первыми десятилетиями XXI -го века. Разумеется, не остались без внимания периоды нахождения Таджикистана в составе Российской империи, в составе СССР, а также довольно непростой отрезок времени, связанный с организацией национальной системой здравоохранения в 90-е годы. Представленный для рецензирования учебный материал содержит новейшие научные данные, законодательные и нормативные правовые акты, статистические сведения, примеры правотворчества, а также результаты действующей правоприменительной практики в сфере медицинской деятельности Республики Таджикистан. Мы полностью подтверждаем слова авторов о том, что в рамках данного учебника детально рассмотрены «практически все актуальные на сегодняшний день медико-правовые вопросы», кроме того, успешно выполнена авторская сверхзадача-максимально

сблизить позиции юристов и медицинских работников относительно интерпретации основополагающих (а в ряде случаев-фундаментальных) правовых явлений в медицине (стр. 27 Учебника). Работа в данном направлении позволила высветить наиболее дискуссионные положения устойчивых гипотез и концепций, посмотреть на них подчас с неожиданной стороны и получить результаты всестороннего научного анализа в сравнении как с национальными, так и с международными реалиями.

В круг «ведения» медицинского права входят множество вопросов, в том числе и связанные с обеспечением, защитой права каждого на здоровье. Такое право была признано в 1948 году Всеобщей декларацией прав человека. Согласно статье 29 данной декларации, «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая питание, одежду, жилище, медицинский уход и требуемое социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благополучия его самого, его семьи» [2, стр. 18].

Таким образом, здоровье человека – его неотъемлемое свойство, на сохранение которого уходит немалая часть человеческих усилий, социальной энергии, материальных средств. Здоровье человека – важнейший центр жизненных интересов индивидуума, объект всевозрастающего внимания общества, бизнеса, государства, а также профессионального сообщества, связанного с «индустрией оказания медицинских услуг». Эти положения «красной нитью» проходят сквозь все рассуждения авторов учебника, которые развивают их и декларируют абсолютно правильную мысль о том, что характерной чертой медицинского права (как учебной дисциплины) следует считать её универсальность, поскольку она органично встраивается в структуру и медицинского, и юридического образования (от себя добавим, что еще и психологического, и педагогического, и связанного с подготовкой социальных работников) кроме того, ни у кого не вызывает сомнений, что именно эта дисциплина занимается защитой прав пациентов, юридическим обеспечением трансплантологии, вопросами судебной медицины, психиатрии, сексологии, медицинской генетики, вопросами распространения новых репродуктивных технологий (1, стр. 30-31).

В научной литературе много споров вызывает

определение медицинского права. Авторам данного учебника удалось дать лаконичное, информативное и весьма корректное определение этой дисциплины: предлагается рассматривать медицинское право в качестве комплексной отрасли права, включающий в себя совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере медицинской деятельности (стр.41 Учебника). В плане дискуссии представляется целесообразным высказать одно замечание: авторы ограничились термином «общественные отношения», хотя логичней было бы указать как на общественные отношения, так и на всю систему социально-значимых ценностей, интересов, благ, т.е. систему, которая традиционно рассматривается в рамках триады: «личность – общество – государство».

Многие теоретические рассуждения (1, стр. 40, 41, 55) сопровождаются цитатами из работ известных российских учёных-правоведов (С.С. Алексеева, М.Н. Марченко, В.П. Сальникова), причем делается это деликатно, продуманно и, вне всяких сомнений, усиливает аргументацию, делает текст более «информационно насыщенным».

В целом ряде случаев (особенно, когда вопрос является предметом бурных дебатов) авторы не навязывают читателю своего мнения и предоставляют возможность ему самому делать выводы на основе предлагаемых посылов. При этом, авторам вовсе не безразлично, какими будут эти умозаключения. В целом авторы учебника выглядят весьма убедительно и сомнений в истинности (а также искренности) их суждения не возникает.

В контексте рассматриваемых вопросов заслуживает внимания тот факт, что И.Х. Бабаджанов и С.Г. Стеценко являются учениками крупнейшего российского ученого, академика В.П. Сальникова. Возможно поэтому, при анализе медицинских правоотношений и целого ряда феноменов, логика рассуждений авторов созвучна положениям комплексной теории права, предложенной и разработанной профессорами В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым.

Наиболее отчетливо это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений, в том числе и в сфере медицинской деятельности. Государственные и социальные структуры стремятся к максимальному урегулированию общественных отношений

правом (в результате чего, они приобретают упорядоченность и, таким образом, становятся правовыми отношениями). Правовой массив с каждым днем заметно увеличивается, при этом для любого общества жизненно важно, чтобы законы были широко известны населению, доступны, просты и понятны всем гражданам.

По мнению В.П. Сальникова и С.И. Захарцева, именно комплексная теория на сегодняшний день демонстрирует свою чрезвычайную востребованность и актуальность (напомним, что её разработчики не придерживаются какого-либо наиболее приоритетного, единообразного подхода к праву, а стремятся учитывать все существующие; в данной теории подходы к праву рассматриваются не критически, а как данность, как очередные грани права, которые могут проявляться в общественной, политической и правовой жизни в тот или иной момент; и, наконец, последний тезис – все подходы к праву рассматриваются нераздельно друг от друга, комплексно и т.д.) [3; 4; 5; 6; 7; 9, стр. 236].

Однако вернемся к рецензируемой работе. В данном учебнике практически нет критики точек зрения, категорически отвергаемых (не принимаемых) авторами, однако всегда присутствует изложение широкого спектра мнений на ту или иную проблему, а главное, – имеет место внятное и уравновешенное объяснение всех причин всевозможных разночтений. Это приводит читателя к пониманию того, что «несостыковки» в позициях ученых чаще всего объясняются неоднозначной природой рассматриваемых правовых явлений в сфере медицинской деятельности.

Учебник объемом 46 п.л., состоит из двух основных разделов – Общей части и Особенной части, которые включают в себя 19 глав. Структура учебника позволяет судить о комплексном и последовательном освещении общетеоретических проблем, широчайшего спектра вопросов, связанных с обеспечением как общественного, так и индивидуального здоровья, с реализацией и защитой прав и свобод граждан в сфере медицинской деятельности, с правовыми основами организации здравоохранения, с особенностями правового регулирования медицинских экспертиз, трансплантации органов и тканей человека, регулирования в сфере оказания платных медицинских

услуг, оказания психиатрической помощи, регулирования репродуктивных технологий, научных экспериментов, вопросов, связанных с правовой квалификацией дефектов оказания медицинской помощи, с медико-правовой оценкой ятрогенной патологии.

С нашей точки зрения, заслуживают внимания глава 5 («Права пациентов») и глава 7 («Защита прав пациентов»). В рецензируемом учебнике совершенно справедливо говорится о том, что одной из ключевых проблем современной медико-правовой науки может считаться область юридического обеспечения прав пациентов. По мнению авторов учебника, в сфере правового регулирования здравоохранения именно пациент является центральной фигурой, с которой взаимодействуют все иные субъекты, так или иначе принимающие участие в организации, обеспечении или непосредственном оказании медицинской помощи. Да, действительно не будет преувеличением сказать, что без пациентов функционирование системы здравоохранения утрачивает всякий смысл. Абсолютно правильно указывается, что пациент – это человек, обратившийся в лечебно-профилактическое учреждение за диагностикой, лечебной и профилактической медицинской помощью либо участвующий в качестве испытуемого при клинических испытаниях лекарственных средств. Иными словами, для приобретения статуса пациента у человека должны возникнуть реальные отношения (правоотношения) с медицинским учреждением, вне зависимости от его организационно-правовой формы, основанные на обращении человека в данное учреждение за медицинской помощью или участия его в клинических испытаниях [1, стр. 230]. Представляется, что авторам учебника следовало бы дать четкое определение правового статуса пациента (обозначив место правового статуса пациента в теории права), а также выделить конкретные виды этого статуса, сопроводив их соответствующими комментариями. В свою очередь, достаточно продуманной и убедительной выглядит классификация прав

пациентов в общем ракурсе прав граждан в сфере охраны здоровья, так, авторы учебника предлагают учитывать: права граждан в сфере охраны здоровья; права отдельных групп населения в области охраны здоровья; непосредственные права пациентов в сфере медицинской деятельности. По нашему мнению, более пристального внимания заслуживают вопросы, связанные с анализом обязанностей пациента, с описанием юридических гарантий, обеспечивающих реализацию его прав в процессе обращения к врачу, лечения и т.д.

К сожалению, в представленных материалах не нашлось места анализу коррупционных проявлений в сфере медицинской деятельности и медицинского образования. Между тем, В.П. Сальников неоднократно указывал, что взяточник (особенно врач, преподаватель) подрывает не только дело, которому обязан служить, но и души людей [11; 12; 13; 14; 17]. По мнению исследователей, и с этим необходимо согласиться, коррупция – это однозначное зло, вопросы преодоления которого, являются жизненно важными для любого государства [15; 16; 18; 19].

Высказанные замечания носят в основном дискуссионный характер. Медики, будущие юристы, судьи, работники прокуратуры и т.д. при прочтении этого издания смогут не только получить обширную информацию по медицинскому праву, но и ознакомиться с прекрасным примером методики изложения материала, подобрать темы для диссертационных исследований.

Таким образом, подводя итог сказанному, отметим, что рецензируемый учебник содержит фундаментальные знания по медицинскому праву, способен принести пользу широкому кругу специалистов в процессе их практической деятельности. Идеи, заложенные в этой работе, являются хорошим подспорьем для последующей законотворческой деятельности, нацеленной на формирование и укрепление правовой основы системы здравоохранения Республики Таджикистан.

Список литературы

1. Бабаджанов И.Х., Стеценко С.Г. Медицинское право Республики Таджикистан: Учебник для медицинских и юридических вузов. – Душанбе: Дониш, 2019. – 737 с.

2. Всемирная декларация прав человека // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов / Сост. и авт. вступ. ст. Г.М. Мелков. – М. : Юрид. лит., 1990. – 661,[10] с.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается компрехендный подход // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1(10). – С. 77-87.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права как наиболее точный путь его познания // Юридическая гносеология. – 2017. – № 1. – С. 18-33.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрехендной теории познания права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 168-177.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право как ремесло или новая грань права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 162-166.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 189-194.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
9. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467
10. Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. – М.: Академия, 2007. – XXX, 395 с. : портр.
11. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
12. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
13. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
14. Сальников В. О роли парламентов в борьбе с коррупцией // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
15. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
17. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
18. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
19. Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и организации
правоохранительной деятельности Российского
государственного социального университета,
доктор юридических наук академик РАЕН
(г. Москва, Россия)

E-mail: Sergeyvz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука:
история и современность», советник ректората
Русской христианской гуманитарной академии,
доктор юридических наук, профессор, Заслу-
женный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации, академик
РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

МОЖЕТ ЛИ ГОСУДАРСТВО ПРИСВАИВАТЬ СЕБЕ ПРАВО УБИВАТЬ ЛЮДЕЙ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

***Аннотация.** Рассматривается право на применение смертной казни как меры уголовного наказания с позиций компрехендной теории познания права. Отмечается, что право как социальный регулятор порой не только допускает, но и культивирует убийство людей в рамках существующего правового поля, в том числе в правовом государстве. Формулируется вывод о том, что право – явление многогранное, глубокое и неоднозначное, в ряде случаев оно допускающее и причинение смерти.*

***Ключевые слова:** компрехендная теория познания права; грань права; смертная казнь; мера наказания; необходимая оборона; силовое задержание.*

**ZAKHARTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.**

CAN THE STATE ARROGATE TO ITSELF THE RIGHT TO KILL PEOPLE: SOME REFLECTIONS

***The summary.** The article considers the right to use the death penalty as a measure of criminal punishment from the standpoint of the comprehensive theory of knowledge of law. It is noted that law as a social regulator sometimes not only allows, but also cultivates the murder of people within the existing legal field, including in a state governed by the rule of law. The conclusion is formulated that law is a multifaceted, deep and ambiguous phenomenon, in some cases it also allows death.*

Key words: comprehensive theory of knowledge of law; edge of law; the death penalty; punishment; necessary defense; forceful detention.

Продолжая развивать компрехендную теорию права, мы рассмотрим его очередную грань. Это грань ярко видна как в научной, так и не научной среде благодаря писателям, пишущим как лирику, так и детективы. При этом неюристы не задумываются, а юристы обычно стараются избегать объективных, но негативных рассуждений о праве в контексте прочитанных литературных книг и их экранизаций.

Вместе с тем, есть писатели, которые очень тонко и точно показывают различные грани права, в том числе такие как запутанность и несправедливость. В произведениях великих писателей, – отмечал философ В.С. Степин, может быть разработана и выражена в материале и языке литературного творчества даже целостная философская система, сопоставимая по своей значимости с концепциями великих творцов философии (известным примером в этом плане является литературное творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского) [43, стр. 225].

Действительно, вспомним роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», другие произведения выдающегося писателя и задумаемся, каким бывает право: справедливым или нет, добрые или откровенно негативные поступки регламентированы им? [3; 14; 15; 16; 16; 17; 18; 19; 20; 38; 39; 40; 41; 42]?

Еще более красочно право показано у Агаты Кристи в знаменитых «Десяти негритях».

Вдумайтесь, ведь право позволяет безнаказанно убивать. И такая грань была у права всегда. Имеется и сейчас.

Рассмотрим несколько примеров. И начнем с медицинского права. Оно во всех странах сформулировано так, что вина врача при смерти пациента мало доказуема. Информация о том, что больному в клинике врачи несвоевременно оказали помощь, или ошиблись с диагнозом, или находились в нетрезвом виде, или по халатности во время медицинских процедур сами заразили болезнью, или случайно зарезали на операции и т.д., «гуляет» по медицинским учреждениям. Но доказательств нет. Везде – кроме очевидных-очевидных случаев – у врачей имеются правовые

возможности описать свои действия так, чтобы они выглядели допустимыми.

При этом медицинское сообщество обычно строго монолитно, заступает за коллег и не позволит оформить документы, показывающие разгильдяйство, ошибку и пр.

Другой, уже не раз обсуждаемый нами пример – показания. Приговоры, какими бы они были ни мотивированными, чаще основываются на показаниях. Почему-то практически во всех странах именно показания являются главным доказательством. Но показания могут быть как истинными, так и заведомо ложными. Но их заведомая ложность и обман позволяют отправить человека в тюрьму и на виселицу. Причем именем права. И такой приговор будет правосуден, как правило, навсегда. А люди, давшие заведомо ложные показания, равно как и судьи, вынесшие заведомо неправосудные приговоры, обычно не несут ответственности.

Отметим, что сообщество судей, как и врачей, тоже корпоративно и тоже не стремится создавать прецеденты привлечения коллег к ответственности. Мы изучали профессиональную деформацию людей, вовлеченных в сферу правосудия: судей, прокуроров, следователей, оперативников и т.д. [12; 13]. В ходе исследований обратили внимание на некоторую особенность, встречающуюся у отдельных судей. Встречаются те из них, которые ставят себя буквально выше закона и права, считают, что какое решение приняли – то и верно. Убедить их в обратном, заставить пересмотреть свою аргументацию и даже просто прислушаться к противоположным доводам подчас невозможно. В ходе неофициального анкетирования и опрашивания приходилось слышать буквально такие слова: «Я судья! Я могу все! Как решу – так и будет!». Известны случаи, когда бывшие судьи даже Конституционного Суда высказывали идею представления права судьи выносить решения исходя не из закона, а из судейского убеждения и права в целом.

Кроме того, судьи как России, так и зарубежья наделены рядом особых прав и иммунитетов, имеют особый статус. Даже возбуждение

уголовного дела в отношении судей в ряде стран, в том числе России, имеет отдельную усложненную процедуру. Судьи своим особым статусом дорожат. И как признался нам председатель одного из областных судов, независимо от отношений внутри судейского коллектива, судьи стремятся сохранить свою монолитную корпоративность и нацелены защищать друг друга от внешних угроз. Делается это главным образом в целях собственной безопасности. И именем права...

Вопросы дорожно-транспортных происшествий тоже далеко не всегда связаны со справедливостью. Встречаются ситуации, когда человек, управляя транспортным средством, попал в аварию, в результате чего погибли люди. Но ситуация выглядит как несчастный случай. Водителя оправдывают. И лишь потом, по истечении времени человек честно рассказывает о том, что на самом деле нарушал скоростной режим, разметку, находился за рулем в нетрезвом виде. Но несвоевременность действия дознания, отсутствие свидетелей и т.д. помогли развернуть дело в свою пользу. Подобные ошибочные решения считаются правовыми. Или по-другому: дело в самом праве, которое противоречиво, предусматривает возможность ошибок и неточностей.

Встречаются и обратные ситуации, тоже ярко характеризующие право. Когда водитель строго соблюдал правила дорожного движения, но авария по независящим от него обстоятельствам все равно произошла, погибли люди, а его признали виновным. Например, водитель ехал по городу с разрешенной скоростью, перед пешеходным переходом как положено сбавил скорость, но двигавшиеся по тротуару и не желавшие переходить дорогу женщина и ребенок поскользнулись и упали под колеса, прямо на «зебре». И таких примеров, когда от водителя на самом деле ничего не зависит, хватает. Причем он все равно будет признан виновным. Недаром автомобиль относят к источникам повышенной опасности.

Неоказание или умышленное несвоевременное оказание помощи больному, в том числе несвоевременный вызов врача, тоже может быть практически недоказуемым способом совершения убийства, отъема имущества, получения наследства и т.д. Соответственно, не наказуемым с правовой точки зрения поступком.

Отдельные исследователи, в том числе юристы

пытались сформулировать правила ведения войн и объединить их правовые нормы в кодексы. По этому поводу имеется любопытная, в том числе и классическая литература, хорошо известная во всем мире, признающая войну искусством [24; 29; 31; 44]. По нашему убеждению, война – это по определению насилие, жестокость, убийства. Никакого законного режима ее осуществления добиться невозможно (если, конечно, не считать саму войну с насилием и жестокостью частью права). Вспомните, Великую Отечественную войну. Часть командующих фронтов брали города, стараясь как-то беречь солдат, часть – нет. История помнит много приказов, когда солдат для взятия городов и укреплений отправляли на верную смерть. Убийство это или нет? Но принято не задумываться над тем, что подчас больших жертв можно было избежать.

Подобных примеров много. Например, из дома, в котором есть мирное население, стреляет вражеский пулемет. Имеет ли право командир дать приказ на уничтожение дома или должен терпеть гибель своих солдат? Видимо, имеет право. Тем более неизвестно, насколько мирное население в этом доме и на чьей стороне оно воюет. Но в результате приказа на уничтожение мирное население погибнет...

Не так давно, во время чеченского конфликта, произошел известный случай. Группа военной разведки, двигаясь по территории, контролируемой противником, столкнулась с четырьмя мирными жителями. Командир разведгруппы принял решение об уничтожении этих жителей, что и было сделано. Его мотивировка была предельно проста. Эти жители спокойно проживают на территории противника, скорее всего ему симпатизируют, поэтому наверняка расскажут врагам о выявлении разведгруппы, что приведет к гибели разведчиков. После выполнения разведгруппой задания и возвращения в расположение части был вскрыт факт расстрела мирных жителей. Командира разведгруппы отдали под суд. Однако суд присяжных его оправдал и посчитал его действия правомерными.

В «Десяти негритах» описывается случай откровенного убийства на войне. Это когда генерал послал на верную смерть своего подчиненного – любовника жены. Имел генерал право послать подчиненного на смертельное задание? Конечно, имел! Все по праву.

Одним словом, у войны свои правила. И

действия на войне, в том числе связанные с убийством, далеко не всегда будут расцениваться как убийства и даже как нарушения закона. Но вопрос в другом, предусматривает ли право войну и вооруженные конфликты? Да, предусматривает: для защиты Родины, суверенитета, целостности, защиты населения. Ничего удивительного в этом нет. Но тогда надо признать, что право пусть в благих целях по защите Родины и населения регламентирует и уничтожение противника.

Тоже относится и к справедливо регламентированной правом деятельности по освобождению заложников и убийству террористов. Надо признать, что право предусматривает уничтожение людей (пусть даже преступников). Но теоретики об этом почему-то избегают писать.

Здесь интересно перейти и к другим вопросам. Например, задуматься о том, что право за отдельные преступления разрешает смертную казнь. Но что такое смертная казнь? По своей сути – это тоже убийство, только убийство преступников. Но получается так, что жизнь человеку дает Всевышний, родители. А убивает человека действие, которое считается правовым, правом.

Здесь-то и возникают некоторые размышления в отношении смертной казни как меры уголовного наказания или, скорее, кары за совершенное преступление. Как известно, в Мирове, да и в России идут очень острые дискуссии по этому поводу. Мы в принципе противники смертной казни. Но правовая практика сталкивается с такими жестокими и ужасными преступлениями, в том числе убийствами, и даже убийствами, совершенными женщинами, что начинаешь задумываться – являются ли эти преступники людьми, имеют ли они право находиться среди подобных себе существ, не вправе ли государство избавиться от них законным путем, в рамках правового поля. Возможно, в данном случае это то исключение, на которое должно пойти общество, чтобы избавиться себя от этих нелюдей.

Нас к этим мыслям подтолкнула книга известной западной писательницы Шелли Клейн «Самые жестокие женщины».

В аннотации к указанному произведению издательство «Олма-пресс» обращает внимание на то, что в книге предлагаются полные «биографические очерки пятнадцати женщин, чьи преступления остались на страницах истории». Другими

словами, в ней представлены не вымышленные сюжеты, являющиеся плодом мыслительной деятельности автора, а реальные преступления, совершенные конкретными лицами, которые благодаря этим деяниям и вошли в историю.

Издательство в аннотации формулирует эти преступления: «Отцеубийство, братоубийство и, самое ужасное, детоубийство; убийство в силу положения; серийные убийства, включая выслеживание и мотивированные убийства; убийства, чтобы приписать себе или скрыть другие преступления».

Какой разнообразный спектр этих ужасных преступлений! И надо добавить, что речь идет не просто о каких-то преступлениях, а об убийствах, то есть лишения жизни других людей. Самое ужасное то, что преступления-то совершают женщины, которые воспеваются в произведениях искусства и литературы как самые нежные, возвышенные, неземные и желанные существа. И вот эти представительницы лучшей половины человеческого общества совершают невообразимые, невозможно теоретически смоделированные, неземные преступления.

Шелли Клейн мотивы страшных убийств рассматривает под углом зрения «проявления дьявольской сущности в женщинах, начиная с римских императриц, до современных ревнивых дочерей и скучающих домохозяек».

Можно обратить внимание на выборку контингента, изучаемого исследователем. Он невероятно широк, начиная от высокопоставленной элиты (императрица) и завершая простым человеком (домохозяйка). Это очень важный методологический подход.

«Олма-пресс» обратило внимание еще на одно обстоятельство, готовя к изданию книгу Ш. Клейн. Описанные ею «действия показывают, что женщины способны к вызывающим ужас убийствам». Но в то же время издательство увидело в преступных действиях женщин влияние мужчин. Обстоятельства жизни женщин, «и давление на них, – указывается в аннотации, – зачастую оказываемое мужчинами, иногда оставляет их более достойными жалости, чем осуждения» [25, стр. 2].

Наверное, нельзя исключать и того (жалости), и другого (осуждения). Влияние в описанных случаях оказывали мужчины, но ведь убийства, страшные и жестокие, совершали женщины.

Сама Шелли Клейн введение к своей книге

начинает со слов С.В. Митчелла: «Мужчина, который не знает другой женщины, не знает женщин вообще». То есть, ссылаясь на американского ученого, писателя и поэта, отца медицинской неврологии, Ш. Клейн, обращаясь к читателю, еще раз подчеркивает, что все женщины разные, но в то же время все они одинаково женщины.

В самом начале введения Ш. Клейн предлагает собственную философскую зарисовку. Она говорит о том, что со времен Адама и Евы, с того момента, когда «Ева сорвала запретный плод с Древа Познания Добра и Зла, женский род наслаждался или страдал..., занимая двойственное положение в общественном сознании». Автор книги поясняет свою мысль: «Пока женщины вынашивают и растят детей, олицетворяя собой продолжательниц рода, их называют по-разному – и более слабым, и более нежным полом, и прекрасной половиной человечества. Но стоит женщине отклониться от этой тропы, совершив какое-либо преступление, свойственное обычно мужчинам, ее осуждают не только за само действие, но и за сам тот факт, что она – женщина» [25, стр. 3].

В общественном сознании женщина представляется существом, не способным на ужасные поступки, на страшные преступления, на немыслимые убийства. Но Шелли Клейн предлагает читателю анализ судеб конкретных пятнадцати женщин, совершивших преступления, которые остались в истории, и каждую из которых признали «виновными в совершении этих ужасных деяний».

Она ставит перед читателем вопрос: «Признаете ли вы преступниц более отвратительными, чем их «коллеги»-мужчины только потому, что они женщины»? И делает интересное заключение: «Это вопрос спорный, но не подвергается сомнению тот факт, что сами по себе эти преступления абсурдны» [25, стр. 3].

Да, невозможно спорить с тем, что такие преступления, как убийства, тем более совершенные с особой жестокостью и коварством, да еще женщиной, можно считать естественными. Конечно, они абсурдны. Но в то же время это не дает права людям безапелляционно считать этот факт достойным ответному убийству виновного со стороны государства, как вариант уголовного возмездия. Большой вопрос, но право как социальный регулятор предусматривает такую

возможность, в том числе в правовом государстве. Право порой не только допускает, но и культивирует убийство людей, в том числе женщин, в рамках существующего правового поля. В некоторых странах это культивируется очень активно. Например, в Китае смертные приговоры используются тысячами ежегодно, и там смертная казнь применяется в том числе в отношении женщин (как известно, в некоторых странах смертная казнь к женщинам не применяется). Притом эти приговоры, как считают китайские власти, в профилактических целях исполняются публично. Например, по данным Amnesty International в 2019 году в 20 странах мира не менее 650 человек были подвергнуты смертной казни. Это без учета статистики Китая, который ограничивает доступ к информации о количестве смертных казней, но по неофициальной информации оно исчисляется тысячами.

Общество обеспокоено положением дел с применением смертной казни. Ярким примером этого является художественный фильм, поставленный в 1985 году американским актером и режиссером Тимом Роббинсом «Мертвец идет» по одноименной книге католической монахини Элен Прежан. Знаменательны последние слова преступника перед исполнением смертного приговора, о том, что ни человек, ни государство не имеют права на убийство людей.

Здесь мы не будем обсуждать, нужно ли такое наказание как смертная казнь или не нужно. Этому посвящены отдельные исследования, в том числе и наши. Мы просто констатируем факт того, что право такое жестокое наказание разрешает. Однако вот в чем проблема: смертная казнь допускается не только за убийства, что хотя бы более-менее объяснимо. Смертная казнь в ряде стран допускается за измену государству, коррупцию и хищения, аморальные действия и т.д. Иными словами, право само регламентирует убийство в виде смертной казни.

Правом регулируется действия в состоянии необходимой обороны и при задержании лица, совершившего преступление. Помните? Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием опасным для

жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным. Данные положения регламентированы статьями 37 и 38 Уголовного кодекса Российской Федерации, но аналогичные статьи есть и в кодексах практически всех зарубежных государств. Сразу скажем, что указанные нормы вполне справедливы и обязательно должны быть. Но только вновь обратим внимание, что они устанавливают в том числе и возможность причинения смерти при необходимой обороне или при задержании преступника. То есть, вновь приходим к выводу, что право регламентирует и убийства людей.

Еще раз подчеркнем: этот вывод важен нам не потому, что мы против необходимой обороны или силовых задержаний. Вывод важен нам для того, чтобы точнее понять сущность права. О праве часто пишут крайне односторонне, например, как о свободе и добре. Но на самом деле право – явление интересное, глубокое и неоднозначное. В ряде случаев оно допускает и причинение смерти.

А далее давайте задумаемся. При применении смертной казни за совершение преступлений судебные ошибки были? Конечно были всегда, за весь период существования человека и права! Более того, исторический опыт убедительно свидетельствует, что от таких ошибок никак не застраховаться и их полностью не избежать! Но тем не менее право все равно устанавливает смертную казнь.

Случаев ошибок при необходимой обороне и задержании еще больше. Причем, как и в дорожно-транспортных происшествиях, виновными могут быть все. Рассмотрим два типичных примера. Мужчина вечером возвращается домой, на него в безлюдном месте нападают два хулигана или разбойника, один из которых с ножом, угрожают убийством. Мужчина выворачивается, хватая валяющийся рядом тяжелый предмет (металлический прут, камень, лопату), обороняется. Бьет насмерть одного из нападавших по голове, а другой, имевший при себе нож, убегает. Свидетелей нет. Что видит прибывшая

на происшествие следственная группа: мужчину с тяжелым предметом в руках и убитого им невооруженного человека. Доказать мужчине невиновность очень тяжело. А если убитый был ранее не судим и неплохо характеризовался, то доказать невиновность практически невозможно. В самом лучшем случае обвинят в превышении пределов необходимой обороны, но могут и в убийстве (из-за внезапно возникшей ссоры, по другим мотивам). По этой причине многие сотрудники правоохранительных органов и спецслужб России избегают применять для самообороны свое табельное огнестрельное оружие и даже не любят носить его с собой. Говорят они одно и то же: применишь – не отпишешься!

Возможен и обратный вариант: необходимую оборону можно подстроить. Например, жена хочет убить мужа и делает это в момент, когда у того в руке нож. Показания, что муж ее избивал, постоянно угрожал убийством и в этих целях сейчас схватил нож, сделают женщине отличное алиби. Особенно если ранее она будет системно жаловаться на садиста-мужа знакомым.

Право допускает, а в какой-то степени и регламентирует более изощренные формы убийства, например, эвтаназию (умертвление). В значительной части государств она уже легализована и является неотъемлемой частью права. Это касается и некоторых европейских стран, например, Нидерландов и Бельгии. Эвтаназия является обычным медицинским убийством тяжелобольного человека, осуществленным по его просьбе или и с согласия. И такое убийство считается правовым, тоже входит в многозначность понятия права.

В настоящее время в России эвтаназия не применяется. Ее применение противоречит русским национальным традициям, Православной вере. Однако, будем объективны, в России о национальных традициях периодически забывают и начинают копировать все подряд с Запада. Например, на Руси, жившей общиной, права государства всегда стояли выше или по крайней мере не ниже личных прав человека. Однако Конституция Российской Федерации 1993 года вдруг признала приоритет личных прав над общественными. В России, к сожалению, бывает все, а значит могут эвтаназию разрешить.

Ярким подтверждением этому является введение в России хосписов. Хосписы – учреждения, где лежат люди и ожидают смерти без

оказания медицинской помощи. По своей сути нахождение человека в хосписе тоже можно отнести к завуалированным убийствам. Человеку не оказывают никакой медицинской помощи, а терпеливо ждут его кончины. Деятельность хосписов тоже урегулирована правом.

Можно привести и другие примеры того, что право регламентирует в том числе и убийства.

В завершение еще раз повторим, что несколько лет назад мы разработали компрехендную теорию права. Предметом компрехендной теории права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Предмет теории компрехендного изучения права включает также: закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии; закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.); перспективы развития права в контексте правовой реальности [11; 12; 13; 15; 18; 46].

Мы отказываемся от идеализации права и

стараясь познать его объективно, всесторонне. Ученым полюбилось наше сравнение права с бриллиантом. Как известно, самая распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. Нам представляется, что пока не будут изучены как минимум эти 57 граней, к познанию права человечество не придет. Такой подход вызвал поддержку у многих специалистов [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 21; 22; 23; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 45].

В данной статье мы констатируем, что у такого казалось бы светлого, чистого, свободного понятия как право имеется удивительная грань – регламентация убийств. А может быть, – с учетом регламентации им не только светлых идей, но и банальных глупостей, наличии откровенных противоречий и упущений, объективной зависимости от множества факторов и т.д. – право не такое уж идеальное и чистое явление?

Сущность права и его будущее очень интересны [9].

Данной статье мы вовсе не призываем ученых спорить об убийствах. Мы хотим, чтобы все специалисты чуть по-новому, – глубже и честней! – подумали о праве. Нам кажется, что это путь к его объективному познанию.

Список литературы

1. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 304-307.
2. Баранов В.М., Баранова М.В. Нравственно-правовые проблемы идеи свободы в фокусе классической и неклассической философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» (под ред. С.И. Захарцева). М.: Юрлитинформ, 2020 288 с.) // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 159-162.
3. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 6. – С. 170-177.
4. Богатырев Д.К. От логоса к праву. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – № 1. – С. 352-360.
5. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 188-192.
6. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык

- и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – Т. 2. – № 52. – С. 206-208.
7. Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 193-197.
 8. Дворецкая Е.В., Масленников Д.В., Гук А.И. Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 184-189.
 9. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.
 10. Загоруйко К.Ф. 2015.01.004. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. Сальникова В.П. – М.: Норма, 2014. – 207 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 2015. – № 1. – С. 21-24.
 11. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
 12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
 13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454
 14. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
 15. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467
 16. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4-7.
 17. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17-24
 18. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, стр.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, стр.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
 19. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, стр.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
 20. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
 21. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33). – С. 14-18. DOI:10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
 22. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-73.
 23. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168-172.
 24. Клаузевиц Карл фон. О войне. Избранное / Пер. с нем. А.К. Рачинского; предисл. и коммент. Л.В. Ланника. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.: ил. – (Иллюстрированная военная история).
 25. Клейн Ш. Самые жестокие женщины в истории. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. – 256 с. – (Норма и аномалии).
 26. Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 177-184.
 27. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. – 2020. – № 1 (17). – С. 193-208. DOI:10.25839/MATGIP.2020.17.1.018

28. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия русского издания S.I.Zakharov, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 191-194.
29. Лиддел Гарт, Бэзил. Стратегия непринятых действий / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 508 с., [4] с.
30. Масленников Д.В., Степашин С.В. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177-179.
31. Мусаси Миямото. Книга пяти колец. Горин-но сё. Путь стратегии. – М.: Центрполиграф, 2016. – 190 с.
32. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
33. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.
34. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Идея свободы в суверенной философии права. Рецензия на монографию: «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских., И.Н. Грибов, стр.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, стр.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.» // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 1 (59). – С. 168-178.
35. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 181-188.
36. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 177-182
37. Романовская В.Б., Минеева Т.Г., Сальников С.П. Новое исследование в области философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020 – 288 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 185-193.
38. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
39. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории русского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72-79. – в сб. 256 с.
40. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Ф.М. Достоевский: онтологические и этические основания философии права (рецензия на работу Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: цикл лекций») // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 190-197.
41. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9-10. – С. 171-183.
42. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
43. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2008. – 384 с.
44. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с англ. М.М. Михайлова. – М.: АСТ, 2017. – 96 с.: ил.
45. Хабибуллин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 203-209.
46. Zakharov S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. DOI 10.17513/np.452

НАСКОВ Диловар Сайдуллоевич,
аспирант кафедры государственно-правовых
дисциплин юридического факультета Российско-
Таджикского (Славянского) университета
(г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: dilovar.naskov@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОСОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

***Аннотация.** Анализируется структурное строение правового сознания, его виды, роль и предназначение. Приводятся подходы исследователей различных областей знания к определению структуры правосознания, подробно рассматриваются его основные функции: познавательная, оценочная, регулятивная, социализирующая. Отмечается важность ресоциализации осуждённых, отбывающих исполнение уголовного наказания в учреждениях лишения свободы.*

***Ключевые слова:** правовое сознание: строение правового сознания; функции правосознания; социализация; ресоциализация.*

NASKOV D.S.

LEGAL CONSCIOUSNESS: THEORETICAL AND LEGAL INTERPRETATION

***The summary.** The structural structure of legal consciousness, its types, role and purpose are analyzed. The approaches of researchers of various fields of knowledge to the definition of the structure of legal consciousness are given, its main functions are considered in detail: cognitive, evaluative, regulatory, socializing. The importance of resocialization of convicts serving a criminal sentence in institutions of deprivation of liberty is noted.*

***Key words:** legal consciousness: the structure of legal consciousness; functions of legal awareness; socialization; resocialization.*

Правовое сознание представляет собой систему правовых знаний, представлений, идей, эмоций, оценок, посредством осознания которых индивид, группа и общность выражают своё отношение не только к праву, но и в целом правовому предписанию. Поэтому ключевым в правосознании является осознание правовых норм и выражение отношения к их действию либо бездействию. Осознание права – это специфический психический процесс и результат отражения самого права, которому присущи не только различные способы воздействия, но и сферы, уровни, формы, виды и т.д. Однако в этой статье мы не намереваемся рассмотреть тесную зависимость и взаимосвязь правового сознания и

правовой культуры [19; 63; 77; 82; 83; 85], хотя интерпретация данного вопроса как с позиций теории, так и практики функционирования в условиях трансформации общества не вызывает сомнения.

Но мы полагаем, необходимо рассмотреть следующие вопросы, которые являются доминирующими в данной статье:

- 1) *структурное строение правового сознания;*
- 2) *его виды и*
- 3) *роль и предназначение правового сознания – функции.*

Строение и функции являются важнейшими свойствами любого объекта познания, посредством чёткого уяснения которых раскрывается

его целостно-смысловое назначение и даже динамика. Более того, структура, виды и функции – это образующие взаимосвязанные друг с другом категории и элементы правосознания. В этом понимании структура правосознания как целостное системное построение определяет его виды и функции. А посредством функций правосознания индивид или коллектив, воспринимая и руководствуясь ими в действиях, оценивают изменчивость или неизменность, характеризующую сущность социально-правовой реалии [14].

Отсюда столь же велика и сущность системно-структурного анализа правосознания, в котором оно предписывается как целостное строение.

В этом смысле отметим, что сама этимология дефиниции «структура» берёт своё начало ещё в Древнем Риме и происходит от лат. *structura* – «расположение», «порядок», что означает строение, внутреннюю форму организации системы, выступающую как единство устойчивых взаимосвязей между её элементами, а также законов данных взаимосвязей [102].

Отсюда следует, что структура – это не только феномен, но и свойство объекта, его состояний [73].

Первым интерпретатором идей о структуре правового сознания является И.Е. Фарбер, который в своей работе «Правосознание как форма общественного сознания», выпущенной в 1963 году, подробно описывает концептуальные аспекты структуры правового сознания. В этой связи он выделяет две стороны структуры правового сознания:

- 1) познавательная сторона (правовая идеология);
- 2) эмоционально-волевая сторона (правовая психология).

Под правовой идеологией автор понимает систему правовых идей, которые отражают интересы и потребности класса, а под правовой психологией – совокупность чувств, убеждений, привычек и мотивов юридически значимых волевых действий. Правовое сознание, по его мнению, есть не что иное, как форма общественного сознания, составляющая совокупность правовых взглядов и чувств, обладающая нормативным характером и состоящая из знаний и оценки правовых явлений с учетом справедливости и новых правовых требований, которые выражаются через различные потребности

(экономические и политические) и интересы общественного развития [101, стр. 70-76].

Однако, используя структурирование как метод системных познаний, И.Е. Фарбер не учитывает все структурные компоненты правосознания; в частности, им были преданы забвению либо не затрагивались вопросы касательно наличия поведенческих компонентов правосознания.

Более того, для И.Е. Фарбера преимуществом в правосознании была скорее его воспитательная функция, нежели чем мировоззренческая, хотя методологически функция мировоззрения является одной из центральных в теории правосознания. Поэтому, отрицая последнюю, И.Е. Фарбер подчеркивал, что правосознание должно отвечать на жизненные вопросы о том, в чём состоит право собственности, какими правами надлежит наделить государственную власть, какие обязанности должен выполнять индивид по отношению к обществу, государству, классу [101, стр. 103]. Более того, по словам М.А. Гусаровой: «И.Е. Фарбер совершил своего рода прорыв в определении правосознания, расширив круг социального действия этого явления, сблизив его с другими формами общественного сознания и предложив положение о «двухчленной» структуре правосознания, получившее развитие в последующих теориях» [29, стр. 69].

Подтверждая вышеизложенное, О.В. Лещенко подчеркнула, что: «И.Е. Фарбер сформулировал основные положения в области теории структуры правового сознания, которые послужили основой многих последующих разработок в период становления советской юридической науки, и ещё одной важной разработкой учёного являлись исследования признаков правового сознания» [53, стр. 176]. С этим периодом истории развития правосознания больше всего связана трактовка социалистического правосознания. Сегодня, в условиях плюрализма и гласности, не следует забывать о научных достижениях выдающихся советских учёных-юристов, участвовавших в разработке и развитии идей структуры правосознания, таких как К.Т. Бельский [7, стр. 51], А.Ф. Гранин [25], А.И. Долгова [31, стр. 9], Н.И. Козюбра [47], Е.А. Лукашева [54, стр. 65], Г.С. Остроумов [66], И.Ф. Покровский [69], И.Ф. Рябко [79] и др.

Несмотря на идеологические формы правовой

действительности, основанной на классовом правосознании пролетариата, [68; 75; 94; 105] заслуга советских учёных заключается в том, что им удалось уточнить и разработать ряд теоретических вопросов (систематизированные представления о методологии, понятии, содержании, структуре, видах, функциях правосознания и т.д.). По существу, эти достижения стали хрестоматийной научной ценностью, но не потеряли свою значимость в наши дни, и равным образом составляют не только современную теорию правосознания, но и в дальнейшем могут послужить методологическим инструментарием для её динамики.

Вместе с тем, основываясь на исследованиях теоретиков права, отметим, что в настоящее время существует множество подходов к определению структуры правосознания. Так, В.Н. Каргашов, рассматривая структуру правосознания как полуструктурное образование, пишет: «Структура правосознания – это строение правосознания, расположение основных элементов и связей, обеспечивавших его целостность, сохранение необходимых свойств и функций при воздействии на него разнообразных факторов объективной действительности» [44, стр. 90].

Также автор считает проводимые в философской и социологической литературе классификации структурных элементов правосознания недостаточными, и предлагает ряд разновидностей структурных элементов правосознания [44, стр. 90]. Р.Р. Муслумов структуру правосознания рассматривает как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, обеспечивающих целостность правосознания, его развитие и функционирование [61, стр. 26]. Такой подход к интерпретации структуры правосознания вполне соответствует действительности, поскольку позволяет расставить важные акценты на восприятие и познание правосознания как целостного системного явления, и такие походы учёных в научной литературе далеко не всегда можно наблюдать.

Так, К.А. Грандонян в своём исследовании, пройдя мимо проблемы интерпретации структуры правосознания, однако же, отмечает: «Структура правосознания складывается из двух основных элементов: правовой психологии и правовой идеологии. Правовая психология – это отношение к праву на эмоциональном уровне, т. е. в виде настроений, переживаний,

чувств. Правовая идеология – это система идей, правовых взглядов, научных концепций, теорий, выражающих отношение к правовой действительности и оценку её» [24, стр. 126].

В свою очередь, затрагивая структурные отношения правосознания и раскрывая его основные компоненты, Л.П. Рассказов выделяет правовую идеологию и правовую психологию как важные компоненты структуры правосознания [74, стр. 490]. Более того, И.М. Максимова, раскрывая дефиниции правосознания, выделяет два структурных элемента правосознания – правовую психологию и правовую идеологию, и подчёркивает: «Между правовой психологией и правовой идеологией, как двумя элементами структуры правосознания, нет непреодолимого барьера. Они находятся в диалектической взаимосвязи, обогащают друг друга, взаимопроникают и взаимодействуют. Как нет идеологии, которая проявлялась бы только в теориях и принципах, пренебрегала потребностями, эмоциями, психическими установками, так нет и правовой психологии, которая бы исключала определённые идеи систем связей между ними, и т. д.» [56, стр. 11].ж

Аналогичный подход наблюдается в исследованиях Н.Л. Граната, где автором отмечается: «В структуру правосознания входят два элемента: правовая идеология и правовая психология» [22, стр. 441]. Кроме вышеизложенного, в целом подавляющее большинство авторов (И.В. Григорьева [26, стр. 108-113], К.А. Грандонян, В.В. Лазарев [52, стр. 223-226], А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин, А.А. Кененов [8, стр. 356-359], Н.И. Матузов и др.) считают, что структура правосознания складывается из двух основных элементов: правовой психологии и правовой идеологии. В целом учёные рассматривают правосознание как структуру, состоящую из двух элементов. Отсюда следует, что основными ячейками, дополняющими структуру правосознания, являются правовая психология и правовая идеология, и что каждая из них в отличие друг от друга выполняет функцию выполняющей правосознание.

Кроме этого, в научной литературе встречаются и иные определения структуры правосознания, представляющие собой трёхэлементное строение. В этой связи исследователи отмечают, что структура правосознания не только ограничивается двумя элементами, но включает и третий элемент – поведенческий [46, стр. 24],

ценностно-ориентационный, или правовую праксиологию [70]. По идее, данная классификация структурообразующих элементов правосознания получила признание в работах ряда учёных. В частности, в исследованиях М.П. Карева [43, стр. 47] впервые прозвучал тезис о взаимозависимости правосознания и поведения людей, при этом первому была отведена регулятивная функция по отношению ко второму, однако изученность структуры правосознания этим считалась не исчерпанной.

Так, К.В. Науменкова, определяя понятие структуры правосознания, как логически построенной из трех взаимосвязанных элементов, находящихся между собой в устойчивых отношениях, пишет: «Структура правового сознания представляет собой единство трёх диалектически взаимосвязанных уровней: обыденно-психологического, непосредственно отражающего правовые отношения людей в их повседневной жизнедеятельности; рационально-идеологического, связанного с исследованием круга явлений, познание которых необходимо для решения правовых проблем; ценностно-ориентационного, определяющего готовность личности к правомерному поведению» [64, стр. 9].

Аналогичную позицию при раскрытии структуры правосознания предлагает Ю.В. Высоких и указывает, что: «По своей структуре правовое сознание включает три относительно самостоятельных, но друг от друга зависимых компонента» [16, стр. 24]. Также Я.В. Турбова, анализируя механизм взаимно дополняющих компонентов и их действия в структуре правосознания, считает, что: «С точки зрения содержания правосознание включает следующие компоненты: рационально-идеологические; социально-психологические; поведенческие» [99, стр. 224-225].

Д.С. Безносков выделяет следующие элементы, присущие только специфике структуры правового сознания – это правовая психология и правовая идеология. Также как свойства структуры, он разделяет обыденное и теоретическое правовое сознание [5, стр. 69]. И.В. Тишина, говоря о триаде структурных элементов правосознания, подчеркивает, что она представляет собой единство следующих элементов: 1. Правовая идеология; 2. Правовая психология; 3. Поведенческие элементы [97, стр. 278]. Последнее, по мнению автора, содержит в себе ряд параметров, из

которых доминирующими являются правовая привычка, установка и ориентация субъектов правоотношений, предполагающие степень их готовности к правомерному действию.

Однако о близких по содержанию к указанным выше подходам о трехмерности строения структуры правосознания отметим, что они включают в себя те свойства и качества, которые важны для построения социально-правовой модели индивида, группы и общества, так как в нашем случае структура правосознания, как строение, разработанное на основе координации трёх элементов (правовая идеология, правовая психология, поведенческий аспект) определяются, во-первых, именно в силу масштабов этих неотделимо и функционально взаимосвязанных друг с другом элементов, интерпретирующих структуру правосознания, как единое системное образование; во-вторых, структура правового сознания – это явление, характеризующееся как право и сознание человека. Отсюда, если проследить сущность и назначение структурных элементов правосознания, то они в динамике не только могут выступать средством воздействия и развития правосознания социума, но и предполагают также рассматривать само правосознание как динамичное функциональное строение.

Более того, подходы исследователей к определению структуры правосознания не являются исчерпывающими, так как правовое сознание – та же самая, как и правовая культура, изменчивая категория в теории права. В этой связи динамика развития теории правосознания данную ситуацию актуализирует новыми исследованиями и подходами, где при анализе структуры правосознания выдвигаются учёными новые идеи, акцентирующие внимание на связи правового сознания с духовной культурой, с проблемами ментальности правосознания, с обычаями и традициями народов и народностей [88; 89; 90; 91], с изучением генезиса и развития международного правосознания и т.д.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что:

Во-первых, правовое сознание как одна из форм общественного сознания является отражением права, правовых идей, принципов, идеалов, правовых ценностей и явлений в сознании индивида, различных социальных групп и в целом общества. Однако содержание правового сознания не ограничивается лишь отражением правовой сферы жизнедеятельности общества

(правовой реальности [4; 18; 59; 65; 92]), а в отличие от иных форм общественного сознания оно также включает в себя собственную структуру, т.е., разделяясь, но одновременно дополняя друг друга, структурируется на различные элементы и представляется как структурное образование.

В этой связи общетеоретический подход к исследованию структуры правового сознания требует, во-первых, четкой констатации самой дефиниции «структуры правового сознания», во-вторых, классификации его основных структурообразующих элементов, в-третьих, выявления особенностей каждого элемента их взаимодействия друг с другом и преобразования в условиях трансформации общественных отношений. В этой связи отметим, что понятие «структуры правового сознания» изучается в философии, социологии, психологии и других общественных науках и в зависимости от специфики процессов отражения права в нем выделяются различные элементы. Однако сложно обстоит вопрос именно о раскрытии самой дефиниции «структуры правового сознания», а не о характеристике её отдельных элементов. В этом отношении отметим, что не во всех выше указанных подходах учёных описывается понятие «структура правового сознания», что взамен постулируется в констатациях как трёхэлементная (включающая идеологический, психологический и поведенческий аспекты) структура. Мы считаем, что здесь наиболее правильной позиции придерживаются те учёные, которые при анализе структуры правосознания одновременно обращают внимание не только на характеристики её основных элементов, но и на необходимость определения самого понятия структуры правосознания. Другая группа учёных вместо определения понятия феномена структуры правосознания тут же переходят к характеристикам его основных элементов, что мы считаем неверным. На наш взгляд, им следовало бы сначала проанализировать или определить сам феномен «структура правосознания», а уже после этого перейти к рассмотрению его отдельных элементов. Также понятие структуры правосознания учёными трактуется по-разному, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к рассматриваемой проблеме. В этом смысле мы полагаем, что структуру правосознания можно представить, как целостное и системное образование, включающее

в себя сложную внутреннюю организацию, которая состоит из отдельных и взаимосвязанных элементов, их характеристик и свойств, а по масштабу их реального функционирования – как алгоритм правового ориентира индивида, группы и в целом общества. Рассматривая строение структуры правового сознания как сложное образование, отметим, что в зависимости от способов и форм отражения права в нём следует выделять три самостоятельных элемента: правовую идеологию, правовую психологию и поведенческие аспекты правосознания.

Правовая идеология является разновидностью форм идеологии, рациональным компонентом правосознания, формой отражения и выражения правовой действительности. В свою очередь, идеологическая сфера правосознания является частью общественной идеологии, отличающейся объектом отражения. Сам термин «идеология» возник в результате соединения двух греческих слов: *ιδέα* – идея, прообраз и *λογος* – учение, разум [21, стр. 36]. В правовом смысле, по словам А.В. Гавриловой и Е.А. Боголюбова, идеология представляет собой систематическое и целенаправленное распространение в обществе определённых правовых идей, ценностей, норм и программ поведения с целью управления адресатом и контроля за его мышлением и поведением, обладает принудительным характером с целью недопущения отклонения от абсолютных стандартов поведения, нередко выступая в качестве одного из основных средств политической манипуляции [17, стр. 346]. Сущность правовой идеологии заключается в том, что она наполняет смыслом правовую жизнь государства, задаёт ориентиры в развитии общества, выступает «живительным источником для здорового правосознания» [98, стр. 234]. Более того, её следует рассматривать как неотъемлемую структурную часть правового сознания, которая идентифицируется через контрастное сопоставление с правовой психологией [58, стр. 359]. Последнее по специфике отражения права и правовых явлений измеряет психологические реакции (чувства, эмоции, настроения, переживания, интересы, привычки и т.д.) не только группового или массового, но и индивидуального правового сознания [6; 30]. Отсюда, в отличие от правовой идеологии, правовая психология тесно связана с национальной психологией, поэтому она медленно трансформируется под влиянием

социокультурных изменений и с трудом корректируется усилиями государства и его институтов. То есть формирование правовой психологии происходит под влиянием различных метаюридических феноменов, таких как, например, религия, культурные традиции и обычаи, и даже ментальность, в процессе реальной жизнедеятельности [28, стр. 81]. Правовая психология – первичный, инертный эмоционально-волевой элемент структуры правового сознания, и независимо от положения, которое занимает человек в обществе, выступает его носителем [3].

В этой связи важным аспектом правового сознания является руководство деятельностью человека.

А деятельность человека (деятельность сознания) выступает как своеобразный каркас и способ формирования поведенческого аспекта правового сознания, так как правосознание не только отражает право и правовую действительность, но и воздействует на неё, формируя готовность личности к правовому поведению [56, стр. 6-7]. Поведение человека в сфере права и правового регулирования предполагается характеризовать как форму выражения отношения к истинному предназначению права и правовой действительности.

В этом смысле поведенческий элемент (готовность действовать в соответствии с правовым предписанием) правового сознания связан с уровнем формирования у индивида правовых установок. По словам Р.Р. Муслумова: «Правовая установка личности – содержательно-динамический (поведенческий) компонент правосознания личности, выражающий предрасположенность и готовность личности к совершению правового поведения определенного вида» [62, стр. 110]. Знание права, отношение к праву и поведенческий компонент – основные эталоны правовых установок, что для такой социальной категории, как молодёжь, служит важным ориентиром в сфере права и в целом развития правосознания.

Формирование правовых установок человека, позиционирующее себя как одну из функций сознания личности, – длительный процесс, потому что оно начинается не столько с обучением и воспитанием права, сколько с успешным прохождением первичной (семейной) социализации ребёнка, так как формирование правовых установок как важный процесс вхождения

человека в сферу правового бытия предполагает изначально должное семейное воспитание. Однако факт рождения и воспитания ребёнка в семейных условиях как исходная точка для формирования правовых установок не является исключением. Более того, имеются другие целенаправленные формы и способы воздействия на сознание человека, в зависимости от надлежащей организации которых, вполне возможен оптимальный вариант формирования правовых установок человека – правовое воспитание. Исходя из сказанного, полагаем, что правовая установка как важный структурный компонент правосознания представляет собой форму осознания и приближения человека к правовой материи.

Важной отличительной особенностью правосознания являются его виды, и они достаточно специфичны. В этой связи в Большом юридическом словаре подчеркивается: «Правосознание – категория теории государства и права и криминологии, означающая сферу группового, общественного и индивидуального сознания, отражающая правозначимые явления и обусловленная правозначимыми ценностями, представлением должного правопорядка» [9, стр. 468]. Из указанного получается, что основные виды правосознания – это групповое, общественное и индивидуальное правосознание. Более того, по этому поводу в юридической литературе существуют различные точки зрения. Так, по мнению Д.С. Безносова, виды правосознания классифицируются по нескольким основаниям: по строению (правовые представления и правовые чувства), по уровню (научное, профессиональное, обыденное), по субъектам (массовое, групповое, индивидуальное) и пр. [5, стр. 63]. В.В. Касьянов и В.Н. Нечипуренко, классифицируя правосознание по субъектам, при этом отрицая общество, выделяют два вида правосознания: индивидуальное и групповое: «сумму знаний, представлений и оценок индивидов и групп по поводу права, его применения и форм выражения» [45, стр. 279-280].

Однако в работах других авторов общество, группы и индивиды названы в качестве основных носителей, т.е. видами правосознания. Вот что пишет А.М. Столяренко: «При рассмотрении правосознания с точки зрения его принадлежности определенным субъектам возникает необходимость различать конкретных носителей и соответственно этому

– правосознание общества, групп и индивидов» [71, стр. 52]. Аналогичной позиции придерживается М.И. Еникеев, подчёркивая, что «правосознание подразделяется на общественное, групповое и индивидуальное» [33, стр. 283]. На фоне исследования проблемы правовой социализации молодёжи такой подход используется Ю.В. Кузнецовым и И.Ю. Салминой. Они отмечают: «Индивидуальное правосознание – результат социализации молодого человека и усвоения им группового и общественного правосознания, опосредствованного особенностями его жизненного пути» [51, стр. 443]. Н.И. Матузов и А.В. Малько вместо правосознания общества выделяют массовое, групповое [57, стр. 119]. С.Е. Борисова при анализе правосознания различает обыденное, теоретическое и профессиональное правосознание, а при принадлежности его конкретному носителю выделяет общественное, групповое, индивидуальное [10, стр. 103-105].

Виды правового сознания обсуждаются и в других научных исследованиях, однако во всех анализах, посвящённых данной проблеме, учёные опираются лишь на две или три разновидности правосознания. Вместе с тем в зависимости от возрастных особенностей учёными также выделяются правосознания несовершеннолетних, молодёжи и даже взрослых. Более того, самый начальный период в этапе формирования правосознания человека складывается в детстве – дошкольный возраст. Так, В.М. Сапогов отмечает, что: «Самые первичные представления о социальных нормах поведения людей, о необходимости определённого порядка в человеческих взаимоотношениях приобретаются в детстве, ещё в дошкольный период» [72, стр. 9]. В дальнейшем этапы формирования правосознания и правовой культуры несовершеннолетние проходят на школьной скамье и в процессе правовой социализации. Так, обосновывая правосознание несовершеннолетних, С.Б. Целиковский, Е.С. Сальникова отмечают: «Правовое сознание несовершеннолетнего – это та существенная часть его духовной сферы, которая определяет его личность и от уровня и устойчивости которой во многом зависит, будет ли подвержено правосознание несовершеннолетнего деформации» [104]. Т.Ю. Смоллов данный подход связывает с возрастными особенностями подростка, его готовностью к восприятию

сложных правовых явлений и активной когнитивной деятельности [93, стр. 10].

Анализируя криминологический аспект правосознания несовершеннолетних, О.В. Лещенко пишет, что: «Правосознание несовершеннолетних имеет специфические особенности, в соответствии с которыми можно определить его направленность (положительную, нейтральную, отрицательную, противоречивую), сформированность (высокую, среднюю, низкую, очень низкую) и криминальную устойчивость (достаточную, недостаточную, склонную к противоправному поведению, преступлению)» [55, стр. 9-10].

Следует добавить, что правосознание несовершеннолетних стало объектом специальных криминологических исследований в 60-х годах прошлого столетия [95, стр. 34]. Кроме того, в научной литературе выделяется, как разновидность, правосознание молодёжи. К субъектам правосознания молодёжи, охватывающим взгляды, представления о сущности права, законности, правопорядка в научной литературе относят учащихся – студентов и не учащихся – работающую молодёжь. Основным фундаментом формирования правосознания (о специфике которого мы будем говорить в следующем параграфе) этой группы населения является целенаправленное правовоспитательное воздействие, и в этом сложном процессе также мы не исключаем влияния правовой социализации как жизненного фактора развития человека, так как последнее можно соотносить с возрастной периодизацией жизни человека.

В процессе онтогенеза человек проходит следующие этапы: младенчество (от рождения до 1 года), раннее детство (1-3 года), дошкольное детство (3-6 лет), младший школьный возраст (6-10 лет), младший подростковый (10-12 лет), старший подростковый (12-14 лет), ранний юношеский (15-17 лет), юношеский (18-23 года) возраста, молодость (23-30 лет), раннюю зрелость (30-40 лет), позднюю зрелость (40-55 лет), пожилой возраст (55-65 лет), старость (65-70 лет), долгожительство (свыше 70 лет). Каждый указанный возрастной период жизни человека вносит свой вклад в воспитание и развитие личности [100, стр. 15].

Однако то, к какому виду правосознания (массовому, групповому, или индивидуальному) относятся категории «дети младшего возраста», «несовершеннолетние» и «молодёжь» – вопрос

научно-дискуссионного характера. Но мы полагаем, что в таких ситуациях перечисленные категории являются субъектами общественного, группового или индивидуального правосознания. Более того, отнесение категорий «дети», «несовершеннолетние» и «молодёжь» к разновидности правового сознания мы не считаем ошибочным, так как данный критерий вполне может соответствовать этапам формирования правосознания. Притом у каждого этапа формирования правосознания – своё специфическое содержание, и в зависимости от способов и методов воздействия, учитывающих возрастные и психологические особенности отражения права и правовых явлений, они могут друг от друга отличаться. Например, для детей дошкольного возраста необходимым в формировании правосознания является первичное представление о морали («долг», «ответственность», «доброта», что хорошо и что плохо и отличие между ними в повседневной жизни и т.д.) и правовых нормах (общий ориентир о роли и сущности права, дозволенного и запрещённого как первичной формы положительного поведения), что в результате предполагает нравственно-правовое формирование личности детей. Для школьного возраста на каждом этапе содержание воспитания правосознания подвергается изменениям. И такие изменения ориентированы на получение новой юридической информации, что необходимо в дальнейшем для жизни и быта этой категории несовершеннолетних.

Последующий систематический этап формирования правосознания связан с поступлением в вузы и продолжением учёбы, именуемый «студенческой молодёжью». Это этап рассчитан на развитие правосознания, которое по смыслу носителей делится на общее – правосознание не-юристов и специальное – правосознание юристов. Зачастую для этой категории населения вслед за вузом наступает другой этап развития правосознания, что связано с учёбой в аспирантуре, докторантуре, магистратуре либо с прохождением в иных систематических формах курса повышения квалификации.

В целом по субъектам – носителям правосознания можно выделить следующие виды правосознания: правосознание детей дошкольного возраста, школьного возраста и студенческой молодёжи, в котором отражается правосознание общества, группы и индивида.

В свою очередь, правосознание молодёжи можно разделить на правосознание учащихся – студенческой молодёжи и не учащихся – работающей молодёжи (предприниматели, работники госучреждений и общественных организаций) и не обладающих статусом лица, работающего по трудовому договору (контракту).

Правосознание характеризуется как сложное структурное образование, и в раскрытии его содержания важная роль принадлежит осмыслению отдельных структурообразующих элементов. В качестве такового выступает функция правосознания, посредством реализации которой происходит восприятие и оценка права. Исходя из понимания того, что познание права сводится только к функционированию правосознания, С.С. Алексеев подчёркивал, что на первом этапе происходит «знакомство с правом», вырисовываются «первые впечатления» о праве. Именно здесь «люди лицом к лицу сталкиваются с правом и наглядно, чуть ли не до осязаемой реальности могут «увидеть», «ощутить» его на себе (что, кстати сказать, и позволяет рассматривать право как строгую объективную данность, юридическую реальность)» [2, стр. 6]. В этом смысле, подвергая анализу функции правосознания, отметим, что понятие «функция» в словаре лингвистических терминов означает от латинского «function» – исполнение, деятельность [34, стр. 320]. Иными словами, исполнение и деятельность присущи сознанию человека, так как само отражение правовой действительности выражается в свойствах функций сознания человека. Данная позиция так обосновывается исследователем Ф.А. Хайком: «Сущность и социальное назначение правового сознания выражается в его функциях» [103, стр. 47]. Р.Р. Муслумов полагает, что функции правосознания – это основные направления его влияния на общественные отношения, формирование личности и её поведение [60, стр. 91]. З.Н. Каландаришвили подчёркивает, что: «Под функциями правового сознания следует понимать взаимодействие правового сознания с окружающей правовой действительностью» [41, стр. 10].

Более того, понятие функции правосознания прослеживается в работах исследователей различных областей знания, но преобладающее место отдано теоретикам права. Так, Н.Л. Гранат выделяет познавательную, оценочную и регулятивную функции правосознания [23,

стр. 329]. Напротив, в отличие от предложенных Н.Л. Гранат, В.А. Щегорцев выделяет функции регулятивную, идеологическую, нормативно-прогностическую и правового моделирования правосознания [14, стр. 33-86]. Последнее, т.е. функция правового моделирования правосознания, ещё до В.А. Щегорцева было предложено Е.А. Лукашевой [54, стр. 105] и последовательно В.И. Власовым [15]. Более того, Ю.А. Дмитриев выделяет такие функции правосознания: познавательную-оценочную (гносеологическая), функция правового моделирования (прогностическая), регулятивная, и идейно-воспитательная [96, стр. 548-549].

Далее, В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, Х.С. Гуцериев и И.И. Кальной предложили следующие виды функций: прогностическая, идеологическая, коммуникативная и интегрирующая [42, стр. 366].

Между тем, анализируя функциональные модели правосознания, как отражающие феномен перцепции и свойства сознания, В.М. Реуф и С.П. Сальников выделяют следующие три функции правосознания – правосприятие, правопонимание и правовую оценку [76, стр. 52]. В свою очередь, З.Н. Каландаришвили считает, что правосознанию свойственно и «существует четыре основных функции правового сознания, связанных в основном со следующими функциями: познавательная, оценочная, регулятивная функции и функция правовой социализации. Все остальные функции являются производными от них» [41, стр. 10]. Следовательно, анализируя функции правосознания, Р.Р. Муслумов выделяет «главную функцию – человекотворческую или гуманистическую. Наряду с главной выделяем основные функции правосознания: познавательную, оценочную, регулятивную. У каждой основной функции имеются подфункции. Так, познавательная функция включает в себя подфункции: отражательную, творчески-креативную, моделирования, прогнозирования. Оценочная функция включает рефлексивную, смыслообразующую, идейно-воспитательную, идеологическую [60, стр. 92]. Анализируя функции правового сознания в своём диссертационном исследовании, М.А. Гусарова выделяет познавательную, оценочную, регулятивную, воспитательную, коммуникативно-информационную и социально-преобразовательную функции [27, стр. 226].

Далее она пишет, что «в числе важнейших функций правосознания выделяют социализирующую и прогностическую» [27, стр. 226]. Имеются и другие подходы к определению функций правового сознания. Однако, обобщая результаты теоретического анализа, можно выделить следующие особенности данного понятия.

Во-первых, правосознание следует рассматривать как сложное многоуровневое образование, которому присущи собственная структура, виды и функции. Функция – это наиболее важный компонент правового сознания, выражение его основных направлений и их воплощение в системе выполняемых ей тех или иных задач, который посредством использования различных методов и способов воздействия ведёт к конструированию правовой модели общества и формированию поведения личности. Функции выполняют содержательно-организационный характер и руководство, их сочетание не только обеспечивает специфичность решаемых задач правового сознания, но и формируют представление о ней как о ценностно-смысловом строении. Только на основе функций можно осуществить отражение правовой действительности, его динамику, обеспечить влияние права на правосознание либо правосознания на развитие самого права. А результаты последнего будут способствовать в идеале, взятые вместе, уровню правовой культуры общества и индивида.

Во-вторых, функция правового сознания включает в себя теоретическую и практическую дифференциацию важнейших его направлений, что в совокупности обеспечивает более точное определение изучаемого и используемого в правовой лексике феномена «функции правового сознания». Трактовка дефиниции «функции правового сознания» как структурный элемент правового сознания изменялась в различные исторические периоды. Вместе с понятием правового сознания она превращалась в объект научного анализа различных сфер общественных наук (философии, психологии, социологии, этики, юриспруденции и др.). Однако, как показывает научный анализ, в юридической науке ещё не сложилось однозначное понимание интерпретации и употребления основных направлений функции правового сознания, так как сущность правового сознания учёные рассматривают в последовательности выполняемых им нескольких функций:

познавательной, оценочной, регулятивной, идеологической, нормативно-прогностической, моделирования, идейно-воспитательной, коммуникативно-информационной, социально-преобразовательной либо социализирующей, и т. д. То есть данные подходы не подчинены определённой логике. Если одни авторы, интерпретируя функции, выполняемые правовым сознанием, основываются на познавательной, оценочной и регулятивной функциях правосознания (Н.Л. Гранат), то другие выделяют среди них функции регулятивную, идеологическую, нормативно-прогностическую, моделирования (В.А. Щегорцев, Е.А. Лукашева, В.И. Власов и др.). Третья группа учёных, хотя и смешивая, но выделяют следующие функции правового сознания: гносеологическую, прогностическую (Ю.А. Дмитриев), идеологическую, коммуникативную и интегрирующую (В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, Х.С. Гучериев, И.И. Кальной). При этом выделяются и иные функции правосознания: право восприятие, правопонимание и правовая оценка (Реуф В.М., Сальников С.П.), главная функция – человекотворческая или гуманистическая, и основные (познавательная, оценочная, регулятивная) (Р.Р. Муслумов) и др.

В этом смысле мы считаем более обоснованным подход к выделению функций правосознания (предложен З.Н. Каландаришвили), в котором правосознание выполняет следующие функции: познавательную, оценочную, регулятивную и социализирующую. Все остальные функции мы считаем производными от них, так что причисляем себя к его сторонникам. Отсюда анализ функций правового сознания приводит нас к выводу о необходимости разделения их на: 1) познавательную; 2) оценочную; 3) регулятивную; 4) социализирующую, выполняющую роль первичной, а остальные – производные от первичной. Перечисленные функции взаимосвязаны и образуют в целостности систему функций правового сознания. При этом перечень указанных функций мы дополняем функциями «ресоциализирующей» и «продуктивности» правового сознания.

В-третьих, в качестве функций могут быть выделены следующие компоненты, которые позволяют охарактеризовать уровень, тип правосознания, их самостоятельность и взаимодействие:

1) **Познавательная.** Когнитивная или

гносеологическая функция, посредством которой происходит познание социально-правовой жизни общества. Данная функция базируется на знании права и правовых явлений. Основная задача данной функции правосознания заключается в восприятии норм и принципов реально действующего права. Она включает в себя широкий спектр как системного, так и внесистемного воздействия на индивида с целью его формирования и развития в сфере права и правовых отношений. В процессе осуществления познавательной функции правосознания происходит пересечение знаний и ценностей права, понимание и умелое их использование в жизненном опыте индивида.

Поэтому она важна для тех, кто, на первый взгляд, далёк от описания роли права с позиции поиска решения проблем, возникающих в повседневной жизни. В целом познавательная функция предполагает не только на теоретическом, но на обыденном уровне накопление правовых навыков, умений и привычек, необходимых в жизненных ситуациях индивида. Главным компонентом познавательной функции правового сознания является осмысление права, правовой осведомлённости и информированности права.

Как способ накопления знаний о праве и правовых явлениях, познавательная функция правового сознания не освобождена от возможности дальнейшего осмысления индивидом правового бытия. Осмысление права складывается в результате накопления обширного комплекса правовых знаний и почтительного отношения к правовым предписаниям. Осмысление права для индивида создаёт необходимые условия для осознания границы своих действий в сфере права, т.е. это не только предостережение от совершения противоправных действий, но и недопущение в отношении самого себя таких действий (бездействия).

Правовая осведомлённость – неотъемлемое средство недопущения и искоренения правонарушений. Осведомлённость индивида в сфере права выражается в его интересе к праву, правовым знаниям, представлении о праве и в целом понимании его сущностного значения как регулятора общественных отношений и поведения человека. Основными средствами осведомлённости личности в сфере права являются правовое воспитание, просвещение и правовая пропаганда [84, стр. 74] среди населения, подготовка кадров в области юриспруденции, средства массовой

информации, правовые ресурсы электронно-библиотечной системы (ЭБС) и др.

Информированность о праве – это элемент развитого правосознания, что характеризуется как состояние общества, группы и индивида, и их информированности о системе знаний, включающей в себя базовые принципы и предписания правовых норм, их действия и воздействия на поведение человека. Правовая информированность измеряется уровнем его присутствия (как активного начала) или отсутствия (так и пассивного начала), и складывается у индивида, группы и в целом общества.

Отсутствие правовой информированности индивида ведёт к правовой дезинформированности, что является предпосылкой для формирования, искажённого (низкого или даже нулевого) правосознания. Поэтому высокая правовая информированность – это компас, который указывает готовность личности к тому, как строить своё поведение, чтобы оно соответствовало требованиям правовых предписаний. [81] Как и для правовой осведомлённости, для правовой информированности средствами накопления служит, во-первых, сам интерес личности к праву и, во-вторых, различные способы и средства воспитания правосознания, где также важным инструментом выступает прохождение правовой социализации (и даже правовой ресоциализации).

2) **Оценочная.** Оценочная функция правового сознания присуща индивиду, группе и в целом обществу. Выражение отношения к праву и правовым предписаниям судебных актов, актов прокурорского реагирования, локальных норм (приказы и распоряжения руководителей организации), правовых договоров, их соответствию критерию справедливости происходит посредством оценочной функции правосознания.

Диапазон оценки может распространяться как на поведение (правомерное поведение или неправомерное поведение), так и на уровень исполнения правовых предписаний; здесь также не исключается качество законодательного акта (модернизирующего или ограничивающего права в той или иной сфере общественных отношений).

Оценка производится в форме критики (публичная критика через СМИ, доктринальная, судебная – оставление приговора суда первой инстанции без изменения в кассационном суде, внесудебная – увольнение с работы беременной

женщины и др.) и обобщения (в нормативно-правовом предписании – возвышение права и защиты законных интересов граждан, решения суда, направленные на достижение судебной справедливости, реализацию субъективных прав, которые преследуют гарантии их исполнения и обеспечения), либо надлежащего разрешения иных конкретных юридических ситуаций и др.). В целом для оценки наиболее важными остаются действующая система законодательства, поведение людей, деятельность органов власти и общественности по исполнению законов и издаваемых им нормативных актов, затрагивающих защиту прав и интересов граждан и юридических лиц, а также актов, принимаемых судом, и т.д. Следует отметить, что оценка права проявляется при взаимодействии других функций правового сознания. Однако главным критерием оценки всё-таки остаётся высокий уровень правосознания личности, группы и в целом общества и их активности, посредством действия которых проявляется оценочная функция правового сознания.

3) **Регулятивная.** Волевой уклон в правосознании проявляется посредством реализации регулятивной функции. Такое приспособление к правосознанию знаменуются самим сознанием – регулятором деятельности человека, а правосознание – нормативным сознанием. Поэтому регулятивная функция правосознания предполагает быть нормативно востребованной, потому что самобытность этой функции правосознания аккумулируется в регулятивном воздействии норм права на социальные отношения. Регулятивная функция правосознания имеет свои масштабы и диапазоны, на которые неизменно оказывает воздействие.

В первом случае оно связано с поведением человека и его регуляцией в сфере права и правовых отношений. Базовым началом для такого регулирования может служить накопленный массив правовых знаний – нормативно-регулятивный ориентир индивида к правомерным поведением во всех случаях, то есть, накопленный уровень правовых знаний и правовые ориентиры поведения выступают действующими эталонами для готовности к выбору индивидом надлежащей формы поведения – правомерного поведения. По смыслу также противоправное поведение определяет ориентиры регулятивной функции правосознания, так как совершение

противоправного действия преследует юридически значимые ориентиры: вначале это материальное, и с последствием, наступление (ожидаемого или не ожидаемого) процессуального правового регулирования (например, адаптации осуждённого в условиях социализации либо посредством совершения правонарушения и т.д.).

Кроме того, регулятивная функция правосознания не лишена правотворческой деятельности. Поэтому заметим, что право – это продукт правосознания, что подтверждается несомненным участием правосознания в создании законодательного акта либо самим законодателем, либо при непосредственном участии в форме обсуждения законопроекта, либо при проведении всенародного голосования – референдума. Примером последнего может служить принятие Конституции Республики Таджикистан (1994 г.). Этим подтверждается смысл воздействия правосознания на социально-правовую реальность. Регулятивная функция правосознания переплетается с формой реализации права. В этом смысле активная форма проявления указанной функции правосознания – это реализация субъективного права граждан, где граждане, участвуя в качестве субъектов правоотношений, руководствуются регулятивными свойствами правового сознания, чем и объясняется, как регулирующее воздействие правосознания оказывает влияние на деятельность людей. Однако регулятивная функция правосознания имеет значение также и для оценки поведения индивида – совершения проступка либо деяния. В этом разряде правоприменительная практика становится важной в последующем форме проявления регулятивной функции правосознания. Это объясняется тем, что регулятивная функция правосознания может быть познана по результатам воздействия правоприменительной практики на поведение людей, так как показателем регулятивной функции правосознания является правомерное поведение – активный уровень правосознания. А пассивной формой проявления регулятивной функции правосознания может служить противоправное поведение – деформация правосознания [32; 35; 36; 37; 38; 39]. В целом основная миссия регулятивной функции как ценностно-ориентационного компонента правосознания заключается в управлении поступками и регулировании предписанием закона поведения человека.

4) **Социализирующая.** Велика роль правовой

социализации в формировании и развитии правового сознания личности. Этот канал способствует, во-первых, получению правовой информации в повседневной жизни личности, т. е., это обыденная часть формирования правосознания, во-вторых, правовая социализация служит главным фактором адаптации личности в сфере права и правовой жизни общества. Также правовая социализация служит важным средством формирования интереса личности к праву, правовым отношениям, правовому состоянию общества, правовому регулированию поведения личности. Кроме того, правовая социализация способствует развитию социально-правовой активности и инициативности личности в сфере права и правовой жизни общества. В целом правовая социализация – это процесс подготовки личности к выполнению социальных ролей в обществе. Правовая социализация осуществляется под воздействием деятельности различных социальных институтов общества (семьи, органов государства и общественности), функционирование которых направлено на развитие человека в сфере права и правовых отношений. Проявляется стихийно, т.е. при участии и вхождении самого человека в различные юридически значимые ситуации, факты и отношения [48; 49; 50].

Однако главное место в прохождении правовой социализации отводится целенаправленному правовоспитательному процессу, важной задачей которого является формирование правосознания и правовой культуры членов общества [20; 67; 80]. Правовая социализация по сравнению с социализацией нравственной, религиозной и др. начинается несколько позже. Но начальным этапом (первичной социализацией) прохождения правовой социализации является семья, где ребёнок получает первичную информацию о праве и нормах нравственности. В дальнейшем в социализации ребёнка участвуют иные социальные институты. Параллельно с накоплением социально-правового опыта в процессе правовой социализации формируются и другие личностные качества ребёнка. Данный процесс неизменно оказывает влияние и на формирование и развитие правового сознания и культуры молодёжи [78; 86; 87]. Поэтому он характеризуется как процесс формирования правового сознания. Для последнего формой проявления может служить приобретение правовой информации, которая приспособливает к накоплению

практического правового опыта и привитию навыков правомерного поведения личности.

5) **Продуктивности правосознания.** Функция продуктивности правового сознания – это детерминант нормального состояния правового сознания, что характеризуется на уровне как теоретического, так и обыденного правосознания, где главным фигурантом выступает сам человек и его способность. Способность при реализации субъективного права – это возможность получения удовлетворения индивида, которое оценивается на уровне продуктивности правосознания. Однако отсутствие возможности получения удовлетворения ведёт не только к снижению функционирования продуктивности правосознания, но и к нарушению нормального состояния правового сознания, и даже впоследствии может создавать препятствия намеренному процессу прохождения правовой социализации. Формой проявления служит как теоретический (доктринальный), так и практический (обыденный) уровень правосознания. Первый уровень правосознания характеризуется результатом научных достижений в сфере права (выдвижение продуктивных научных концепций), так что его применение и влияние на развитие науки и совершенствование позитивного права велико. Второй проявляется стихийно и повседневно в социально-правовой практике, где индивид при осуществлении и защите субъективного права сталкивается с реальным состоянием и практикой применения норм права. Критерием оценки, как для первого, так и для второго, может служить удовлетворение индивида от декларируемых в праве норм и принципов, их реализации, применения и исполнения. При этом последнее должно соответствовать общеправовому принципу права «справедливости» или «не запрещённое законом

разрешено», иначе продуктивность правосознания снижается либо превращается в репродуктивность. При нарушении указанных принципов права продуктивность правосознания активизируется, что предполагает разрешение юридической ситуации посредством применения юрисдикционной (судебной, административной) или не юрисдикционной формы воздействия.

6. **Ресоциализирующая.** Данная функция правосознания содержит элементы правовой социализации, но по субъектному составу она отличается. Так, носители функции ресоциализации правосознания – это осуждённые, отбывающие исполнение уголовного наказания в учреждениях лишения свободы. Кроме того, оно может стать условием формирующим, но и доступным для восстановления правосознания от деформации [1; 11; 12; 13; 40]. Важное средство ресоциализации – это правовое перевоспитание и недопущение вновь совершения правонарушения осуждёнными. Кроме того, критерием ресоциализации может служить соблюдение дисциплины, стимул правопослушного поведения осуждённых (например, основным стимулом правомерного поведения осуждённых является амнистия или условно-досрочное освобождение либо перевод в другую колонию – колонию-поселение), психологическая поддержка и их медицинское обслуживание и др. Помимо прочего, для осуждённых серьёзную поддержку могут оказать члены их семьи либо родственники, друзья и т. д., так как семья выступает как важный фактор ресоциализации осуждённых во время и после отбывания уголовного наказания. Ресоциализация – это комплексное отношение, форма адаптации осуждённых, что предшествует исправлению и разрушению ранее принятых ценностей и моделей поведения личности.

Список литературы

1. Абатуров А.И., Брылева Е.А., Сальников В.П. Ресоциализация и постпенитенциарный контроль осужденных-мигрантов как один из аспектов миграционной безопасности России // Миграционное право. – 2019. – № 3. – С. 34-38.
2. Алексеев С.С. Право: азбука, теория, философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – 712 с.
3. Бакин А.А., Гусева В.Ю. Психологические подходы в концепциях российских либеральных правоведов конца XIX – начала XX века // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 177-186.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

5. Безносков Д.С. Правовое сознание: структура, содержание, виды // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2008. – Сер. 12: Социология. – Вып. 2. – С. 59-70.
6. Белоус В.Г. Актуальные проблемы правовой психологии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 198-207.
7. Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. – М.: Высшая школа, 1982. – 83 с.
8. Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004. – 800 с.
9. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА – М, 2000. – 704 с.
10. Борисова С.Е. Юридическая психология (психология в деятельности следователя): Учебное пособие. – Орёл: КАРТУШ, 2011. – 296 с.
11. Брылева Е.А. Реализация права на образование несовершеннолетними осужденными как эффективный инструмент ресоциализации // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 136-141.
12. Брылева Е.А. Реализация права на свободу совести и других прав несовершеннолетними осужденными и проблемы их ресоциализации // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 148-154.
13. Брылева Е.А. Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 126-132.
14. Бура Н.А. Функции общественного правосознания / Отв. ред. Н.И. Козюбра; Академия наук УССР. Ин-т государства и права. – Киев: Наукова думка, 1986. – 87 с.
15. Власов В.И. Теория государства и права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 512 с.
16. Высоких Ю.В. Генетические истоки правосознания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2006. – № 13 (68). – Вып. 8. – Т. 2. – С. 24-28.
17. Гаврилова А.В., Боголюбов Е.А. Теоретическая и практическая взаимосвязь правовой идеологии и правовой пропаганды в советском обществе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3. – С. 346-369.
18. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
19. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
20. Голдобина Л.Ю. Правовое воспитание как одна из категорий судебно-правовой реформы // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 123-131.
21. Грамматиков В.В. О структуре профессионального правосознания адвокатов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2006. – № 1 (108). – С. 33-38.
22. Гранат Н.Л. Понятие, структура и общая характеристика правосознания // Общая теория права: Академический курс: в 3 т. Т. 3. – М.: НОРМА, 2007. – 698 с.
23. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права / Под ред. Н.А. Катаева и В.В. Лазарева. – Уфа, 1994. – 480 с.
24. Грандонян К.А. Правосознание и правовая культура // Общая теория государства и права: Учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – 392 с.
25. Гранин А.Ф. К вопросу о путях повышения уровня профессионального правосознания оперативно-следственных работников органов внутренних дел // Материалы теоретической конференции по итогам научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава за 1971 год. – Киев: НИИРИО КВШ МВД СССР, 1972. – С. 32-42.
26. Григорьева И.В. Теория государства и права: Учебное пособие. – Тамбов: Тамбовский государственный технический ун-т, 2009. – 304 с.
27. Гусарова М.А. Российское правосознание в аспекте социокультурной динамики: философский анализ: Дис. ... докт. филос. наук. – Краснодар, 2017. – 393 с.
28. Гусарова М.А. Правовая идеология и правовая психология в современном Российском обществе: анализ корреляционных связей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (76). – С. 79-82.
29. Гусарова М.А. Эволюция концепций правосознания в советской правовой науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (61), ч. 2. – С. 79-82.
30. Гусева В.Ю. Право как исключительно психологическое явление индивидуальной психики в теории Л.И. Петражицкого // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 190-198.
31. Долгова А.И. Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей. – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972. – 99 с.

32. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
33. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 640 с.
34. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань: Полиграм, 2005. – 376 с.
35. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4(9). – С. 335-345.
36. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015 – № 1(18). – С. 340-345.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
39. Захарцев С., Сальников В. Профессиональная деформация сотрудников силовых структур // Защита и безопасность. – 2017. – № 2. – С. 22-24.
40. Иванищев А.В. Актуальные вопросы, связанные с ресоциализацией несовершеннолетних осужденных, склонных к употреблению наркотиков и к криминальной агрессии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 95-102.
41. Каландаришвили З.Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 21 с.
42. Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гучериев Х.С., Кальной И.И. Философия для аспирантов: Учебник для адъюнктов высших образовательных учреждений МВД России. 2-е изд., стереотипное / Под. ред. И.И. Кальной. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 512 с. – (Учебники для вузов. Специальная литература).
43. Карева М.П. О соотношении права и нравственности в социалистическом обществе // Большевик. – 1947. – № 4. – С. 47-53.
44. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: Текст лекций. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 1996. – 92 с.
45. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 480 с.
46. Кварацхелия Т.Т. Теоретические аспекты определения правосознания как юридической категории // Юридические записки. – 2013. – № 2. – С. 22-27.
47. Козюбра Н.И. Социалистическое право и общественное сознание. – Киев: Наукова думка, 1979. – 207 с.
48. Кравченко О.В. Правовая социализация как важное средство адаптации несовершеннолетних к правовой жизни // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 77-80.
49. Кравченко О.В. Правовая социализация несовершеннолетних: содержание и специфика формирования // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 180-193.
50. Кравченко О.В. Проблемы правовой социализации несовершеннолетних в Республике Таджикистан: теоретический аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.01 – Душанбе: таджикский национальный университет, 2019. – 31 с.
51. Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник МГТУ. – 2010. – Т. 13. – № 2. – С. 431-438.
52. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для академического бакалавриата. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 521 с.
53. Лещенко О.В. Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правового сознания // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 174-178.
54. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М.: Юридическая литература, 1973. – 344 с.
55. Лященко О.В. Правовое сознание несовершеннолетних осужденных в условиях изоляции от общества: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2017. – 25 с.
56. Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 22 с.
57. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
58. Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 3. – С. 355-379.
59. Мусаев М.А. Систематизация законодательства как ключевой момент развития правовой реальности // Мир

- политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 37-46.
60. Муслумов Р.Р. Роль правового сознания в развитии личности // Социально-психологические проблемы формирования личности государственного служащего в современной России: Сборник научных трудов / Под ред. Б.Ю. Берзина. – Екатеринбург, 2012. – С. 90-94.
61. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности: Учебное пособие; М-во образования и науки Российской Федерации – Екатеринбург: Уральский Федеральный ун-т, 2013. – 84 с.
62. Муслумов Р.Р. Психологическая диагностика правовых установок студентов вуза // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 3: Общественные науки. – 2013. – № 5 (122). – С. 109-116.
63. Насурдинов Э.С. Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.
64. Науменкова К.В. Российское правосознание: специфика, структура, динамика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2013. – 22 с.
65. Оль П.А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: Монография / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
66. Остроумов Г.С. Соотношение правового и политического сознания // Вопросы философии. – 1964. – № 5. – С. 18–23.
67. Павлова Е.В., Аксенова А.В. К вопросу о профессионально-этическом воспитании сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 176-184.
68. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – 271 с.
69. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (Вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972. – 152 с.: табл.
70. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования): Дис.... докт. юрид. наук в форме научного доклада. – СПб., 2002. – 94 с.
71. Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
72. Программа правового воспитания для дошкольных образовательных учреждений. Правовое воспитание в детском саду: Программа и методические рекомендации / Отв. ред. В.М. Сапогов. – Псков: ПОИПКРО, 2008. – 159 с.
73. Разумовский О.С. Структура // dic.academic.ru
74. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2015. – 559 с.
75. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. – Л. – М.: Госиздат, 1925. – 276 с.
76. Реуф В.М., Сальников С.П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 50-57.
77. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10.
78. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
79. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. – Ростов-на-Дону: Ростовский ун-т, 1969. – 191 с.
80. Сальников В.П. Вопросы правового воспитания. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. – 36 с.
81. Сальников В.П. Гражданская активность личности и правовая культура // Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку: Межвузовский тематический сборник. Ч.1. – Нижний Новгород, 1993. – С. 52–57.
82. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 /МВД России. Санкт-Петербургский университет; Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. – СПб., 2000.- С. 3-5. – в сб. 76 с.
83. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
84. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. / Высшее политическое училище им. 60-летия ВЛКСМ. – Л., 1987. – 86 с.
85. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
86. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
87. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания

- // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
88. Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.
89. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
90. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
91. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоповедения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
92. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrücken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
93. Смолова Т.Ю. Правосознание несовершеннолетних (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 26 с.
94. Строгович М.С. Право и правосознание: тезисы доклада. – М.: Военно-юридическая академия Красной Армии, 1940. – 10 с.
95. Суранчиева Г.Т. Формирование правосознания несовершеннолетних в Кыргызской Республике. – Бишкек: КРСУ, 2013. – 142 с.
96. Теория государства и права / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М.: Высшее образование, 2009. – 752 с.
97. Тишина И.В. Понятие «правосознание» в исторической ретроспективе и современной науке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 273-279.
98. Томсинов В.А. Кризис правосознания как причина разрушения государства // Правосознание российского общества: типологическая характеристика: Коллективная монография / Под ред. В.В. Сорокина и А.А. Васильева. – Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2013. – 254 с.
99. Турбова Я.В. Право в системе нормативного регулирования общественных отношений. Правосознание и правовая культура // Основы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. В.А. Сапуна. – СПб., 2016. – 303 с.
100. Фабриков М.С. Педагогические условия воспитания правовой культуры старшеклассников: Монография / Владимирский государственный ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: ВлГУ, 2017. – 159 с.
101. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М.: Юридическая литература, 1963. – 205 с.
102. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – 590 с.
103. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскер, А. Кустарев; ред. А. Куряев. – М.: ИРИСПЭН, 2006. – 644 с.
104. Целиковский С.Б., Сальникова Е.С. Правовое воспитание в формировании правового сознания несовершеннолетних // Universum: Психология и образование: электронный научный журнал. – 2015. – № 11-12 (20) // 7universum.com.ru
105. Чельцов-Бебутов М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1924. – 92 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

-
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
 8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 от 01 июля 2010 г.

Название Юридическая наука: история и современность

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б

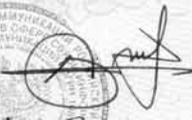
Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более 40 %

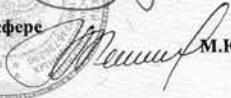
Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ» (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя Р.В. Шердин

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2020, № 3

Выход в свет 09.04.2020. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 99.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

РОО «ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Специалисты нашего центра всегда готовы проконсультировать Вас по любым вопросам, связанным с правами потребителей и защитой этих прав в таких сферах как:

- покупка-продажа недвижимости;
- покупка-продажа любых товаров;
- выполнение строительных или ремонтных работ;
- бытовые услуги;
- транспортные услуги;
- медицинские услуги;
- туристические услуги;
- кредитные вопросы;
- услуги ЖКХ;
- возврат мебели;
- страхование недвижимости и автомобилей.

ЧЕСТЬ И ЗАКОН АДВОКАТСКОЕ БЮРО

Адвокатское Бюро «Честь и Закон»

В рамках Адвокатского Бюро можно получить услуги в следующих направлениях:

- гражданско-правовые споры, в т.ч. семейные;
- уголовный процесс;
- жилищное право;
- арбитражный процесс;
- административное право;
- трудовые споры.

ПЕРВАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Первая юридическая почта предлагает для физических и юридических лиц оказание услуг подачи любого документа посредством курьера в государственные органы без траты личного времени лица.

Это удобно, потому что предоставляется полное сопровождение документов:

- личная консультация и четкое определение гос. органа-получателя;
- составление и оформление юридически грамотных документов;
- своевременная доставка документов в государственный орган.

Преимущества использования Первой юридической почты:

- снятие ограничения по количеству обращений юридического лица в гос. органы за день;
- колоссальная экономия личного времени, нервов и денежных средств подающего;
- отсутствие необходимости в большом штате курьеров;
- отсутствие необходимости оформлять доверенность на подачу и получение документов.

Принципы нашей работы:

- гарантия полной конфиденциальности;
- индивидуальный подход к каждому клиенту;
- детальность и внимательность в каждом вопросе;
- стоимость услуг всегда соответствует результатам проведённой работы.

Лидер Консалт Право осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Комплексное юридическое обслуживание – это полное юридическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности компании по всем правовым вопросам (гражданским, трудовым, финансовым, таможенным, административным, налоговым, земельным), возникающим в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сопровождение включает в себя широкий спектр услуг, в частности:

- регистрацию компаний и ведение малого бизнеса, помощь при оформлении фермерских хозяйств;
- регистрацию Некоммерческих организаций;
- аккредитацию иностранных филиалов и представительств;
- взаимодействие с государственными органами и иными организациями;
- консультации по вопросам корпоративного права;
- подготовку документов для лицензирования деятельности предприятия;
- открытие счетов, оформление зарплатных проектов;
- бухгалтерское сопровождение бизнеса;
- представление интересов в арбитражных судах РФ и судах общей юрисдикции РФ;
- правовой комплаенс;
- реорганизацию фирм, приведение в соответствие с законодательством, внесение изменений в учредительные документы;
- ведение процедуры банкротства компании;
- ликвидацию компаний.

Адрес : г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, дом 78, корпус 2, лит. А, 6 этаж.
Тел: 642 01 11; 607 64 43; E-mail: info@legalhelp.pro

СУМКИ И КАРТИНЫ РКНАМАТ

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Rkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

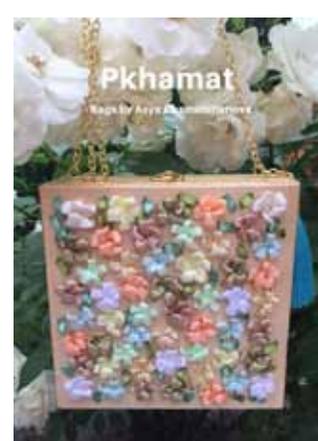
Rkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

**ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ
ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!**

«НИИ Православного хозяйствования»

В настоящее время в российском обществе наблюдается дефицит духовности и нравственности, изобилие пошлости и пустозвонства в современных социально-культурных коммуникациях, в том числе и в средствах массовой информации, всё это приводит к обеднению человеческой природы. Теряются православные традиции, обесцениваются семейные отношения, пьянство и наркомания затмевают умы людей, происходит падение значимости духовного развития человека.

Цели создания НИИ Православного хозяйствования:

- Создавать заслон для влияния Запада и Востока с помощью формирования мировоззрения, основанного на православных ценностях (семья, патриотизм, поддержка, взаимопомощь)
- Восстанавливать положительные политико-правовые и православные традиции
- Выявлять с помощью научного подхода любые риски и противодействовать им
- Оказывать помощь Русской Православной Церкви с подготовкой квалифицированного персонала для ведения полноценной хозяйственной деятельности (обучение церковных служителей правовым основам, бухгалтерии и пр.)
- Проводить научные исследования, направленные на обеспечение единства русской православной церкви и ее приверженцев
- Оказывать помощь РПЦ с подготовкой священнослужителей и гражданского персонала для работы с верующими военнослужащими
- Формировать элиту российского общества, ответственную за судьбу своего народа и государства
- Готовить необходимые предпосылки для создания светского университета, основанного на базовых православных ценностях, способного обеспечить лучшее в мире образование

Правовой статус светского учреждения позволит вузу наряду с подготовкой специалистов по государственным образовательным стандартам реализовывать программы по подготовке специалистов, занимающихся хозяйственной деятельностью в Российской православной церкви.

Одновременно с решением задачи подготовки специалистов для работы по гражданским специальностям, университет будет осуществлять подготовку и переподготовку специалистов, способствующих успешному функционированию не только государства, но и всех институтов гражданского общества, включая православную церковь и другие конфессии. Создание университета должно поднять общественную работу в образовательной сфере на принципиально новый уровень.

Перспективная цель создания НИИ Православного хозяйствования:

Научное и методическое обеспечение подготовки бакалавров, магистров, специалистов по различным направлениям и специальностям.

Университет даст возможность получения светского образования на льготных условиях лицам, имеющим духовное звание, а также относящимся к льготным категориям граждан (дети из многодетных семей, сироты, граждане с ограниченными возможностями, военнослужащие и др.)

Образовательный процесс будет обеспечивать студентам высокий уровень научных знаний, формирование духовной и правовой культуры, овладение политико-правовыми традициями, правомерными нормами поведения. Важнейшая роль отводится воспитанию личности и формированию духовно-нравственной, познавательной, гражданской культуры, навыков общения, обеспечения здорового образа жизни.

Телефон: (812) 338 39 90
info@nii-ph.ru

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечной» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А потому из всего многообразия предложений Кисловодска стоит остановиться свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРИВНЕНКО.

- Насколько мне известно «Солнечный» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и десяти лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Верно, статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает и ответственность «Солнечного» в качестве главного законодателя моды на курорте. В этих условиях мы просто обязаны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным крытым плавательным бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» круглый год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний пляж под огромным стеклянным

куполом и зона развлечений в окружении двух пляжных баров один из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное не могут предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели региона.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного». Сейчас это единственное место на курорте, позволяющее проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах единого комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает недоступную ранее возможность проводить настоящие масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых интересных методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Биорезонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать организм на аллергены, на продукты питания, наличие вирусов, грибов, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность пациентов к определенным заболеваниям и проверить подходят ли им препараты, которые они принимают.

